

Анатолий ЕРОШКИН

г. Петрозаводск

РЕКС

роман

Из дневника Петровича:

«Ну что за непруха-то?! Собрался новый ноут покупать, а по пути решил ещё раз поездить, побродить в том микрорайоне, где Рекс может находиться. Побродил, как же! Потерял бумажник с деньгами. Теперь ни денег, ни ноутбука, ни Рекса. Облом по всем статьям».

Несмотря на свалившееся на него невиданное богатство, Стёпа не изменил своим привычкам. Понимал, что шальные деньги, сколько бы их ни было, всегда заканчиваются, а жизнь продолжается. Да и не хотелось ему засветить перед кем-то свою неожиданную платежеспособность. Сколько охочих до чужих финансов упырей обитает в городе! Бомж для них лёгкая добыча, поэтому в определённый час Стёпа, как всегда, появился у ночлежки в сопровождении Рекса. Кутузка осталась ждать их в соседнем дворе.

Всё было как обычно, наскоро проглоченная скромная порция китайской лапши, вялая перепалка бездомных, Машка, цыкающая на тех, кто пытался пролезть без очереди или просто не нравился ей. Только один эпизод чуточку нарушил обыденность происходящего. Хмаря, сидевший напротив Стёпы, пристально посмотрел на его набитую сумку и спросил вкрадчиво:

— Ты, Стёпка, никак разбогател, счо ли? Ишь, торбу свою доверху набил!

Рекс, услышав шепелявый голос своего давнего врага, зарычал предостерегающе, а Степан чертыхнулся про себя. Ведь говорил же сам себе, что лучше затариться жратвой после посещения бомжатника! Но нет, не удержался, зашёл в маркет, купил всякой всячины.

Стараясь говорить равнодушным голосом, ответил чересчур глазастому Хмаре:

— Разбогатеешь тут! По зиме не очень-то разживёшься чем-нибудь.

— А сумочка-то твоя счем набита? — не унимался Хмаря. — Колбасой с неё так и сшибает в нос.

При этих словах вся компания бомжей у стола разом втянула ноздрями воздух. Неизвестно уж, что они там учуяли, но в

Окончание. Начало в № 11-12, 2023

глазах их явственно зажглась алчность. Стёпа медленно, под пристальным взглядом своих невольных сотрапезников полез рукой в сумку и вытащил из неё палку дешёвой варёной колбасы. Вдох зависти сопровождал её появление. Стёпа, так же не торопясь, достал из кармана складной нож и располовинил «Докторскую». Одну часть спрятал обратно в сумку, вторую подвинул на середину стола:

— Угощайтесь, мужики! Прав Хмаря, подфартило мне сегодня. Вон немец помог. Он в магазине прямо с прилавка батон — кхек-кхе! — тырил, а пока его там гоняли охранник и продавщица, я и умыкнул колбаску.

— И где же батон-то? — недоверчиво спросил Хмаря.

— Это ты у Немца спроси, — хмыкнул Стёпа. — Когда он ко мне обратно прибежал, никакого батона уже не было.

Бомжи, следя за тем, как Иваныч складным ножом аккуратно режет «Докторскую» на ровные кружочки, весело заржали:

— Дурак он, что ли, батонем Хмарю угощать?

— Немец — молодец, а ты, Хмаря, сиди не вякай, пока он тебя опять без штанов не оставил.

— Стёпка, ты почаще Немца в магазин бери — глядишь, каждый день с колбаской будем.

— Не, нам теперь с Немцем в тот магазин вход заказан, — сказал Стёпа, поднимаясь со скамьи. — Они, по-моему, просекли, что мы с ним — кхек-кхе! — заодно, так что лучше обходить его. Бывайте, мужики! Пошли, немец, чего разлётся?

Пока уходящие Стёпа с Рексом были ещё видны, спины их жёг ненавистью взгляд Хмаря. Он не поверил ни одному слову Стёпы, наметанным взглядом сразу определив, что, помимо съестного, в торбе бомжа были ещё две полторашки пива, а это, по бездомным меркам, неслыханное богатство. И умыкнуть его из магазина Стёпа никак не мог. Не по воровской он части, излишне интеллигентен, хоть и потрепан жизнью изрядно.

Стёпа чувствовал опасность всем нутром и ругал себя за то, что не сдержался — засветил своё богатство.

Беда же, как водится, не приходит одна. Обязательно тащит за собой подружку. На привычном месте не оказалось Кутузки. Сколько ни

звал её Стёпа, как ни лалял призывно Рекс, одноглазка не отзывалась.

— Это ты виноват! — в сердцах сказал Стёпа Рексу. — Напугал собачонку до полусмерти. Как она теперь одна выживет? На улице — кхе-кхе! — и с двумя глазами трудно, а уж с одним-то...

Стёпа безнадёжно махнул рукой и, опираясь на свою палку, зашагал прочь. Рекс остался, опустив виновато ушастую голову.

Из дневника Петровича:

«Наверно, впервые в жизни я не обрадовался снегу. Даже лыжи из гаража не принёс. Все мысли только об одном: как там Рекс? Нашёл ли себе тёплое пристанище? Может, прибил к кому? Или в приют попал... О, а ведь это мысль! Как я раньше не додумался? Надо проехаться по собачьим приютам. Кстати, можно и к Витале заехать, Любу поспрошать, она-то должна знать, какие приюты в городе есть. Заодно узнать, нет ли каких вестей от той зоозащитницы, которой она собиралась с землёй помочь в обмен на известия о Рексе».

Никто не учил Рекса идти по следу. Но ведь никто и не отменял память предков, отслеживающих добычу в первобытных лесах. Дикий Пёс, живущий в Рексе, обладал ею в полной мере. Благодаря ему Рекс, хорошо знавший запах Кутузки, принялся распутывать петли и загогулины, которые она выписывала во дворе, пока поджидала их со Стёпой. Вот здесь его подружка вылизала фантик от конфеты... здесь пометила территорию... здесь вспугнула кошку... здесь улепетнула... от кого же?... ага, от какого-то мальчишки, кинувшего в неё снежок. Так шаг за шагом, эпизод за эпизодом Рекс расшифровывал при помощи нюха события, случившиеся во дворе более часа назад. Картинка получалась ясная и ничуть не опасная. Обычные события обычной жизни дворняжки в обычном дворе. Но Рекс упорно продолжал свою розыскную работу. Несколько раз по неопытности терял хронологию событий и начинал всё сначала, но не отступался, снова брал след и распутывал клубок, закрученный Кутузкой.

Его старания увенчались успехом. След начал уводить Рекса в сторону прохода между домами. Похоже, Кутузка шла за кем-то. Но зачем? Рекс

поднял голову и понюхал воздух. Чуть слышный запах сосиски долетел до него. Мерзкий запах! От него веяло бедой и тревогой. Рекс глухо зарычал и вновь взял след. Так и есть! Вот здесь Кутузка остановилась, чтобы съесть брошенную на снег сосиску, которой её заманили за дома... Дальше... дальше её уже тащили за верёвку, наброшенную на шею. Рекс почти физически почувствовал, как сдавливала шею Кутузки жёсткая петля. Как она визжала, хрипела и упиралась в землю всеми четырьмя лапами. А ещё он уловил незнакомый запах трёх... нет, четырёх подростков, которые, глумясь, волокли беспомощную, полузадушенную собачонку в сторону заброшенного дома. Если бы голоса, как запахи, задерживались в воздухе, Рекс непременно бы услышал издевательский смех и слова похитителей:

- Смотри, как упирается, сука!
- Жить захочешь — не так раскорячишься...
- Слышь, Борзый, может, её, как тогда, привязать к байку да потаскать по дороге?
- Не, опять кто-нибудь увидит, вони до небес будет. Надо что-нибудь новенькое придумать.
- А если её из рогаток расстрелять?
- Было уже. Да и живучие эти твари, не один час провозишься, пока добьёшь. Была бы воляна — другое дело!
- Слышь, Борзый, а что такое воляна?
- Пистолет это, деревня необразованная. Чему тебя только в школе учат?
- Где ж его взять? У меня только петарды есть, хотел бабусь у подъезда шугануть, чтобы поменьше про меня мамашке стучали.
- Петарды? А ну покажь! Слышь, пацаны, у меня идея! Давайте сделаем так...

Жаль, что звуки не сохраняются, как запахи. Рекс, конечно, не понял бы, о чём говорят похитители Кутузки, но по интонации сообразил, что ничего хорошего от них ждать не приходится. Может, поторопился бы тогда, может, успел бы...

Кутузка до самого конца не верила, что всё, что происходит с ней, это всерьёз. Она ещё не очень долго жила на улице и по-прежнему доверяла людям. Да, её обижали, конечно, швыряли палками, камнями, выстрелом выбили глаз, но в памяти её намертво засело то счастливое время, когда она жила в квартире, ела из своей миски вкусные кругляши сухого корма, спала на мяг-

кой подстилке. Кутузка надеялась, что её хозяин Тарас обязательно разыщет её и привезёт обратно к себе. Ведь это он однажды сгрёб её в охапку, посадил в машину и увёз в это чужое страшное место. А значит, он знал, где искать свою любимицу. Кутузка потому и не уходила из этого микрорайона. Ведь если уйти, Тарас не отыщет свою Весту. Да-да, Весту! Именно так звали Кутузку до начала бездомной жизни.

Подростки между тем втащили её, полузадушенную, в подвал, привязали верёвкой к торчащей в дальнем углу из стены арматуре. Совсем недалеко от Весты-Кутузки слегка покачивался повешенный на тонкой леске чёрно-белый кот. Висел он тут не один день, и от него ощутимо тянуло запахом смерти и разложения.

— Луня, я ж тебе сказал убрать эту падаль, когда сдохнет! — сердито прошипел на самого низкорослого парня в компах главарь по кличке Борзый. — Сказал, нет?!

— Ну, говорил, — шмыгнул носом Луня. — Так мы это... когда уходили, он ещё дёргался, вот я и решил, пусть ещё потанцует...

— Решил он! — передразнил подростка Борзый. — Давай убирай это дерьмо, а то провоняет тут всё.

От мёртвого кота Луня избавился быстро и незамысловато. Обрезал складным ножом леску, на которой тот висел, за неё же выволок трупик на улицу и, раскрутив наподобие пращи, зашвырнул его куда подальше. Не особенно заботясь о том, что разлагающийся кот может стать источником заразы не только для животных, но и для людей. Луня спешил, он никак не хотел опоздать к началу «забавы», которую предложил Борзый.

Рекс увидел, как подросток скрылся в заброшенном доме, и сразу понял, что именно там и надо искать Кутузку. Он подбежал к подъезду с выбитой дверью, осторожно заглянул внутрь и втянул носом воздух. Сквозь запахи кошачьей мочи, разлагающейся плоти, сигаретного дыма явственно улавливался запах подружки. Слышалось её жалобное повизгивание и поскуливание. Рекса так и подмывало кинуться вниз по подвальной лестнице и напасть на похитителей Кутузки. Но здравый смысл и инстинкт самосохранения воспротивились этому. Что мог он один сделать против четверых? А Стёпа ушёл.

Хотя его суковатая палка могла помочь. Оставалось только ждать и надеяться на лучшее. Рекс улёгся на грязный пол недалеко от входа в подвал, спрятавшись за обломками старого шкафа, брошенного за ненадобностью съехавшими из дома жильцами.

Поначалу в подвале не происходило ничего особенного. Подростки курили, травили анекдоты, судя по запаху, долетевшему до Рекса, баловались баночным пивком. Изредка швыряли в Кутузку обломками кирпичей, та взвизгивала и шарахалась в угол. Подростки ржали. Рекс в такие моменты вздыбливал шерсть на загривке и чуть слышно рычал, с трудом сдерживая порыв броситься на четверых мучителей. А потом из подвала долетели звуки какой-то возни, завершившиеся серией не очень громких хлопков. И раздался сдавленный вой Кутузки...

Рекс понял, что произошло что-то страшное. Он вскочил на лапы и хотел уже кинуться вниз по лестнице, но навстречу ему затопали ноги бегущих пацанов, и Рекс счёл за лучшее снова укрыться за шкафом.

Четверо подростков пулей выскочили из дома и двое из них — те, что помладше, — тут же принялись блевать на истоптанный снег. Двое других закурили, жадно затягиваясь и с презрением поглядывающих на давившихся рвотой подельников.

— А чо, клёво получилось! — бравируя, проговорил Борзый, но подрагивающие руки выдавали его состояние. — Да, Ступа?

— Нормально, — согласился с ним кивком напарник, хотя было видно, что ему тоже не по себе. — Ладно, ты как хочешь, а я домой пойду. Дела у меня.

Ступа затоптал окурок и, не оглядываясь, пошёл к своему дому.

— Слышь, Ступа, смотри не проблюйся, как эти! — крикнул ему вслед Борзый и обидно заржал, потом обратился к младшакам. — А вы чего устались? Быстро вниз, наведите там порядок, поняли?

— Не, Борзый! — отрицательно замотал головой Луня. — Не сейчас. Что-то нехорошо мне.

И Луня опять скрючился, спазмы давили из его желудка какую-то слизь, всё остальное уже было выплеснуто на снег.

— Слабаки! — презрительно цыкнул сквозь зу-

бы Борзый. — Ладно, топайте по домам. Но чтоб завтра всё было почищено там...

Когда голоса и шаги похитителей Кутузки затихли вдаль, Рекс выбрался из своего укрытия и, осторожно ступая по ступеням, спустился в подвал. В нём остро пахло свежей кровью и гарью.

Кутузка была ещё жива. По-прежнему привязанная к арматуре, она лежала на боку и чуть слышно постанывала. Из её единственного глаза катились слёзы. А пасть... Пасть Кутузки была разворочена взрывами петард. Да что там разворочена, её попросту не было. Собака умирала. Это было очевидно. И Рекс лёг рядом с ней, несмотря на опасность, что мучители могут вернуться в подвал. Рекс пытался зализать ужасные раны подруги, но, судя по тому, как она дёргалась от прикосновения шершавого языка, это доставляло ей дополнительные мучения, и он прекратил. Просто лежал, положив голову на лапы, и смотрел, как засыхают глаз Кутузки, а тело перестаёт дрожать и дёргаться.

Стёпу Рекс нашёл в небольшом скверике. В компании двух таких же бомжей он пил пиво. Не из обычной своей полторашки, а из жёлтых баночек, какие сам же и собирал ежедневно в мусорках. Судя по тому, как заискивающе держались с ним собутыльники, сегодня для них Стёпа был спонсором и благодетелем.

Увидев Рекса, Стёпа пьяно осклабился карьерными зубами:

— О, Немец! Знакомьтесь, мужики, умнейший — кхек-кхе! — пёс и друг, между прочим. Кто его обидит, со мной иметь дело будет! И с Иванычем, поняли?

— Каким Иванычем? — переспросил прыщавый бомж, сидевший на скамейке справа от Стёпы.

— С тем самым! — поднял вверх указательный палец Стёпа. — Вы что, Иваныча не знаете?!

— Знаем-знаем, — примирительно сказал левый бомжара, многозначительно подмигнув напарнику. — Давай, Стёпа, ещё выпьем.

Он достал из внутреннего кармана потрёпанной куртки початую бутылку водки и наполнил ею пластмассовый стаканчик.

— Давай, — согласился Стёпа, нетвёрдой рукой приняв подношение. — За тебя, Немец!

Стёпа лихо опрокинул водку в рот, сморщил-

ся, занюхал рукавом. Потом опять сфокусировал взгляд на Рексе, спросил строго:

— Нашёл Кутузку, обормот? Слышь, немец, тебя — кхек-кхе! — спрашиваю!

Услышав кличку уже мёртвой подружки, Рекс напрягся и гавкнул звонко, призывно.

— А ну пошёл отсюда! — замахнулся на него прыщавый, привстав со своего места. — Не хватало, чтобы кто-нибудь на твой лай припёрся сюда.

А вот этого Рекс уже не стал терпеть. Коротко взрыкнув, он прыгнул вперёд и ударил прыщавого лапами в грудь. Бомж не удержался на ногах и плюхнулся задом мимо скамейки, расплещивая вокруг пиво из своей банки.

— Ах ты зараза! — решил вмешаться в происходящее второй собутыльник Стёпы. — Н-на!

В Рекса полетел пустой пластиковый стаканчик. Ох, мужик, напрасно ты это сделал! Рекс налетел на него бешеным лохматым вихрем. Не покусал, но разодрал старенькую куртку, повалил бомжа наземь, поставил лапы на грудь и яростно зарычал ему прямо в лицо. Бомж в страхе закрыл лицо руками и заверещал:

— Стёпа, помоги! Мы же кореша с тобой!

— А я что говорил? — хлопал от восторга себя по коленкам Стёпа. — Не троньте Немца! Это вам — кхек-кхе! — не дворняга какая-то, а бойцовый пёс. Ему сейчас вас загрызть — раз плюнуть. Поняли?

— Поняли-поняли! — в унисон заныли оба бомжа. — Отгони собаку, пожалуйста!

— Немец, фу! — скомандовал Стёпа, уже знавший слово, останавливающее агрессию Рекса.

Когда отпущенные Рексом бомжи уковыляли прочь, забыв о намерении обчистить Стёпу, тот почти трезвым взглядом посмотрел на пса и повторил свой вопрос:

— Ну что, немец, нашёл Кутузку?

Вместо ответа Рекс отбежал от скамейки шагов на пять, оглянулся и заскулил.

— Похоже, что нашёл, — сделал вывод Стёпа, кряхтя поднимаясь со скамьи. — Что ж, веди!

Увидев растерзанную петардами морду Кутузки, бомж чуть не разрыдался:

— Это кто ж тебя так? Вот — кхек-кхе! — изверги! Вот уроды!

Стёпа выпростал из-за пазухи чекушку, свер-

нул алюминиевую пробку и прямо из горлышка отпил половину.

— Ух! — выдохнул он. — Давно я тебя, проклятую, не пил. Но сегодня нужно, да, немец? Думаю, ты знаешь, кто её так. Шас похороним Кутузку... Отомсти — кхек-кхе! — за неё, понял?

Рекс молчал и не двигался. Только глядел неподвижно на уже окоченевшее тело подружки.

Стёпа разыскал в одной из комнат дома старую, испачканную синей краской телогрейку, завернул в неё Кутузку и вынес из подвала. Подниматься по лестнице, одной рукой опираясь на палку, а другой поддерживая брошенный на плечо свёрток, было неудобно. Но Стёпа справился. Сумку, позабытую им в подвале, подхватил зубами Рекс и нёс следом.

Стёпа не стал уходить далеко. За домом он нашёл подходящую ямку, сунул туда скорбный свёрток и завалил сверху битыми кирпичами, камнями и всем, что подвернулось под руку. Постоял немного, стянув с головы вязаную шапку, хлебнул ещё из чекушки и решительно захромал прочь.

Из дневника Петровича:

«Собаки могут покусать, покалечить, даже убить. Но они никогда не будут делать это просто так. Ради развлечения, ради получения удовольствия от страданий других. Садизм — это чисто человеческая черта. И мы после этого считаем себя сотворёнными по образу и подобию Божьему? А может, в собаках гораздо больше божьего, чем в нас! И через них Он даёт нам понять, какими хотел бы видеть людей...»

После смерти Кутузки Стёпа ушёл в запой. Многодневный и безобразный. Предвидя его наступление, бомж заранее затарился в ближайшем магазине дешёвой водкой и пивом и теперь валялся на матрасе в алкогольном забытии. Приходил в себя только для того, чтобы влить в глотку очередную дозу спиртного, кинуть Рексу кусок колбасы или хлеба, а потом вновь проваливался в мрачную бездну дурмана.

Рекс лежал рядом, слушал хрипы и стоны Стёпы, невнятное бормотание:

— Козлы, уроды... эй, стой, кому говорю... ты не должен — кхек-кхе! — пренебрегать критериями утопического субъективизма... отдай,

не то хуже будет... если мы не сражаемся за то, чего хотим, нам невозможно — кхек-кхе! — достичь своей цели.

Уловить что-то знакомое в этом потоке бес-связных фраз не удавалось. Да Рекс и не стремился к этому. Трагические события последних дней что-то опять перевернули в нём, заставили задуматься о том мире, в котором он жил. Обладая редкой приспособляемостью к внешним обстоятельствам, Рекс вписался в мир бомжей и бездомных собак. Нашёл в нём своё место. Но своё ли? В нём практически ничего не осталось от того весёлого и любопытного щенка, который гонялся за бабочками на даче Виталия. Взрослея на улице, Рекс почти убил в себе ту Домашнюю Собаку, которая бесконечно доверяла людям, считала своим предназначением служить им верой и правдой. Зато во весь рост поднялся в глубине собачьей души Рекса Дикий Пёс. Тот самый, что в незапамятные времена не пасовал перед не знающей человеческой цивилизации природой и хищниками, её населяющими. Для него не было авторитетов, кроме него самого. Он не отступал перед сильными, презирал слабых, считал своей добычей всё, что было вокруг. Этот мир принадлежал ему! Горе тем, кто встанет на его пути! И первым должен заплатить долг крови тот, кто обрёк на мучительную смерть Кутузку. Это была единственная собака, к которой Рекс испытал что-то вроде привязанности. Не любви, как к своей матери Джуне, не дружбы, как к своим братьям и сёстрам, а именно привязанности. Но тоненькая ниточка, связывающая одноглазую собачонку и Рекса, была безжалостно разорвана взрывами петард. И кто-то должен был ответить за это.

Кто? Рекс мучительно размышлял над этим под бормотание пьяного Стёпы в течение нескольких суток. Подростки, заманившие Кутузку в подвал брошенного дома? Но они поступили бы точно так же с любой подвернувшейся под руку собакой. Хмаря? Он вообще ни при чём, поскольку был личным врагом Рекса, но никак не Кутузки. Мужик, выбивший ей глаз из пневматической винтовки? Но он только защищал себе подобного от своры разъярённых псов. Тогда кто? Тот, кто натравил свою стаю на одинокого подростка. Страшила! Именно он положил начало, стал толчком к страшной судьбе, пос-

тигшей Кутузку. Вспомнив кудлатого пса, Рекс зарычал и вздыбил шерсть на загривке. Стёпа отозвался на это длинной тирадой:

— Каждый произвольно выбранный предикативно абсорбирующий объект рациональной мистической индукции... хр-р-р... да пошёл ты... хр-р-р-р...

Рекс никак не отреагировал на пьяную заумь Стёпы. Он принял решение. Кудлатый Страшила должен ответить за всё! За лишившуюся глаза Кутузку... за пьяного Стёпу... за нового врага Хмарю... за жизнь Рекса в вонючем подвале... за петарды... Ведь если бы Страшила допустил Рекса в свою стаю, ничего этого не было бы.

Выводы Рекса были не без изъяна. Но он и не мыслил в человеческом понятии этого слова. Для пса его возраста и положения рассуждения были безупречны. Ему нужен был враг, чтобы выместить на нём всю накопившуюся злобу на этот несправедливый и жестокий мир. Враг равный или почти равный по силе, а не тот, что издалека может выбить глаз, загустить кирпичом или затащить в подвал жёсткой верёвкой. И он нашёл такого врага. Страшила заплатит за всё!

Приняв решение, Рекс возобновил слежку за обитавшей в микрорайоне стаей. Уже через несколько дней он выследил, где отсыпается каждая из псин. Знал их лёжки и места кормления. Мог в любую минуту расправиться с каждой из них. Но ему нужен был Страшила. А вожак был слишком хитёр и осторожен, чтобы подставиться. Так запутывал следы, что Рекс при всём своём старании не мог разобраться в них. Напасть же на Страшилу в присутствии стаи — это была верная смерть.

Помог Рексу случай. Пробегаая днём по пустырю, на котором жил до знакомства со Стёпой, он вдруг уловил слабый запах своего врага. Совсем незначительный, еле-еле ощутимый. Пошарив по округе, Рекс нашёл источник запаха.

Оказывается, битый жизнью пёс устроил себе лёжку в старой бетонной трубе, скрытой от глаз кучами мусора. Ценность этой норы была в том, что она имела два выхода. В случае если бы Страшилу кто-то поджидал с одного конца, он, будучи невидимым для врага, легко бы скрылся от него через другой выход. Рекс нашёл оба лаза и пришёл к выводу, что застать Страшилу врасплох ему не удастся. Но слежку не прекра-

тил. Слишком сильно клокотала в нём злоба на весь мир, сконцентрированная на конкретном субъекте — Страшиле.

Вскоре выяснилось, что не только Рексу нужен был вожак бродячей стаи. Подросток, за которого вступился мужик с пневматической винтовкой, тоже выследил его. Рекс узнал его благодаря своему исключительному нюху. Парень не подходил близко к пустырю и не попадался Страшиле на глаза. Прижав к глазам какие-то две чёрные трубки, он издали разглядывал своего обидчика. Стало понятно, что с мстостью придётся повременить. Влезть в конфликт между двумя сторонами Рексу не хотелось. Ничего хорошего от такого ждать не приходилось. Жизнь подтвердила его правоту.

Поздним вечером, когда темнота уже накрыла город, Рекс проследил, как Страшила нырнул в свою нору, перед этим, как обычно, тщательно запутав следы. Буквально через минуту возле пустыря появилась компания молодых парней, вооружённых железными прутьями. Верховодил ими всё тот же пацан, которого едва не растерзала свора.

— У него в норе два выхода, — шептал паренёк своим подельникам. — Надо сделать так, чтобы он не смылся.

— Сделаем, Пашка! — усмехнулся длинноногий подросток, у которого помимо прута была в руках ещё и стеклянная банка, плотно закрытая полиэтиленовой крышкой. — Ты не бойся, всё будет чики-пуки!

— Я и не боюсь, — ответил Пашка. — Просто очень хочется, чтобы эта тварь не удрала. Ищи её потом опять.

Компания разделилась. Двое из них встали у основного входа в логово Страшилы. Двое других контролировали запасной лаз. Длинноногий с банкой встал как раз там. Когда он сдёрнул крышку со стеклянной ёмкости, до Рекса, хоть он и прятался вдали от места действия, явственно долетел резкий запах, которым обычно пахли автомашины. Чиркнуло колёсико зажигалки, и в руке второго пацана вспыхнул самодельный факел — тряпка, намотанная на железный прут.

— Готово! — громким шёпотом сообщил он Пашке с приятелем, вставшим у основной дыры.

Два прута разом ударили по хламу, парни заорали и стали изо всех сил лупить по чём попало,

создавая видимость, что кто-то ломится в логово Страшилы. Но кудлатый вожак стаи был не из тех, кого может напугать простой шум. Из трубы донеслось сначала утробное рычание, а потом показалась морда пса. Пашка, пылающий справедливой, как ему казалось, мстостью, изо всех сил вдарил по ней прутком. Удар пришёлся вскользь, всё-таки реакция у Страшилы была отменная, но громкий взвизг дал понять нападающим, что псу всё же досталось не слабо. Голова Страшилы исчезла в норе, и Пашка, уже не таясь, крикнул второй парочке:

— Сейчас у вас ползёт, не пропустите!

И точно, Страшила, понявший, что основной лаз контролируется жёстко, решил воспользоваться тайным выходом. Он не кинулся в него сломя голову, чтобы опять не нарваться на болезненный удар, а осторожно высунулся, чтобы оценить обстановку. И в этом была его ошибка. Единственный шанс вырваться на свободу был упущен. Ведь если бы он на скорости выскочил из своей норы, не произошло бы того, что случилось через секунду...

Длинноногий плеснул на высунувшегося Страшилу из банки едко пахнущей жидкостью, а второй пацан тут же ткнул в мокрого пса факелом. Страшила вспыхнул и огненным комом выкатился из своего логова. Жуткий вой разнёсся по микрорайону. Отвратительно запахло палёной шерстью и горелым мясом. А подростки дико хохотали и улюлюкали, бросая в заживо сгоравшего пса обломки кирпичей.

Рекс застыл в своей засаде, боясь шелохнуться. Огненный шар отражался в его расширенных от ужаса глазах. Дикий Пёс, который, казалось, должен был радоваться гибели ненавистного врага, замер внутри Рекса в ступоре. Огонь, всепоглощающий и страшный, бушевал на пустыре в виде воющего и катающегося по земле комка пламени. Нет, не такой смерти желал Рекс теперь уже бывшему вожаку стаи. Его нужно было победить в честном бою, в схватке...

Страшила горел недолго. Вой оборвался на высокой ноте, и тишина воцарилась на пустыре. Только тихо потрескивали капли догорающего огня. Молчали и четверо подростков, сотворившие аутодафе для в общем-то несчастного и неприкаянного пса. В чём была вина Страшилы? Только в том, что он, преданный и брошен-

ный людьми на произвол судьбы, пытался выжить как умел, как понимал. Из него, потомка арденских буйве, бесстрашных помощников бельгийских пастухов, получился бы верный друг человека. Но не срослось что-то. И те же люди создали из него Страшилу — злобного и вероломного вожака своры таких же искалеченных предательством собак. А потом сожгли собственное порождение, находя себе оправдание в том, что избавили мир от чудовища.

— Поделом ему, — сплюнул на догорающий ком Пашка. — Не фиг на людей бросаться!

Но не было в его голосе уверенности в собственной правоте. И приятели услышали, поняли это. Ничего не ответив, они просто развернулись и пошли с места казни.

— Эй, вы куда? — окликнул их Пашка.

— Да пошёл ты! — не оглядываясь, бросил длинноногий. — Втянул нас в блудняк какой-то!

Из дневника Петровича:

«Что-то последнее время меня на философию тянет. Даже редактор заметил. Сказал сегодня: «Ты хоть и не в штате, за гонорар вкальываешь, а всё-таки почитывай нашу газету иногда. Общий стиль единым должен быть, а ты то Конфуция к проблемам вывоза мусора пристегнёшь, то Сократа — к подпольным борделям. Проще надо быть, Дима». В общем, цапнулся я с ним, хотя замечание-то дельное. Просто нервы шалить стали. Рекса нигде нет, и меня по-прежнему гложет мысль: а не я ли стал косвенным виновником его бед? Не на мне ли этот грех? Ведь я мог взять его к себе, но отказался. Отказался от дружбы, верности, преданности, любви... И этот отказ — отправная точка непростой судьбы Рекса, предсказанной Айболитом в день его рождения».

После жуткой смерти Страшилы и Кутузки что-то надломилось в собачьей душе Рекса. Что-то очень важное. Теперь всё вокруг пахло враждебностью. Враги окружали его, сжимали круг, гавкали и хохотали торжествующим смехом. Даже во сне Рекс грозно рычал и скалил зубы, давая понять, что так просто не сдастся. Но наяву он ясно понимал, каких трудов ему будет стоять даже просто выживание, не говоря о том, чтобы стать победителем в схватке со всеми сразу.

По ночам Рекс, оставив в подвале так и не пришедшего пока в себя Стёпу, неприкаянно бродил по улицам и дворам. Не столько в поисках еды, сколько в поисках самого себя, потерянного в этом ужасном городе с его жестокими законами. В одну из таких ночей произошла встреча, надолго запомнившаяся Рексу.

В город приехал передвижной зоопарк. На взятом в аренду бывшем стадионе были расставлены тесные клетки, в которых на показ праздным гулякам были заперты лисы, зайцы, барсуки и прочая живность, обитающая в дикой природе. Но гвоздём бездушных смотрин, устроенных дельцами под прикрытием знакомства горожан с разнообразием животного мира, были, конечно, хищники. Старый тигр, львица со львом, бурый медведь, которому безжалостно не давали впасть в спячку. Народ валом валил на них и вёл с собою детей, чтобы поглазеть на осужденных на пожизненный срок зверей. Осужденных ни за что ни про что. Виноватых без вины. Наказанных без преступления. Приговорённых к несвободе без адвокатов и защитников. Но кого волновало это? Царь природы — человек, сам себе водрузивший на голову корону самодержца, — творил беспредел абсолютной монархии самозабвенно и с удовольствием.

По ночам из-за окружённого временным забором из профнастила зоопарка доносились иногда не слышанные Рексом рыки, взлаивания и пiski незнакомого ему зверья. Наткнувшись на это место во время своих гуляний, Рекс приходил к звериной тюрьме еженощно. Что-то тянуло его сюда, и не только запах свежего мяса и требухи, которыми кормили хищников. Хотя кусок свежатины Рекс бы отведал с удовольствием. Одинокие дни, поскольку разбогатевший Стёпа забил на свои обычные дела по добычанию средств к существованию, держали его впроголодь. И в одну из ночей Рекс, подгоняемый голодом, решился проникнуть на зоостадион через узкую дыру, небрежно оставленную рабочими на стыке двух металлических листов.

Осторожно протиснувшись на территорию зоопарка, Рекс долго прислушивался и принюхивался к какофонии звуков и запахов, обрушившихся на него. Опасности не ощутил. Только безысходность и горе властвовали в этом месте.

Рекс с оглядкой, готовый в любой момент рва-

нуть к спасительному лазу, двинулся по проходу между двумя рядами клеток. Увиденное ввергло его в смятение. Он и не подозревал, насколько разнообразен животный мир. Что помимо виденных им в городе собак, кошек, крыс и лошадей, существуют такие особи, что диву даёшься. Впрочем, разную мелочь вроде длинноухих зайцев, рыжих лисиц, барсуков и норок, Рекс без раздумий отнёс к ранее неизвестным ему породам собак. Но обезьянки, ловко карабкающиеся по прутьям решётки, страусы на длинных ногах, пятнистый жираф с вытянутой до невозможности шеей произвели на него шоковое впечатление. Таких зверей просто не могло быть! Но они были. И Рексом, привыкшим доверять своим органам чувств, овладело смятение. Именно таким, возбуждённым, взволнованным, растерянным, он подошёл к обособленному закутку, где содержались крупные хищники.

Встретившись взглядом с жёлтыми глазами огромного тигра, Рекс замер. Он прекрасно понял, что, не разделяя их толстая решётка, шансов выжить у него бы не осталось никаких. Но в глазах большого зверя не было достоинства и мощи, только печаль и покорность судьбе. Со всей очевидностью Рекс ощутил, что такое сломенность. Тигра сломали, растоптали его гордость и силу, унизили, выставив на всеобщее обозрение, оскорбили подачками, заменив ими добычу, пойманную в тайге и пахнущую свежей кровью, а не затхлостью морозильника.

Рекс гордо вскинул голову и прошёл мимо. Он не стал оскорблять пленённого Шерхана презрительным лаем, но и сочувствия к нему не испытал. Нельзя сдаваться! Пока жив, в тебе должна жить надежда. На свободу, на победу, на гордую смерть в схватке. Тигр выбрал медленное подыхание в неволе. И Рекс никак не мог понять этого.

На льва и львицу Рекс глянул мимоходом, проходя. С одного взгляда понял, что они, так же, как и тигр, смирились, сдались, умерли, став живыми игрушками людей. А потом до его ноздрей долетел запах — тревожащий, опасный, разбудивший в самом потайном уголке памяти что-то необычайно важное. Сразу гулко забилося сердце, вздыбилась шерсть на загривке, обнажились в предупреждающем оскале зубы. Из клетки не мигая смотрел на него матё-

рый волк. Перед ним в какой-то плошке лежал недоеденный кусок мяса, но зверь не обращал на него внимания. Рекс был предметом его сдержанного любопытства и лёгкой зависти, мелькнувшей в зрачках.

Волк и овчарка — два извечных врага — долго смотрели друг на друга. Рекс не отводил взгляда, хотя сделать это было необычайно трудно. И постепенно протянулась между ними тоненькая ниточка взаимопонимания. Рекс уловил, что, несмотря на неволю и тесную клетку, волк не сломлен, горд и силен. Понятна стала и его зависть: он завидовал не Рексу, а его свободе, независимости, возможности делать всё, что пожелаешь.

Волк тоже понял, что Рекс глубоко несчастен и голоден. Что ж, это цена любой свободы, и волк готов был заплатить её, только никому не нужна была его плата. Рексу показалось, что матёрый тяжело вздохнул, наклоняя голову к шмату недоеденного мяса. И пожалел его: видимо, лесного собрата тоже сломала жизнь невольника. Но вывод оказался поспешным. Волк не собирался доедать ужин. Он вытащил кусок из миски, подошёл к решётке и вытолкнул его наружу. Мясо шлёпнулось на землю мягко и тихо.

Рекс замер. Он не сразу понял, что сделал волк. Показал, что он независим и не нуждается в подачках своих тюремщиков? Но это глупо! Если живёшь надеждой на побег и свободу, надо поддерживать свои силы любыми способами. Если же...

Волк тихо и доброжелательно рыкнул. До Рекса дошло: он делится с ним своей едой! Ожидать такого от волчары было невозможно, немыслимо, противоречило здравому смыслу. Однако вот же он, кусок мяса, в метре от Рекса. И вот волк, добровольно отказавшийся от него. Рекс опасливо двинулся к угощению. Волк отошёл вглубь клетки, всем своим видом показывая, что не против того, чтобы голодный пёс съел его порцию. Мясо исчезло в пасти Рекса в одно мгновение, и он тут же отступил назад, на всякий случай. Всё-таки не были они с серым разбойником друзьями, хоть и ощутили на мгновение родство душ.

После этой встречи Рекс как будто воспрял духом. Как будто с небольшим куском мяса, подаренным волком, выпит он в себя частичку его

силы, свободолюбия и жизнестойкости. Рекс понял, что свобода и жизнь сами по себе награда. За них можно платить любую цену, и она не будет непомерной. А ещё Дикий Пёс, время от времени диктующий Рексу свои правила поведения и взгляды на происходящее, окончательно слился с ним. Они стали единым целым. Рекс полностью перестал нуждаться в людях, в их заботе и даже любви. Воспоминания о раннем щенячьем детстве, волнах ласки и душевного тепла, накатывающих на него при прикосновении человеческих рук, провалились далеко-далеко на самое дно души, а сверху их сковал холодный лёд рациональности и цинизма.

Из дневника Петровича:

«Собаки могут прожить без людей. Примеров этому тьма! Тогда почему, даже будучи свободными и успешными, они возвращаются к людям, особенно к тем, кто нуждается в них? Хотя что тут удивительного? Я ведь тоже прекрасно обхожусь без Рексов — маленького и большого. И знаю: появившись сейчас у меня в квартире мой дурашка — хлопот не оберёшься. Кормёжка, прогулки в любую погоду, уборка, невозможность уехать куда хочу и когда захочу, прививки, дрессировки... Но всё равно ищу Рекса. Мне без него не то чтобы плохо, просто не хватает его. Так не хватает рук у Венеры Милосской, чтобы насладиться её красотой в полной мере. Она не стала без них менее красивой и притягательной, но стала неполной. Как и моя жизнь сейчас. Может, и собаки чувствуют неполноту жизни, когда лишаются человеческой ласки? Становятся ущербными, а оттого злыми и безжалостными».

Стёпа проснулся с головной болью и мучительной изжогой, жгучими сгустками прыгающей из пустого желудка прямо в гортань. Не вставая с матраса, пошарил в сумке. Пусто. Когда же он успел прикончить свои запасы спиртного? Взял-то ведь немало. Но память отказывалась даже намекнуть на события последних дней. Всё тонуло в каком-то зыбком тумане без просветов и разрывов.

С огромным трудом заставив себя сесть, Стёпа огляделся. Через мутное и грязное оконце под самым потолком в подвал пробивался тусклый свет. Значит, вечер или утро и можно прогулять-

ся до гастронома. А если закрыт, то навестить шинкарку Нину, торгующую неподалёку палёной — разбавленным техническим спиртом. Не бог весть какое питье, но по мозгам даёт классно.

Недалеко от Стёпы у стены валялись пустые бутылки. В надежде отыскать в них хоть пятьдесят граммов пошла он потряс каждую из них. Напрасный труд. Всё выпито и съедено. На полу перед ним только засохшая корка хлеба и пластиковая полторашка, откатившаяся в сторону. Дотянувшись до неё своей палкой, Стёпа подтянул посудину к себе. Так и есть, примерно треть заполнена пенным напитком. Открутив синюю пробку, Стёпа жадно припал к горлышку. Пиво было выдохшимся и чуть кислilo, но, провалявшись в желудок, сразу уняло подступающую к горлу тошноту, потушило изжогу, а через минуту зашумело в голове. То, что надо! Теперь Стёпа был готов к героическому поступку — походу за новой порцией алкоголя.

Оглянувшись — не видит ли кто? — Стёпа взял рукой за чуть выступающий кирпич в стене. Пошатал немного и вытащил. В открывшемся углублении лежали деньги, так неожиданно свалившиеся на него. Трясущимися руками Стёпа пересчитал заначку. Оставалась ещё вполне приличная сумма. Если не шиковать, а Стёпа давно отучился от привычки швырять деньги на ветер, хватит ещё не на один длительный запой. И на жрачку хватит. И для себя, и для Немца.

Вспомнив о собаке, Стёпа ещё раз огляделся вокруг. Хотя будь Немец на месте — заметил бы его сразу же. Тот не имел привычки прятаться куда-нибудь, лежал всегда рядом на тряпке, которую сам же и притащил из дальнего угла подвала.

— Немец! — позвал Стёпа и сам удивился, до чего хрипл и омерзителен его голос.

Пёс не отозвался.

— Гулять — кхек-кхе! — пошёл, — пробормотал Стёпа, кряхтя поднимаясь на ноги.

После выпитого пива в голове бушевал лёгкий шторм, но зато появились силы и цель. Оставив себе пару тысяч, остальные деньги Стёпа аккуратно спрятал всё за тем же кирпичом в стене. Если не знать, нипочём не догадаться, что за ним что-то скрыто. Кирпич и кирпич, таких вокруг тысячи.

Свежий воздух закружил голову бомжа, едва

тот выбрался из затхлой атмосферы подвала. Постояв немного, чтобы успокоить вертящийся каруселью двор, Стёпа неуверенными шагами, опираясь на палку, двинулся в сторону магазина. Брести пришлось долго, хотя лабаз, как называли местные бичи местный магазинчик с многоговорящим названием «Вечный зов», находился через два двора. Самое отвратное было то, что, добравшись, наконец, до него, Стёпа упёрся в закрытую дверь. Было то ли совсем рано, то ли уже поздно, но надежда разжиться спиртным и хоть какой-нибудь едой умерла, разбившись о мигающий красным огонёк включённой сигнализации.

— Чёрт! — выругался Стёпа, которому теперь нужно было возвращаться и топать в другую сторону от подвала. — Надо было — кхек-кхе! — сразу к Нинке идти.

— Счо, Стёпа, знало́т вышел? — раздался за спиной бомжа знакомый ехидный голос. — Рано ещё, полсчаса до открытия.

Стёпа резко обернулся. В двух шагах от него шерился остатками гнилых зубов Хмаря.

— Ты чего тут делаешь? — неприветливо буркнул Стёпа. — Вроде не твоя территория, чтобы здесь шариться.

Хмаря смачно зевнул, дохнув в сторону Стёпы лёгким перегаром, и, нисколько не смутившись наездом, ответил:

— Дык, я это... в гостях тут был.

— Чо? — до глубины души поразился Стёпа. — Ты в гостях? У кого? Скажи ещё, что у бабы ночевал.

— А счо? — обиделся Хмаря. — Скажешь, счо у меня бабы быть не может?

— Ты себя давно в зеркале видел? — не удержался от смеха Стёпа, хотя каждый смешок отдавался в голове гулким эхом. — От тебя — кхек-кхе! —любая баба сбежит, даже самая последняя курва.

— Ладно тебе, — примирительно буркнул Хмаря, хотя было видно, что дались ему эти слова с огромным трудом. — Ты за похмелькой присшёл? Так пойдём опохмелимся, у меня есть.

С этими словами Хмаря достал из-за пазухи початую бутылку вина «777», которое ещё с советских времён все называли «Три топорика». Сказать, что Стёпа удивился такому царскому жесту Хмари, значит, никак не передать ту степь

изумления, в которую он погрузился. Хмаря угощает? Вином? Просто так?! Такого никак не могло быть в этой реальности. Да и в любой другой тоже. И даже во сне, в бреду, в хмельном дурмане такого тоже быть не могло. Но вот же он, Хмаря! Вот протянутые им «Три топорика»! И его приторная до невозможности улыбочка! Нет, что-то определённо случилось в этом мире, пока он пьянствовал.

Откуда Стёпе было знать, что Хмаря встретился ему совсем не случайно. Что уже не первый день он приходит в этот микрорайон ранним утром, чтобы подловить именно его, правильно вычислив, что рано или поздно Стёпу накроет волна похмелья и призовет к себе «Вечный зов». Ещё тогда, когда бомж угостил своих собратьев у ночлежки большим куском варёной колбасы, Хмаря понял, что у него завелись денежки. И немалые, судя по всему. А когда Стёпа трижды пропустил бесплатную кормёжку, Хмаря сделал единственно верный вывод — ушёл в запой. Он долго не решился начать выслеживать Стёпу, чтобы завладеть его богатством, помня о Немце, опозорившем его перед всеми. Но жадность всё же пересилила страх. Хмаря стырил в хозмаге маленький сюрприз, чтобы обезвредить Рекса в случае чего, и начал свою охоту за золотым тельцом.

— Ну счо, будешь похмеляться? — подзадо-рил Хмаря всё ещё сомневающегося Стёпу.

Выпить хотелось до ужаса. И Стёпа, отбросив колебания, протянул ходившую ходуном руку к бутылке.

— Не здесь! — быстро спрятал «топорики» за пазуху Хмаря. — Не хватало есчо, чтобы насменты загребли. Посшли за гарасжи, там нас никто не увидит.

В закутке за гаражами Стёпа наконец-то припал губами к толстому стеклу бутылочного горлышка и сделал первый глоток отвратной по вкусу жидкости, по недоразумению названной вином. В голове у него взорвался разноцветный фейерверк, и мир погас.

Хмаря, отбросив в сторону кусок кирпича, которым он «угостил» по затылку похмеляющегося Стёпу, подобрал вывалившуюся из его руки бутылку и допил не успевшее вылиться на землю вино. Затем деловито обшарил Стёпины карманы и сумку. Всего две тысячи?! И стоило из-за этого сидеть в засаде и руки марать? Хмаря рас-

строился. Однако после некоторого раздумья пришёл к выводу, что Стёпа просто заныкал куда-то остальные денежки, чтобы не рисковать ими во время вылазки за водярой. А раз так, то надо было любым путём выведать у него, где спрятал своё богатство.

Набрав полные горсти присыпанного городской чёрной пылью снега, Хмаря принялся растирать им лицо Стёпы. Через полминуты бомж заворочался, забурчал что-то и открыл мутные, ничего не понимающие глаза.

— Наконец-то! — придав голосу сочувствие и обеспокоенность, произнёс Хмаря. — Видать, ты вчера сильно нарезался, если первый глоток тебя с ног свалил.

— Чего это со мной? — пробормотал Стёпа и потрогал затылок. — О, как больно!

— Так ты после одного глоточка вырубился, да ещо и затылком о кирпич хряснулся, — охотно разъяснил ситуацию Хмаря. — Пойдём, я тебя до твоей берлоги отведу, отлещаться тебе надо.

Стёпа подозрительно покосился на Хмарю и пошарил в кармане. Тысячные были на месте, и это его успокоило. Ведь Хмаря легко мог обчистить его, пока лежал в отрубе, но вот, поди ж ты, не сделал этого. Может, не совсем пропащий он? Голова после похмелья и знакомства с кирпичом соображала плохо. Иначе Стёпа ни за что бы не принял предложение старого знакомого. Упаси боже — или правильно сказать упаси бомже? — от подобных гостей. Уж как-нибудь бы сам доковылял до подвала.

— Пойдём, — согласился Стёпа. — Только затариться чем-нибудь надо, а то у меня голяк полный.

— Надо, — кивнул головой Хмаря. — Вино-то ты разлил, когда грохнулся, а у меня больше ничего нет.

Пока ходили к шинкарке Нинке покупать палёнку и пару банок кильки в томате, пока брели в подвал к Стёпе, а его качало из стороны в сторону, как моряка на палубе в сильнейший шторм, пока выпивали и закусывали, прошло немало времени. Но Хмаря не торопился, понимал, что получить желаемое он может только через терпение и выдержку. Тут как на рыбалке, главное, вовремя подсечь клюнувшую рыбину.

Стёпа быстро осоловел и постоянно лез обниматься к Хмаре, называл его другом и клялся, что

всегда к нему относился хорошо. Приятель щерился своей гадливой улыбочкой и всё подливал и подливал Стёпе, следя, однако, за тем, чтобы тот не впал в забытие, когда выведать что-либо от него станет невозможным. Но Стёпа говорил о чём угодно, от библейских сюжетов до чёрных дыр космоса, только не о том, есть ли у него ещё деньги. Хмаря задавал ему наводящие вопросы, подходил к теме издали и с подковыркой, брал «на слабо». Напрасный труд! Стёпа стоял насмерть, как Брестская крепость. А Хмаре надо было торопиться, что-то подсказывало ему, что Немец не пропал совсем, что в любую минуту он может вернуться, а этой встрече лучше избежать.

Терпение Хмари было вознаграждено. Отвечая на очередной вопрос, что бы он сделал, будь богатым, Стёпа автоматом глянул на стену и провёл рукой по выступающему из неё кирпичу. Хмаря чуть не подпрыгнул от радости. Теперь он ничуть не сомневался, где находится «сейф» Стёпы. Не обращая внимания на его бормотание насчёт яхт, девочек и чёрт знает где находящегося Таиланда, Хмаря принялся вытаскивать вызвавший его подозрение кирпич.

Чуйка не подвела Хмарю. Схватив купюры, лежащие в тайнике, он лихорадочно принялся пересчитывать их подрагивающими руками. Тридцать девять тысяч! Да у него сроду такой суммы не было. Теперь он заживёт! По-королевски, по-царски, как Ротшильд или Рокфеллер... Кто из них, кстати, богаче? А фиг с ними, какая разница?! Главное, он богат! И плевать ему на яхты и девочек, о которых грезил Стёпа, уж он-то распорядится неожиданным богатством по уму! Он такое сделает, такое...

Додумать золотую мысль Хмаря не успел. На Стёпу накатило просветление, и он вдруг понял, что грабят его «сейф». Не затрудняя себя раздумьями, Стёпа вцепился руками в горло Хмари и сдвигал пальцы. Тот захрипел и повалился на матрас. Стёпа прижал его всем телом и всё давил и давил на кадык вора. Хмаря хрипел и царапал ногтями грязный матрас, по которому рассыпались синие тысячные и шесть красных пятихаток, ради которых и шла битва не на жизнь, а на смерть. Может, Стёпа, который в своё время ругал Рекса за то, что тот чуть не загрыз Кутузку из-за сворованного бумажника, и не стал бы заниматься смертоубий-

ством, но алкогольный туман, застивший его мозги, не давал мыслить рационально. И его пальцы сами собой душили человека, которому он минуту назад клялся в верной дружбе.

Хмаря понимал, что смерть уже стоит на пороге, что ещё минута — и всё... Но тут его рука наткнулась на палку Стёпы. Судорожный взмах, и суковатая дубина врезалась в темечко Стёпы. Хватка ослабла, Хмаря вывернулся из-под своего душителя, вскочил на ноги и ещё раз, теперь уже со всей силы, звезданул того по голове. Стёпа лицом вниз рухнул на свой лежак и затих. Хмаря лихорадочно собрал деньги, рассовал их по карманам и замер, услышав за спиной яростный рык.

Хмаря медленно повернулся. Гневный и ошетилившийся Рекс, только что вернувшийся в подвал, скалил зубы. Намерения его были понятны, и ничто не остановило бы его благородный порыв наказать обидчика Стёпы. Однако Хмаря не стал ни убегать, ни прятаться, ни размахивать палкой. Вместо всего этого он сунул руку в карман и вытащил из него небольшой баллончик с хлорофосом. Сдернув с головы засаленную шерстяную шапочку и прижав её к лицу, Хмаря направил щедрую струю едкой жидкости в сторону Рекса. Пса спасло то, что он ещё не успел подойти близко. Но всё равно по чувствительному носу Рекса как будто ударили раскалённой головнёй. Глаза его заслезились, а дыхание сбилось.

Хмаря радостно взвыл:

— Счо, получил, Немсчура! — и ещё раз пшикнул из баллончика.

После чего, не мешкая ни секунды, кинулся к подвальному окошку и выкарабкался на улицу со скоростью испуганного кота. Рекс рванулся за ним, но последствия отравления не дали ему кинуться в погоню. Он не мог взять след, не мог даже разглядеть через слёзы удирающего врага, да и дыхание его постоянно прерывалось мучительным кашлем.

Из дневника Петровича:

«Потому Господь и создал собак, чтобы показать, какими верными, преданными, любящими друзьями должны быть люди. Собаки — эталон дружбы, ориентир в дебрях глупостей и негодяйства, в которых мы плутаем. Они не предадут ни за тридцать сребренников, ни за более наваристую похлёбку. Они вообще не предадут. И без раздумий отдадут жизнь за того, кого любят».

Часть третья «ОДИН НА ЛЬДИНЕ»

Стёпа не сдюжил. Три удара по голове — сначала обломком кирпича, а потом два палкой — сделали своё дело. Сутки он ещё подёргивался и хрипел, так и не приходя в сознание, затем затих и больше не шевелился. Всё это время Рекс провёл рядом с ним. Вернувшись в подвал, когда едкий запах химической дряни почти выветрился, Рекс пытался привести в чувство своего напарника по бездомной жизни, члена своей стаи. Лизал лицо, покусывал руку с судорожно скрюченными пальцами, лапами пытался перевернуть его лицом вверх. Всё было напрасно. Когда Стёпа перестал дышать, Рекс улегся рядом, положил на вытянутые передние лапы голову и невидящим взглядом уставился в кирпичную стену. Окружающий его мир очередной раз обрушился на него, погребя под обломками тех, кому он был хоть немного дорог. Следовало понять, что делать дальше, как выживать, ради чего или кого двигаться, дышать, бороться и побеждать. В тяжкие часы раздумий ему часто виделись немигающие оранжевые глаза волка, смотрящие на него из-за решётки. Лесной брат подбадривал его взглядом, утверждал, что, пока жив, ещё не всё потеряно. Что в этой жизни нужно утверждать себя только клыком, яростным натиском, безжалостным напором.

Рекс соглашался с ним, но что-то в душе его сопротивлялось тому, чтобы полностью принять волчий взгляд на жизнь. Тот наверняка не знал, что такое ласка человека. Как легко и радостно идти с ним, выполнять команды, просто сидеть или лежать рядом, всем существом ощущая мощь и доброту того, кто согласился стать твоим другом. Не хозяином, нет! Именно другом.

Не принимая полностью волчье восприятие мира, Рекс меж тем ясно отдавал себе отчёт, что жизнь не оставила ему другого выхода. Тропа волка, точнее, Дикого Пса, радостно скалившегося в нём, лежала пе-

ред Рексом, и никаких ответвлений, развилок, отвороток он на ней не видел. Долгие размышления привели к тому, что Рекс всё же определил своё место под солнцем.

«Один на льдине» — так ээки называют сидельцев, не желающих принимать участие в чужих разборках, — крепких, серьёзных, суровых отщепенцев, умеющих постоять за себя, — индивидуалистов, всегда готовых дать отпор всякому, кто встанет на их пути или попытается диктовать свои условия. Этот путь показался Рексу наиболее приемлемым. Но прежде чем окончательно замкнуться в себе, Рекс наметил первоочередную цель — вернуть долг крови.

Решив всё для себя, Рекс поднялся, коротко глянул на очолевшего Стёпу и без колебаний вылез на улицу привычным путём — через подвальное окошко.

Немало времени ушло на то, чтобы завоевать себе уважение в окрестностях. В основном Рекс дрался с такими же, как он, бродячими псами. Напор, ярость, острые клыки в скором времени сделали своё дело. Каждая псина в микрорайоне теперь знала, что лучше не трогать этого безбашенного кобеля. Ни в одиночку, ни втроём, ни даже стаей. Напугать или обратить в бегство его было невозможно, а вот расстаться со своей жизнью — запросто. Пара-тройка трупов собак с разорванным горлом уже была найдена дворниками во дворах и выброшена в мусорки.

Как-то под утро Рекс по привычке хотел заглянуть в знакомый подвал. В нём уже стало ощутимо пованивать трупным разложением, но Рекс пока не нашёл в себе сил навсегда покинуть его. Однако в этот раз его ждало разочарование. Издалека Рекс наблюдал за тем, как двое крепких санитаров вынесли через отпёртую подвальную дверь носилки, на которых, укрытый грязной простынёй, лежал Стёпа. Точнее, то, что осталось от него. Трупный запах долетал до Рекса даже на большом расстоянии. Стоящий у труповозки участковый вместе с мужиком, позвонившим в полицию насчёт ужасной вони, пробивающейся в подъезд из подвала, как по команде отступили от машины подальше и зажали носы пальцами.

— Гуда его теперь? — гнусаво спросил мужик.

— Известно гуда, — ответил ему в унисон молодой лейтенант. — В морг, на всгрытие.

— А гто его так?

— Хрен знает! — равнодушно ответил участковый. — Навечно, кто-то из таких же, как он.

— Найдут — гто?

От такого идиотского вопроса блюститель закона даже разжал пальцы, зажимающие нос:

— Ты что, больной, Николаич? Кто ж кого искать будет? Это же бомж! Без роду, без племени. Подох, как говорится, Максим, да и хрен с ним! Глухарь, однозначно.

— Человек же всё-таки, — неуверенно произнёс Николаевич.

Но полицейский только рукой махнул досадливо и зашагал в сторону опорного пункта строчить бумаги на смерть Стёпы. Сухие казённые строчки заменяют ушедшим в иной мир бомжам некрологи, поминки, оркестры, отпевания и прочие традиционные действия, которые нужнее живым, нежели мёртвым. Но даже полицейский протокол о трупе найденного бомжа — это всё равно больше, чем выброшенные в мусорный контейнер останки собачонки с дворничьим поминальным словом:

— Одной тварью меньше стало!

Случись прощание со Стёпой чуть раньше, Рекс наверняка бы сильно переживал. Может быть, даже побежал бы за труповозкой. Но что-то заостенело в нём, не позволяло никакой жалости или состраданию пробиться к сердцу. Поглядев, как двое работников управляющей компании запирают подвал, а потом крепко заколачивают досками окошко, Рекс равнодушно повернулся спиной к месту своего недавнего логова и отправился искать новое.

Из дневника Петровича:

«Наверно, мне уже не найти Рекса. Его нигде нет. Не хочется думать о плохом, но... Сегодня у гастронома опять встретил того самого голодного спаниеля. Он даже махнул мне хвостом. Узнал, наверное. Накормил его сосисками. А он опять смотрел мне вслед грустными глазами. И ни о чём не просил...»

Спустя какое-то время о Рексе заговорил весь город. Точнее, не о нём самом, а о делах, им творимых. Стащенные с прилавков на городских рынках колбасы и рыбины, вырванные из рук женщин авоськи с продуктами, пи-

рожки и бутерброды школьников, которыми они откупались от злобного пса, преградившего им дорогу, утащенные из курятников частных домовладений на окраинах куры и утки — это был далеко не полный перечень «подвигов» Рекса. Он всегда действовал хитро, осторожно и с выдумкой, никогда не появляясь на месте своего очередного налёта ранее чем через пару недель. Выследить его, а уж тем более наказать было практически невозможно. Хотя желающих сделать это было много, и с каждым днём число их только росло.

В один из весенних солнечных дней, когда звенела с крыш капель, а снежные сугробы начали таять, обнажая скрытые под ними хлам и мусор, город потрясла и взбудоражила страшная находка. В паре кварталов от бомжатника, куда Стёпа и Рекс регулярно ходили за бесплатной порцией китайской лапши, в сточной канаве высунулась из остатков сугроба синюшного цвета рука мёртвого человека. Вызванные бдительным прохожим полицейские не стали сами возиться с вытаскиванием из-под снега трупа, а за бутылку водки подрядили на это дело бездомных. Да и чего было церемониться? Ну, замёрз по пьяни какой-то забулдыга, не добравшись до дома, и что? Такие случаи не редкость в большом городе.

Не очень-то заботясь о мертвяке, нанятые на работу бомжи обвязали окоченевшую руку верёвкой и, поднатужась, выволокли трупешник на открытое пространство. Все, кто находился рядом, разом ахнули. Вместо горла у него зияла иссиня-чёрная дыра. Рваные края раны, чёрная запёкшаяся кровь ясно свидетельствовали: ни о каком несчастном случае нет речи. Смерть была насильственной.

— Вызывай следственно-оперативную группу, — скомандовал старший лейтенант, командир группы патрульно-постовой службы сержанту. — Тут убийством пахнет.

Пока сержант тараторил в рацию о страшной находке, бомжи закурили вонючие дешёвые сигареты. Потом один из них, подойдя ближе к трупу, склонился над ним и пробормотал сдавленным голосом:

— Оба-на! Так это ж Хмаря!

— Чего говоришь, Лысый? — не расслышал его напарник.

— Хмаря это! — повысил голос Лысый.

Второй подошёл, наклонился, взгляделся в синее лицо и равнодушно выпустил в него струю сигаретного дыма:

— Точно, он.

Старший лейтенант насторожился, прислушиваясь к разговору бомжей.

— Он уж давненько пропал, — говорил Лысый.

— Пошёл в магазин за пивом и пропал. Бывает же так. А, Нэсик?.. Какая тварь его загрызла?

— Да хрен с ним! — раздражался тот, кого называли Нэсиком. — Он тебе брат или сват, чтобы переживать? Э, командир, расчёт давай, и пойдём мы.

Лейтенант, в руках которого была обещанная работникам бутылка дешёвой водки, неспешно спрятал её во внутренний карман бушлата.

— Э, ты чего? — возмутился Нэсик. — Обещал — давай! А то в следующий раз замаешься помощников искать! Сам будешь дохлятину ворочать. Понял, нет?

— Ты язык-то свой придержи! — осадил его мент. — Я слышал, вы вроде узнали его?

— Кого? Этого? — ткнул грязным пальцем в сторону мёртвого Хмари Лысый. — Чего его узнавать, Хмаря это.

— Фамилия, имя, род занятий? — напористо продолжил дознание лейтенант.

— Ха, кто ж это знает? — хохотнул похмельный Нэсик. — Хмаря он и есть Хмаря. А род занятий у него — ни черта не делать. Он этим уже много лет занимается. Начальник, бутылку-то отдай!

— Отдам, не беспокойся. Сейчас следак подъедет, расскажете ему всё — и получите своё пойло.

— Не, мы так не договаривались... — начал было Нэсик, но полицейский так глянул на него, многозначительно хлопнув по ладони резиновой дубинкой, что тот счёл за лучшее заткнуться.

По свежим следам, хотя в данной ситуации их правильнее было бы назвать протухшими, ничего путного установить не удалось. Лысый с Нэсиком повторили то, что уже сказали лейтенанту, а в самом бомжатнике персонал, подняв старые записи, поведал оперативникам, что на самом деле Хмарю звали Георгием Мефодиевичем Красносельским.

— Хмаря Мефодиевич, да ещё и Красносельский, — развеселились бездомные, радуясь неожиданному развлечению. — Он что, дворянских кровей?

— Ага, дворянских! Во дворе его заделали, во дворе и подох!

— Дворяжка, короче!

— А ну цыть, раскудахтались тут! — прикрикнул на разошедшихся бездомных оперативник. — Ещё что можете добавить про этого... Красно... короче, Хмарю?

— Не-а, — чуть не синхронно отозвались бомжи.

— Никто с ним не корешился, сволочной был, жадный и завистливый. Так что теряете здесь понапрасну время, парни! — подвёл итог разговору Иваныч, а сам о чём-то крепко задумался.

Рекс и после смерти Стёпы изредка навевался к дому ночного пребывания. Не из-за голода, питался он неплохо, усвоив профессии вора, разбойника и вымогателя, а по причине какого-то внутреннего томления, проходило которое только после общения с людьми.

Бомжи встречали подросшего и окрепшего пса приветливо, как своего:

— О, Немец пришёл!

— Гутен таг, бродяга!

— Где пропал, гитлер-югенд?

— Отьелся-то как, фашистская морда!

Рекс вслушивался в раздающиеся с разных сторон голоса, будто пытался понять, что ему говорят.

Погладить Рекса или ещё как-нибудь дотронуться до него никто из бомжей не пытался. Уважали его независимость и твёрдый характер. Но на этот раз к нему подошёл Иваныч и, присев на корточки, спросил полушёпотом, так, чтобы не слышали остальные:

— Немец, это не по твою душу к нам менты навевывались? Ты Хмарю замочил?

Услышав знакомое и ненавистное имя, Рекс ошетинился и глухо зарычал.

— Ты! — утвердительно качнул головой Иваныч. — А за что?

Рекс молча смотрел ему в глаза, не переставая тихонько рычать. Потом отвёл взгляд в сторону и уставился на то место, где обычно сидел Стёпа.

— Вот, значит, как! — понял Иваныч. — Теперь всё ясно. Не бойсь, Немец, никто тебя здесь не сдаст. А ты молодец, по понятиям поступил. Хмаря давно на перо напрашивался, но так, как ты сделал, даже лучше.

Из дневника Петровича:

«Вычитал недавно, что собаки-спасатели, которые ищут под завалами людей, впадают в депрессию, если находят только трупы. По просьбе спасателей добровольцы даже прячутся в развалинах, чтобы четвероногие помощники смогли обнаружить живого человека. И это ненадолго избавляет собак от стресса, позволяет хоть как-то приободриться. Замечу, что спасают-то псы-спасатели не своих хозяев, а совершенно им незнакомых людей. Откуда в них это? И почему мы не можем так же воспринимать беду себе подобных? И кто из нас человечнее?»

— Дела-а-а! — протянул Петрович, отложив газету в сторону и сняв очки.

Местная пресса пестрела заголовками «Псы-убийцы», «Бродячие собаки убили бездомного», «Дружок-потрошитель», «Дикие собаки в городе» и всё в таком же духе. Телевидение не отставало и раз за разом выдавало ужасные истории про то, как четвероногие друзья становятся зубастыми врагами человека. Про интернет и говорить нечего. Соцсети просто помешались на собачьей теме. А разбросу мнений насчёт того, кто виноват и что делать, могли позавидовать самые рейтинговые политики. Они, кстати, тоже не пропустили лакомой темы и умными иностранными словами рассуждали о гуманности, толерантности и вине людей за то, что дикие стаи заполонили город. Методы борьбы предлагались разные, как правило, полярные. Зоозащитники настаивали на том, что собак нужно отлавливать, стерилизовать, пристраивать в семьи, а если не удастся, вновь выпускать в город. Мол, стерилизованные и кастрированные, они уже будут не опасны для людей. Другие — а их было большинство, — с пеной у рта доказывали зоозащитникам, — точнее, «зоошизе», как они их называли, — что города принадлежат людям и любое собачье нападение на них должно приравняться к преступлению и караться смертью. Никто, конечно, ни в чём друга убедить не мог, и споры с взаимными оскорблениями и угрозами только разгорались.

Петрович не лайкал и не комментировал появляющиеся сообщения. Его тошнило от того, что спрятавшийся за ником анонимный дебил мог безнаказанно оскорблять и обзывать себе-

седника. Попробовал бы он это сделать в реальности, когда есть конкретная возможность получить в ухо! Зато фотки бродячих собак, регулярно выкладываемые пользователями, рассматривал очень внимательно. Но Рекса на них не было. То ли осторожен был до крайности, то ли не выдержал тягот бездомной жизни и стал жертвой либо отморозков, либо таких же отверженных, как и он сам. Но Петрович надеялся, хотя прошло немало времени и Рекс должен был уже превратиться во взрослого пса. Только вряд ли что осталось в нём от того смешного и любопытного щенка, что жил на даче у Виталия и с доверчивой надеждой смотрел на самого Петровича.

Тяжко вздохнув, Петрович никак не мог избавиться от чувства вины за невольное предательство сына своего четвероногого друга, он дотянулся до мобильного, лежащего на журнальном столике, и набрал знакомый номер.

Виталий отозвался сразу:

— О, какие люди, блин! Здрав будь, боярин!

— И тебе не хворать, Виталий! Как сам?

— Да нормально всё.

— Как Джуна?

— Она, кх-кх... — закашлялся было приятель, но всё же ответил через паузу: — Рожать собирается она. Ты извини, Рекса твоего нет, так что пришлось ей нового партнёра подыскивать.

— Да не извиняйся ты! — успокоил собеседника Петрович, хотя напоминание о погибшем Рексе всё же царапнуло сердце. — Что же, Джуна вдовствующей императрицей до конца жизни быть? Бабе мужик нужен, а сучке — кобель. Хорошего хоть кавалера ей отыскал?

— Просто великолепного! — похвастался Виталий, но тут же спохватился. — Не ровня твоему Рексу, конечно, но тоже хорош, ничего не скажешь.

— Вот и ладушки! — кивнул Петрович, как будто приятель мог видеть его. — Здоровья будущей мамашке! Слышь, Виталий, а о маленьком Рексе никаких известий не было?

— Не было, дружище! — вздохнул тот.

— А эти... как их... зоозащитники Любе не отванивались?

— Ха, они как получили свой участок земли, так и пропали. Больно им нужен Рекс! Свою проблему решили, а дальше хоть потоп. Да,

кстати, слышал, какой шухер в городе поднялся из-за трупа бомжа?

— Об этом только глухой мог не слышать. А в чём дело?

— Сейчас трубку Любаше дам, она тебе всё объяснит.

Ждать пришлось несколько минут. И всё это время Петрович недоумевал: что же такое затеяли городские власти? Неужто и вправду отстрел собак начнут? Люба, как всегда, говорила напористо и веско. А как ещё может разговаривать заместитель начальника департамента имущественных и земельных отношений городской мэрии?

— Дима, привет! Я уже сама тебе звонить хотела. Значит, так! С завтрашнего дня в городе открывается охота на бездомных собак...

— Отстреливать будут?

— Не перебивай. В соответствии с постановлением мэра сразу три фирмы будут ловить животных, отвозить их в приюты, держать там три дня, а потом, если окажутся невостребованными, усыплять.

Петрович помолчал, переваривая услышанное, а потом растерянно спросил:

— А как это — усыплять?

— Один укольчик — и привет! Всё необходимое уже закуплено.

— А по-другому никак нельзя было?

— Димка, ты что, с Луны свалился? — снисходительно спросила Люба. — Ты же в газету статьи пишешь, должен знать, что осенью выборы мэра будут. И наш глава пойдёт на них. Если же проблема бродячих собак не будет решена, чёрта с два ему это кресло светит.

— Понял. А в течение трёх дней отловленных псов может любой забрать?

— В принципе, нужно будет хозяину документы на собаку предъявить. Но это вопрос решаемый, — Люба сделала небольшую паузу и спросила: — Ты, как я понимаю, хочешь в приютах Рекса поискать?

— Ну да! Вдруг попадётся...

— Удачи тебе! Если будут трудности, сразу звони мне, что-нибудь придумаем. Ладно, всё, а то Матвеев сейчас мне руку вместе с трубкой вырвет...

— Петрович, блин! — заорал в мобиле голос Виталия. — Я с тобой Рекса искать поеду!

— Тебе-то это зачем?
 — Как зачем, как зачем?! — захлебнулся негодованием приятель. — Он же от меня, не от тебя сбежал. Значит, я в ответе за него.
 — Хорошо, — согласился Петрович. — Завтра вечером заеду к тебе, поедem вместе. Но ты узнай у Любы адреса приютов, куда отловленных собак свозить будут.

Из дневника Петровича:

«Прежде чем ехать по приютам, решил почтнуть что-нибудь о них. И первым делом наткнулся на инфу, что в Якутске перерезали глотку двум сотням приютских собак и кошек. Трупы выбросили в мусорный контейнер. И это в городе, в котором тремя годами раньше открыли памятник бездомной собаке...»

В списке собачьих приютов, который Виталий сразу же дал Петровичу, как только сел в машину, насчитывалось около десятка адресов. А уж их названия заставили бы улыбнуться даже самого грустного клоуна: «Хутор собачьей надежды», «Четырёхлапая семья», «Собачий рай», «Усы, лапы и хвост», «Чудо-остров», «Жизнь собачья» и далее в том же духе.

— Ну и куда поедem сначала? — ухмыльнулся Петрович. — На хутор, остров или сразу в рай?

— Да мне без разницы! — засмеялся Виталий. — Только в рай пока рановато.

— Тогда на хутор, — решил Петрович. — Он ближе всех к нам.

Приюты, несмотря на разницу в названиях, не отличались разнообразием интерьеров. Тесные клетки, сваренные из железных прутьев или сколоченные из досок, но с забранной металлической сеткой фасадной стороной. Цепи, на которых сидели псы, которым не досталось отдельного «люкса» в этих хуторах, островах и семьях. В помещениях — старых складах, цехах — остро воняло псиной, отвратной едой и безысходностью. Чуть лучше обстояло с этим дело в приюте «Собачий рай», но не потому, что уход за постояльцами был лучше, просто располагался он в бывшем цехе сборки деревообрабатывающего завода. И в нём сохранилась система принудительной очистки воздуха от древесной пыли. Она-то и спасала частично от вони.

Самые разные собаки — рыжие, чёрные, се-

рые, мелкие, крупные, породистые и нет — лаяли, подвывали, скулили или просто лежали на бетонном полу, потеряв интерес к окружающему, да и к своей жизни тоже. Они уже не ждали от неё ничего хорошего, досыта хлебнув бродячей жизни и жестокости городских джунглей.

— Мать честная! — почему-то шёпотом воскликнул Виталий. — Сколько же их в городе, блин, если в приютах столько?

— Тебе точную цифру назвать или примерной хватит? — подначил приятеля Петрович.

— Точной не надо, и так вижу, что до хрена, — ответил Виталий, оглядываясь по сторонам: — Ну и где здесь хоть кто-нибудь? Должен же кто-то за собаками приглядывать!

— Ну, я приглядываю, — раздался за спинами посетителей приюта молодой голос.

Принадлежал он высокому нескладному юнцу в халате, некогда белом, а теперь похожим на шкуру леопарда из-за многочисленных пятен и разводов. В одной руке студент, как мысленно окрестил смотрителя Петрович, держал бутылку молока, в другой пирожок с капустой и аппетитно ужинал, вызывая у собак чуть ли не истерику.

— Здорово! — буркнул Виталий. — Хлеб да соль!

— Ем, да свой, а ты рядом постой! — хохотнул студент.

— Гляди-ка, начитанный какой! — удивился Петрович. — Шолохова читал?

— Не только его, — подмигнул ему студент. — Ещё Мопассана, Гюго, Гёте, Гаргантюа и Пантагрюэля...

— Это тех самых, которые роман «Франсуа Рабле» сочинили? — с самым серьёзным видом задал вопрос Петрович.

Студент весело засмеялся, оценив шутку Петровича, и представился:

— Меня Вадик зовут. Учусь на филологическом, а здесь по зову души волонтерствую. Вы собачку себе присматриваете или по другому поводу пожаловали?

— Ты в породах собак разбираешься? — спросил Петрович.

— Если честно, то не очень, — признался Вадик. — Пуделя от кавказца отличить сумею, но не более того.

— А про немецкую овчарку слышал? Её от других сумеешь отличить?

— Ну, это запросто! — улыбнулся будущий

филолог. — Кто пару честных фильмов о войне видел, тот эту породу ни с какой другой не перепутает.

Виталий с Петровичем переглянулись. Студент им понравился. Не то что сторожа в других приютах — наглые, грубые, подданные бабы и мужики.

— Слышь, Вадик! — доверительно обратился к студенту Петрович. — А сейчас в вашем аду собачьем немцы есть?

— Наш приют называется «Собачий рай», — поправил Петровича образованный сторож. — Но, в общем-то, вы правы, на царство Аида это больше похоже. А немцев здесь нет ни одного. Сами ведь знаете, что русской дворняге хорошо, то немцу смерть.

На всякий случай Петрович с Виталием осмотрели все клеточки. Прав оказался Вадик, ни одной овчарки в них не было. Как и во всех остальных приютах, осмотренных ими ранее. Петрович нацарапал в записной книжке свой телефон, вырвал листок и протянул его Вадиду:

— Не сочти за труд, позвони, если вдруг немца привезут. В долгу не останусь.

— Хорошо, — легко согласился студент. — Потерялась собачка?

— Если бы... — Виталий, до сих пор ругающий себя за то, что не уберёг Рекса, отвернулся и пошёл к выходу из приюта.

— Переживает! — пояснил Петрович. — Всё, бывай! Звякнуть не забудь!

Оставшись один, Вадик сунул листок в карман, привычно цыкнул на галдящих собак и достал из кармана мобилу:

— Алё! Ирина Аркадьевна, тут только что двое приходили, немецкую овчарку искали... Конечно, нет! Он так и лежит в подсобке... На цепи, конечно... Да понял я, понял... Пять тыщ на дороге не валяются.... Всё сделаю как надо, не беспокойтесь, Ирина Аркадьевна!

Из дневника Петровича:

«Объездили с Виталием приюты. Трупов собак в мусорках не видели, но и без этого настроение поганое. Такое впечатление, что люди свихнулись и разом вышвырнули всех своих собак на улицу. На обратном пути заехал к гастроному, хотел взять спаниеля к себе домой, спасти от собаколовов, но его там не было. А я-то рассчитывал хоть одного уберечь от отлова и «усыпле-

ния». Надо же, какое слово культурное придумали для самого заурядного убийства!»

О том, что за бродячих собак в городе взялись всерьёз, Рекс понял практически сразу. Дважды за день он стал свидетелем того, как люди в синей униформе волокли в крытый фургон пойманных псов. Первыми, как это обычно бывает, попадались в плен доверчивые и ласковые. Белая собачонка, поманённая куском колбасы, сама подошла к собаколовам, дружелюбно помахивая лохматым хвостом. Тут-то её и накрыл огромных размеров сачок. Как ни вырывалась и ни скулила пленница, её равнодушно запихали в «воронок», из которого доносилось жалобное и злобное собачье многоголосье.

Второй раз, уже в другом дворе, Рекс увидел, как здорового пса, чем-то похожего на Страшилу, недоверчивого и злобного, обездвижили выстрелом из пневматической винтовки. Небольшой розовый дротик с усыпляющим веществом вонзился кобелю в плечо. Он взвизгнул, бросился бежать, но уже через пару метров ноги его подкосились, и пёс рухнул на грязный асфальт. Дюжий сотрудник фирмы «Экологический санконтроль» схватил его за шкурку и поволок к машине. Поначалу Рекс подумал, что пса просто убили, но не было запаха крови и смерти, которые ни с чем другим он спутать не мог бы. Значит...

Додумать мелькнувшую мысль Рекс не успел, краем глаза заметил, что дуло винтовки из окна фургона развернулось в его сторону. Сразу вспомнился мужик на балконе, выбивший глаз Кутузке из такой же штуковины. Дикий Пёс внутри Рекса зарычал и отпрыгнул с линии выстрела. Дурно пахнувший какой-то химией дротик вонзился в край деревянной скамейки, у которой секунду назад стоял Рекс.

— Тебя где стрелять учили, мазила? — заорал молодому напарнику здоровяк. — Небось, в стройбате тачку гонял, а автомат только на присяге видел!

— Да нормально я стреляю, — огрызнулся парень. — Просто пёс чересчур умный попался. Ты видел, как он грамотно от выстрела ушёл? Видать, знает, что такое винтарь.

Здоровяк глянул на не убежавшего со двора

Рекса, внимательно наблюдающего за действиями «экосанитаров», и попросил коллегу:

— Дай-ка мне винтовочку, Серёга!

— Держи, — не стал кочевряжиться молодой. — Только ты, Валера, быстро стреляй, а то он успеет отскочить.

— Не учи учёного! — хмыкнул Валерий, ослабленно держа оружие в правой руке дулом вниз.

Бывший десантник прицелился зрачками в сидевшего Рекса, чуть повернулся и резко вскинул винтовку — пых! Вытолкнутый сжатым воздухом дротик должен был угодить собаке в грудь, но в долю секунды Рекс, ни на миг не ослабляющий бдительности, качнулся в сторону, и маленькое розовое копыё свистнуло в миллиметре от его шкуры, улетев в кусты.

— Чёрт! — ругнулся бывший вэдэвэшник.

— Ну и кто из нас мазила? — засмеялся Серёга. — Говорил тебе, что пёс умный.

— Заряди! — протянул ему пневматику Валера.

— Слушай, у нас зарядов не так много, — попытался отговорить его напарник. — Два уже на этого истратили. Может, ну его на фиг? Мало, что ли, других собак по району бегают?

— Заряди! — тихо, но упрямо скомандовал Валера.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами Серёга и вставил дротик в дуло переломленной пополам винтовки.

Пытаться повторить свой трюк с внезапным вскидыванием оружия Валерий не стал. Убедился, что Рекса этим не проведёшь. Он решил сменить тактику и вообще отвернулся от пса, зашагав к ближайшему подъезду пятиэтажки. Позвонив по домофону в наугад выбранную квартиру, Валера что-то сказал в микрофон и скрылся за пискнувшей сигналом массивной железной дверью. Рекс проводил его внимательным взглядом и чуточку расслабился. Не понаслышке знавший о коварстве и жестокости людей, он был всего лишь псом, самой природой лишённым возможности гроссмейстерски просчитывать ходы противников. Потому и не заметил, как на третьем этаже тихо приоткрылась створка кухонного окна, а из-за тюли высунулось чёрное дуло.

Бжик! На этот раз десантник не промахнулся. Резкая колющая боль в правом плече заставила

Рекса дёрнуться и зарычать. Он готов был броситься на обидчика, но никого не было рядом. С запозданием пёс понял, что его снова вероломно обманули. Бросился было бежать со двора, но в голове закружился разноцветный туман, лапы подкосились и отказались повиноваться.

— Ну как? — горделиво спросил у напарника Валерий, вышедший из подъезда.

— Круто! — восхищённо цокнул языком Серёга. — С такого расстояния и из этого пулькостреля точно в яблочко!

— Учись, салага! — Валера вернул винтовку и пошёл к лежащему на боку уснувшему Рексу.

Из дневника Петровича:

«Скоро День Победы. А часто ли мы вспоминаем о том, что наши собаки тоже имеют право его праздновать? К примеру, о том, что за годы войны в армию было призвано около шестидесяти восьми тысяч собак? Что они служили саперами и диверсантами, санитарями и подрывниками, связистами и разведчиками? И даже ходили в контратаку. 30 июля 1941 года у украинского села Легедзино батальон погранотряда принял свой последний бой. Цитата: «Силы были слишком неравны: против пяти сотен пограничников воевал целый немецкий полк. Когда в живых оставалось всего несколько бойцов и исход боя был предрешен, на врага выпустили последний резерв. 150 обученных служебных овчарок под шквальным огнем неприятеля буквально вгрызались немецким пехотинцам в глотки, искусанные солдаты в панике отступали, пока к ним на подмогу не подошли танки».

В приюте «Собачий рай» никаких трудностей с приёмом отловленных животных не возникло. Деньги, выделенные бюджетом на очистку города от бродячих животных, творили чудеса. Двадцать пять разномастных собак были тут же распаханы по тесным клеткам, был составлен соответствующий акт об этом, заверенный подписями ловцов и самой владелицы приюта Ириной Аркадьевной Самохваловой.

Когда «экосанитары» уехали, хозяйка начальнически поманила к себе пальцем тут же подбежавшего к ней студента Вадика:

— Видел, какого немца привезли?

— Конечно. Замечательный экземпляр, хоть я в породах не силён...

— У меня заказ есть как раз на такого пса, — перебила Самохвалова. — В общем, берёшь этого немца и на цепь его, в подсобку. Как придёт в себя, дай знать. Понял?

— У вас заказ, а мне-то какой интерес этим псом заниматься? — поинтересовался студент.

Ирина Аркадьевна смерила наглеца презрительным взглядом, но всё же сменила гнев на милость:

— Если сделаешь всё как надо, пять штук получишь!

— Долларов? — невинно уточнил Вадик.

— Не наглей, не дорос ещё до долларов, — отрезала Самохвалова. — Рублей получишь. Всё, я поехала!

Через полчаса после отъезда хозяйки «Собачьего рая» в нём появились Виталий с Петрови-чем. Удачно, на его взгляд, спровадив незваных гостей и поставив в известность об их визите хозяйку, Вадик подошёл к неприметной двери в конце ангара и открыл её. Рекс, прикованный толстой цепью к крюку в стене, уже не лежал безвольной тряпицей. Он стоял на подрагивающих после действия снотворного лапах и глухо рычал на своего вертухая.

— Оклемался уже? — удивился Вадик и бросил в Рекса скомканный листок с записанным на нём телефоном.

Рекс принялся. Сквозь ненавистную вонь питомника и надсмотрщика до него долетел чуть заметный запах Петрови-ча. Рекс поднял голову вверх и взвыл с такой болью, яростью и радостью, что Вадик отшатнулся.

— Бешеный, что ли? — Вадик опять достал из кармана мобилу и набрал тот же номер: — Ирина Аркадьевна, это снова я. Немец очнулся уже... рычит и воет... Ага, понял... Через часик жду!

Хозяйка приюта приехала не одна, а с двумя мордоротами. Раньше таких называли рэкетирами и братками, а ныне величают бизнесменами. Звали их Владимир Васильевич и Руслан Тимофеевич, правда, друг друга они по старинке называли Вован и Руся.

— Давай, Ириша, не затягивай, показывай товар, — сразу взял быка за рога Руся, едва вошёл в ангар. — Ну и вонь тут у вас!

— Вадик, покажи Владимиру Васильевичу и Руслану Тимофеевичу того немца, что сегодня привезли, — скомандовала хозяйка.

Вадик безропотно провёл братков-бизнесменов к подсобке. Распахнул дверь и приглашающе махнул рукой, смотрите, мол. Визитёры устали на прикованного к стене Рекса.

— Жидковат, по-моему, — через минуту нарушил молчание Вован. — Не выстоять ему против европейца. И минуты не продержится.

— А у нас есть выход? — спросил Руся. — Скоро бой, а наш боец благодаря тебе поддыхает.

— А я чо? — возмутился Вован. — Он же первый на меня кинулся, вот и пришлось ему битой врезать.

— Ладно, проехали! — не стал педалировать temu Руся. — Ириша, сколько за пса хочешь?

— Иди погуляй, Вадик, — распорядилась Ирина Аркадьевна.

Подождав, пока студент отдалится на расстояние, не позволяющее ему слышать разговор, она ответила:

— Сами видите, Руслан Тимофеевич, товар первосортный. Пять штук евро — и он ваш!

— Сколько?! — возмутился Вован. — Пять?! Да он едва на штуку тянет. И то проверить надо, может, и не боец вовсе, так, одна видимость.

— Так в чём же дело? — пожала плечами хозяйка и указала на клетки. — Проверяйте! Вон сколько у нас расходного материала.

— И проверим, — кивнул головой Вован, зашагав вдоль узилищ, в которых лежали, лаяли, бесновались пойманные собаколовами псы. Остановившись возле одного из них, Вован указал на крупную дворнягу с оборванными ушами и мордой в шрамах.

— Этого тащи к нам, — приказал он подошедшему Вадиду.

Студент не стал спорить, взял в руку бейсбольную биту и отпер указанную клетку. Кобель зарычал, но не бросился на Вадика. Видимо, хорошо знал, что такое палка в руках человека. Вадик отцепил от решётки карабин цепи и поволок пса к подсобке. Тот по-прежнему рычал и косился на биту, но подчинился, не стал упираться.

Вадик шагнул в подсобку и привычно пристегнул карабин к кольцу возле двери. Длины цепей Рекса и дворняги хватало на то, чтобы они могли схлестнуться в драке посередине подсобки.

— Вы только это... учтите, что немец ещё не до конца от снотворного отошёл, — обратился он к Русе.

— Да иди ты со своими советами, — грубо бросил тот, выхватил у Вадика битую пинком вытолкнул кобеля на середину подсобки: — Пшёл!

Замерший в углу Рекс несколько не удивился, увидав дворнягу. В этой обстановке и среди этих людей он не ждал ничего хорошего. Загнанный в подсобку пёс с оскаленной пастью и прижатыми к голове ушами подтвердил его подозрения. Чего хотят эти вожаки? Драки? Зрелища? Рекс не боялся соперника, дрался и не с такими. Он пытался понять, чего от него ждут. Инстинктивно осознал, что только через такое понимание у него имеется шанс сохранить жизнь.

Украшенный шрамами опытный уличный собачий боец тоже не кинулся на Рекса. Рычал и оценивал противника. В дверях с любопытством следили за происходящим братки, хозяйка приюта и Вадик, который, привстав на цыпочки, умудрился видеть всё через головы впереди стоящих.

— Ну, и долго они будут пялиться друг на друга? — недовольно спросил Руся.

— Так это, ты же сам знаешь, что собаки не сразу драку начинают, им ещё завестись нужно, — пояснил Вован.

— Так заведи их! — вспылил Руся. — Мы ж не на представлении, да и дел ещё по горло!

— Как я их заведу? — удивился браток. — У меня что, золотой ключик есть?

— Фас! — резко и громко из-за спин собеседников скомандовал Вадик.

Злая, всколыхнувшая память команда выплеснула адреналин в кровь Рекса, что-то переключила в его голове. Словно заряд тока пробежался по нему от когтей до кончиков ушей. Красный туман застил глаза, и Рекс, не раздумывая ни секунды, бросился на врага, спасая свою жизнь. Словно вернулся тот момент, когда он, маленький и домашний, насмерть дрался со своим тёзкой в парке. Только на этот раз он был гораздо опытнее, злее и сильнее. В чём тут же убедилась насильно закинутая к нему в подсобку дворняга.

Кобель не ожидал столь стремительного нападения Рекса. Моментально сбитый с ног ударом плеча, он покатился по грязному полу, царапая его лапами, чтобы снова подняться. Но Рекс не позволил ему этого. Навалился всем телом и стиснул челюсти на глотке ненавистного врага. Только грубый ошейник спас пса от немедлен-

ной смерти. Но Рекс давил и давил на него зубами, пережимая гортань дворняги.

— Он же задушит его сейчас! — крикнул Вадик. — Сделайте что-нибудь!

Восхищённо наблюдавшие за стремительной и яростной атакой Рекса Вован и Русик пришли в себя и дружно потянули за цепь, вытаскивая хрипящего полузадушенного пса из зубастого капкана Рекса. Вытащили, потому что натянутая до отказа цепь, на которой сидел Рекс, не позволила ему и дальше стискивать челюсти на горле врага.

— Класс! — прочувствованно сказал Вован, вытирая испарину со лба. — По-моему, европейцу придётся туго!

— А я что говорила? — спокойно сказала Ирина Аркадьевна.

Она равнодушно и отстранённо наблюдала за собачьей дракой от начала до конца. Ни яростный рык Рекса, ни предсмертный хрип дворняги никак не отразились на ней. Даже не верилось, что именно эта женщина в газетах, телевизорах, соцсетях слёзно молила горожан собрать деньги на операцию бедной собачке со сломанной лапкой. А ведь обращалась! И люди верили. И сотни тысяч рублей оседали на карточке Ирины Аркадьевны Самохваловой, которая называла себя зоозащитницей, обманывая сердобольных горожан.

— Да, Ириша, ты права! — с чувством сказал Руся. — Хороший боец. Жаль только, недолго ему осталось, соперник ведь его не пощадит. Но зрелище будет ещё то! Сколько, ты сказала, за него хочешь?

— Пять штук.

— Три, — отрезал Руся. — И не евро, а долларов. Соглашайся, больше тебе за него всё равно никто не даст.

Когда братки рассчитались и утащили в машину упирающегося Рекса, Ирина Аркадьевна протянула Вадиду триста баксов:

— На, заслужил. И о том, что видел и слышал сейчас, никому ни слова. Ты понял?

— Понял-понял! — заверил хозяйку Вадик, торпливо и радостно заталкивая доллары во внутренний карман куртки. — Да, я ещё спросить хотел: кормить-то этих отловленных собак чем будем? Мэрия ведь вроде на их питание тоже деньги выделяет. Пусть на три дня, но всё же...

Ирина Аркадьевна посмотрела на студента изучающим взглядом. Так смотрит энтомолог на приколотого булавкой к белому листу таракана.

— А ты не так прост, Вадик! Будет из тебя толк. Верно понял, на хрена кормить этих шавок, если через три дня они и так подохнут? Держи свою долю с их кормёжки.

Ещё одна столотолларовая купюра исчезла в кармане Вадика.

— Только воды им налей, — бросила через плечо уходящая хозяйка «Собачьего рая». — Мы ж не звери какие, чтобы жаждой собачек мучить!

Из дневника Петровича:

«Тюряга, как есть тюряга. Все эти приюты на один манер. Может, кто-то искренне считает, что их владельцы помогают бедным и несчастным собачкам, а по мне — это обычный бизнес. Люди просто зарабатывают бабло, а до братьев наших меньших им дела нет. Точнее, есть дело, пока платятся деньги. Нет финансового усердия — не дождёшься милосердия! Корявый стишок получился, но по сути верный».

Что-то мучило и никак не давало расслабиться Петровичу. Он сидел за столом у гостеприимного Виталия, Люба расстаралась и приготовила мужчинам великолепный узбекский плов, даже коньячок на стол поставила, а он всё никак не мог отойти от увиденного в собачьих приютах. Лоб его пересекала глубокая вертикальная морщина, а мысли витали где-то далеко от вкусного ужина.

Виталий же, радостно потирая руки, ловко открыл бутылочку армянского «Арамэ» и плеснул золотистую жидкость в пузатые рюмки:

— Ну-с, давай за встречу! А то ты, блин, Дима, совсем редким гостем стал.

— Давай, — вяло согласился Петрович.

Выцедив ароматную «конину», Виталий блаженно закрыл глаза, крикнул и отправил в рот дольку лимона. Посмотрев, как Петрович, морщась, проглотил налитое, вроде и не коньяк пил, а горькое лекарство, приятель прищурился и спросил напрямки:

— Ты о чём это думаешь? Всё ж нормально, завтра опять по приютам прокатимся и, если Рекса эти выродки словят, мы его обязательно вытащим.

Люба тоже заметила состояние Самойлова, заботливо положила в его тарелку солидную порцию плова и скомандовала:

— Ешь! А то, небось, всухомятку питаешься. Матвеев верно говорит, никуда наш Рексик не денется, вернётся к нам.

Петрович кивнул и воздал должное кулинарным способностям хозяйки дома. Плов и вправду удался, а голод, как известно, лучшая приправа хоть к обеду, хоть к ужину.

Виталий налил по второй, поднял рюмку:

— За что пьём?

— Тебе бы только выпить! — недовольно толкнула его локтем супруга. — Не видишь, что не в духе Димка?

— Так надо выпить, — уверенно ответил Виталий. — И сразу в духе будет! Так ведь, Димон?

— Знаешь, Виталия, — задумчиво произнёс Петрович, вертя в руках рюмку. — Что-то царапнуло меня в том приюте, а что — никак не пойму!

— Это в каком? Последнем, что ли? — уточнил приятель. — Так нормально там всё было. И этот студент, Вадик, кажется, вполне себе адекватный пацан, хоть и выпендрёжный малёх.

— Что за приют? — тут же поинтересовалась Люба.

— «Собачий рай», блин! — заржал Виталий. — Придумают же! Только там не раем пахнет, а совсем даже наоборот.

— А хозяйка в нём Ирина Аркадьевна Самохвалова, — утвердительно кивнула головой Люба.

Виталий с Петровичем переглянулись. И синхронно выпили. Им и в голову не приходило интересоваться, кто владелец того или иного приюта. А ведь через собственников любые вопросы всегда решать легче, чем через обслуживающий персонал.

— А ты что, знаешь её? — подозрительно уставился на жену Виталий. — Откуда?

— От верблюда! — отрезала Люба. — Какие вы, мужики, недогадливые всё же! Два и два сложить не можете...

— Ты это... не говори загадками, — начал сердиться Виталий. — Скажи толком, откуда эту... как её... Самоварову знаешь!

— Самохвалову! Это как раз ей земля под собачий приют была нужна! Я помогла оформить, а она нам ещё подсказала, что Рекса в ветлечебнице видели. Просто поздно сказала

об этом, Айболит уже позвонил нам к тому времени.

Люба встала из-за стола и ушла зачем-то в комнату. Виталий тут же откупорил бутылку и наполнил рюмки. Подмигнул Петровичу, давай, мол! И лихо закинул свою порцию в рот. Самойлов последовал его примеру. Его заинтересовала информация Любы. Появилась уверенность, что удастся напасть на след Рекса и разяснить, откуда взялось непонятное томление в груди, будто упустил что-то очень важное. А что именно, никак не понять.

Вернулась Люба с кожаной визитницей, по размеру больше похожей на большую записную книжку, нежели на место хранения визитных карточек. Перелистнула пластиковые странички, в кармашках которых хранились разноцветные прямоугольники с важной информацией — имена-фамилии, должности, телефоны, электронные адреса и прочие контакты.

— Ага, вот она! — Люба выудила из визитницы глянцевою бумажку с умильной собачьей мордашкой справа от текста и прочла: — Самохвалова Ирина Аркадьевна, директор ООО «Собачий рай», магистр зоологии.

— О как? — удивился Виталий. — Целый магистр!

— Ага, дрянь баба! — кивнула Люба. — Но позвонить ей могу, спросить, что к чему.

— Так звони! Только громкую связь включи, чтобы мы тоже всё слышали.

Люба набрала номер и положила телефон на стол. Спустя полминуты длинные гудки прервались, и недовольный голос владелицы «Собачьего рая» спросил:

— Ну, и чего кому надо?!

— Добрый вечер, Ирина Аркадьевна! — не обращая внимания на вызывающий тон, вежливо ответила Люба. — Это вас Матвеева беспокоит...

— Ой, Любушка Андреевна, извините, не признала сразу, — сменила тон на елейно-приторный Самохвалова. — Случилось что?

— Нет, ничего особенного, просто хотела узнать, как там насчёт моей просьбы? Есть что новенькое?

— Любушка Андреевна, да разве я вам не сообщила бы, если б ваша овчарочка где-нибудь проявилась?! У меня все волонтеры на поиск вашей девочки заряжены. Как только что-нибудь вы-

яснится, я тут же вам сообщу, даже не сомневайтесь, — затараторила хозяйка приюта.

— Девочка? — громким шёпотом возмутился Виталий, но Люба быстро прикрыла ему рот ладонью:

— Ирина Аркадьевна, сегодня по постановлению мэра начался отлов животных в городе, может, им немецкая овчарка попадалась?

— Ой, что вы! — заверила Самохвалова. — Им тоже задание дано. Попалась бы — мне бы точно доложили.

— А вам сегодня сколько собак привезли?

— Двадцать пять... — не задумываясь, ответила Самохвалова, но через паузу поправилась: — Или нет... двадцать четыре, кажется. Да я сама только что с приюта, не было породистых, одни дворняжки и мелкота всякая.

— Ладно, Ирина Аркадьевна, извините за беспокойство, — закончила разговор Люба. — Держите меня в курсе.

— Разумеется, Любушка Андреевна, разумеется... — опять зачастила Самохвалова, но Люба решительно нажала на кнопку отбоя, прервав поток патоки.

За столом повисла тишина. Все переваривали услышанное. Потом Виталий опять наполнил рюмки и спросил, подняв свою:

— Что думаете?

Петрович молча пригубил коньяк, а Люба задумчиво ответила:

— Не понравился мне разговор, какая-то она напряжённая, что ли...

— И врёт, блин! — решительно вставил Виталий. — Она и думать о Рексе забыла, даже девочкой его назвала...

Петрович решительно поднялся:

— Пойду я. Наведаюсь-ка ещё раз в этот сучий рай. Потрясу студента, знает он что-то...

— Куда ты, выпивши-то? — удивился Виталий. — Давай завтра с утра смотаемся, да и выясним всё!

— Действительно, Дима! — поддержала мужа Люба. — За руль пьяным садиться — последнее дело. Да и к чему спешить?

Петрович улыбнулся и отсалютовал семейной чете поднятой ладонью:

— Ничего, такси возьму. А ждать не могу, тревожно мне что-то.

Несмотря на все уговоры, Петрович всё же

настоял на своём. Виталия с собой не взял, хоть тот под конец уговоров и собирался сопровождать его. Пообещав отзвониться, ежели что выяснится, покинул квартиру и сбежал по лестнице во двор. У соседнего подъезда как раз высаживалась из такси пожилая пара.

— Шеф! — крикнул Петрович, помахав в воздухе рукой. — Пассажира возмёшь?

Таксист утвердительно кивнул головой. Сев на сиденье рядом с ним, Петрович спросил:

— Приют «Собачий рай» знаешь?

— Бывал, — коротко кивнул водитель.

— Вот мне туда и надо. Сможешь подождать, пока я там одно дельце решу?

— За ваши деньги — любая прихоть, — хохотнул таксист, заводя двигатель.

— Не бойсь, не обижу, — хлопнул водилу по плечу Петрович.

Из дневника Петровича:

«До чего ж отвратителен этот Вадик из «Собачьего рая»! Филологический факультет, Мопассан, Гюго, Гёте, Франсуа Рабле... А трянешь посильнее — гнилая труха посыплется. И понятно становится, что вся эта утонченность и начитанность — мишура, за которой скрывается обыкновенный садист и подонок. В самом деле, не может нормальный человек спокойно смотреть, как две собаки грызут друг друга насмерть по человеческой прихоти. И есть пирожок на виду голодных псов не станет... Как он у него поперёк горла-то не встал?!»

Вадик закончил наливать собакам воду в миски и готовился засесть за скучнейшие, но нужные по программе «Персидские письма» Шарля Луи Монтескьё, когда наружная дверь широко распахнулась от сильного удара и в ангар вихрем ворвался Петрович. Не давая опомниться, он схватил ничего не понимающего студента за грудки и прижал к стене.

— Вы чего?! Вы не имеете права! — придушенно залопотал собачий сторож.

— Имею, ещё как имею! — убеждённо проговорил Петрович и прошипел ему прямо в лицо: — Признавайся, филолух, где тот немец, которого сегодня ловцы привезли?

Растерявшийся от такого напора Вадик молчал. Но вдруг забежавшие глаза выдали его с го-

ловой. Петрович удовлетворённо хмыкнул и тряхнул собачьего вертухая сильнее:

— Ну!

— Я это... позвонить должен... имею право на один звонок... — залопотал окончательно подавленный Вадик.

— Я сейчас тебе покажу и право, и лево! — заверил парня Петрович. — И справа в ухо полудишь, и слева...

Студент окончательно сник. По хватке Петровича он понял, что имеет дело не с городским интеллигентом, хотя в первую встречу принял его именно за такого, а с мужиком, который знает толк в драках. Поэтому счёл за лучшее всё рассказать. В конце концов, кто ему Самохвалова и эти бизнесмены из братков? Свой фейс дороже! И он выпалил, почему-то шёпотом:

— Нет его здесь!

Петрович облегчённо выдохнул. Не подвела его чуйка, верно подсказала, что этот аист долговязый что-то знает. Он опять тряхнул студента, чтобы слова выкатывались из него быстрее.

— Сегодня привезли. Парни из «Экологического санконтроля». Породистый кобель, сразу видно. Только бродячей жизнью слегка потрёпанный. Молодой ещё, но злоющий очень. Чуть вон того кобеля насмерть не загрыз.

— Как это? — удивился Петрович. — Вы что, их в одной клетке держали?

За полчаса Вадик рассказал всё. В деталях, в красочных подробностях, только свою роль во всём случившемся свёл к минимуму. Якобы он только со стороны всё это видел. Про доллары, полученные от Самохваловой, тоже умолчал.

— Ясно! — Петрович отпустил наконец выпотрошенного студента, и тот вздохнул с облегчением. — Где искать этих Русю и Вована, знаешь?

— Что вы! — отрицательно замотал головой Вадик. — Я их первый раз видел.

— А эта твоя... рабовладелица Самохвалова... знает?

— Не думаю. Мне показалось, что это у них какой-то случайный контакт. Разовый, понимаете?

Зачем Вадик соврал, он и сам не знал. Ведь слышал же, что Руся называл хозяйку приюта Иришей, как старую знакомую. Но соврал! То ли по привычке, то ли из вредности, то ли чтоб насолить мужику, выдававшему из него кон-

фиденциальную информацию, как зубную пасту из тюбика.

— «Понимаете!» — передразнил перетрусившего студента Петрович. — А зачем им Рекс понадобился, знаешь?

— Какой Рекс?

— Ну, немец этот!

— А-а! — дошло до Вадика. — Так ясно зачем. На собачьи бои его забрали.

— Это ещё что такое?

— А то вы не знаете? Собаки на ринге дерутся, а зрители ставки делают, кто победит.

Петрович слышал краем уха о подобных кровавых зрелищах в Москве и Питере, но даже не предполагал, что в его родном городе тоже такое есть.

— А как туда попасть? — спросил он студента.

— Чего не знаю, того не знаю, — выставил ладони перед собой Вадик. — С улицы туда никого не допускают, только по рекомендации. А я, знаете ли, не охоч до подобных гладиаторских боёв. В книгах — пожалуйста, а в жизни — увольте!

— И уволью, дождешься! — осадил пришедшего в себя после встряски Вадика Петрович. — Обо мне никому ни слова! Узнаю, что позвонил кому-нибудь — пожалеешь! Это понятно?!

Вадик быстро-быстро закивал головой, уразумев, что с ним не шутят. После ухода Петровича он всё же вытащил из кармана мобилу, повертел в руках, но звонить никому не стал, только ругнулся раздражённо:

— Да пошли вы все к чёрту со своими немецкими Рексами!

Почти одновременно с ним чертыхнулся уже усевшийся в такси Петрович, когда запиликал в кармане его сотовый.

— Чёрт! Кому это приспичило? Алё!

Звонил Виталий. Захлёбывающимся от расправшей его новости голосом он сообщил, что в Сети появилось видео, как Рекс сначала уворачивается от дротиков со снотворным, а потом его всё же подстреливают и увозят собаколовы. Петрович выслушал его и уточнил некоторые детали:

— Как, говоришь, фирма называется... «Экологический санконтроль»... Что ж, всё сходится, не обманул студент... Нет, Рекса не нашёл... Где-где? В Караганде!.. Да не знаю я, на собачьи бои его забрали, а где это — ума не приложу... Ладно, отбой, завтра поговорим!

Слышавший весь разговор таксист с интересом посмотрел на Петровича, но ничего не сказал. Однако, когда Петрович рассчитался и собрался вылезать из салона, всё же решился:

— Хотите попасть на собачьи бои?

Петрович внимательно поглядел на парня.

— А если да, то что?

— Могу помочь.

— Говори!

— Всего пять тысяч рублей — и все явки, пароли, коды доступа и адреса ваши! — холодно и расчётливо улыбнулся таксист.

Ни слова не говоря, Петрович опять вынул бумажник и вытащил на свет розовую бумажку. Помахал ею перед носом парня.

— Говори!

— Значит, так, довелось тут мне однажды подвозить изрядно тятнувшего хмыря...

Из дневника Петровича:

«Оказывается, во Всемирной паутине полно видео, как дерутся собаки. Разных пород, размеров, опыта. Неужто это может кому-то доставлять удовольствие? Может, конечно! Что тут я из себя курсистку строю! Знаю ведь и про бои без правил, и про охоту на людей. Чего только не придумал человек, чтобы пощекотать нервы себе подобным. А кровь — это наркотик. Кто подсел на неё — не соскочит. Ох, Рекс, и угораздило же тебя именно в эту мерзость угодить! Ничего, держись, дурашка, вытащу я тебя».

На несколько дней Рекса оставили в покое. Только утром и вечером возле его просторной клетки появлялся молодой парень, наливал свежую воду в миску. В другую посудину опасно проталкивал сквозь прутья решётки куски свежего мяса. Видно было, что ему уже рассказали о характере пленённого немца, о том, как он чуть не придушил дворнягу в «Собачьем рае». Рекс не обращал внимания на смотрителя. Лежал на подстилке и пытался понять, что на этот раз уготовила ему судьба.

Несмотря на неплохую кормёжку и вполне приемлемые условия содержания, Рекс не ждал от будущего ничего хорошего. Не понравились ему те, кто приволок его из приютской каталажки в другое узилище. Веяло от них чем-то злым и неприятным. Рекс заметил, каким азартом све-

тились глаза Руси и Вована, когда он вцепился в горло дворняге. Даже рот слегка приоткрыли, словно в немом крике: «Убей его! Убей!» Совсем не похожа была их реакция на Стёпину, когда Рекс чуть не загрыз Кутузку. А Стёпа, несмотря на все свои грехи и непутёвость, был лучшим среди тех, кого встретил Рекс за время скитаний по городским джунглям.

Времени для воспоминаний и раздумий у Рекса было предостаточно. Перед его полужакрытыми глазами вереницей проходили образы тех, кто встретился ему за год жизни. Джуна и Виталий, заботящиеся о нём, когда он был беззаботным щенком. Покупатели, лишившие его братьев и сестёр. Парни, увезшие щенка в неизвестность в тёмном и вонючем багажнике. Накрашенная баба, натравившая на него в парке злобного тёзку. Подростки, отравившие сосиской Ваську-бродяжку. Мужик в камуфляже, пнувший его под колёса машин. Навевающий ужас Страшила со сворой свирепых от своей неприкаянности собак и его страшный огненный конец. Ещё один мужик, выбивший из винтовки глаз безобидной Кутузке. Садисты, растерзавшие её в подвале. Хмаря, убивший Стёпу... Их было много, тех, кто так или иначе делал солёную бродячую жизнь Рекса совсем невыносимой. Случались, правда, и исключения.

Ветеринарный доктор и медсестра, лечившие его в клинике. Стёпа, отбивший его от стаи собак. Главный среди бомжей Иваныч, принявший безродного пса в компанию бездомных и давший ему кличку Немец. Вот, пожалуй, и всё. Остальные — это толпа, свора, стая равнодушных до чужой беды особей. И отвечать им надо тем же.

Но иногда перед Рексом всплывал образ, не вписывающийся ни в одну категорию поделённых им на касты существ. Он почти позабыл его, но листок бумажки, швырнутый Вадиком из приюта ему под лапы, мимолётным и почти неуловимым запахом напомнил Рексу о грустном и ласковом жожаке, с которым они сидели рядом и без слов понимали друг друга. Рекс, не задумываясь, отказался бы от чего угодно, лишь бы вернуться в тот миг. Закачаться на волне блаженства от прикосновения жожака, услышать знакомый тембр, от которого трепетала щенячья душа...

Однако он не забыл и того, что не один раз

встречал запах Петровича на своём бродяжьем пути. Значит, он был рядом, но, как всегда, не брал Рекса к себе. Отказывался от него. И это было страшнее самого страшного предательства.

Скрипнула входная дверь в помещение, где стояла клетка. Рекс чуть приподнял голову — ужин принесли? Но вместо молчаливого парня увидел стоящих на пороге Русю и Вована. Рекс встал на лапы и грозно зарычал, предупреждая посетителей о своих серьёзных намерениях защищаться от любых посягательств.

— Ты смотри, — восхитился Вован. — Всегда готов к бою!

— Да уж, — согласился с приятелем Руся. — Нам бы его месячишко поднатаскать, цены бы ему не было.

— О чём ты говоришь? Какой месячишко? Слава богу, время было, чтобы он от снотворного отошёл! Кстати, как его публике представим? — спросил Вован.

— Да, кликуха нужна, — согласился Руся. — Звучная, чтоб дух захватывала! Тут Дружком и Шариком не отделаешься.

Бизнесмены-рэкетеры задумались, глядя на ошетилившегося Рекса, и практически одновременно полезли руками к затылку, почёсывая стимулируя свою мозговую деятельность. Но желаемого результата, похоже, не достигли. Вован в сердцах стукнул кулаком по решётке:

— Чёрт! Одни Годзиллы и Киборги на ум лезут.

— Ты ещё больше ужастики смотри! — заржал Руся.

— Можно подумать, ты что-то иное смотришь?

— Ага! — с чувством превосходства улыбнулся Руся. — Исторические фильмы.

— Ну и чо они тебе дали?

— Имя, Вовочка, имя! — потрепал приятеля по плечу Руся.

Вован недоверчиво взглянул на него. Из персонажей прошлого он помнил только Льва Давыдовича Бронштейна, точнее, его партийную кличку — Троцкий. Да и то исключительно потому, что во дворе, где он вырос, пацаны останавливали завравшихся друзей затасканной фразой: «Звездишь, как Троцкий». Руся засмеялся, видя потуги дружбана, и значительно произнёс:

— Викинг!

— А это кто? — удивился Вован.

— Темнота! — хмыкнул Руся. — Викинги — это

скандинавские воины, покорившие полмира. Грозные, не ведающие пощады. Представляешь объяву: — Беспощадный Викинг против Ужасного Конга! Делайте ваши ставки, господа!

— А что, звучит! — довольно осклабился Вован. — Викинг так Викинг! Мне всё едино. Тем более что для него это наверняка первый и последний бой. Не устоять ему против Конга.

— Так ты на Конга поставил?

— Конечно!

— Лады! — усмехнулся Руся. — Тогда я на нашего Викинга поставлю.

— Ты что, считаешь, у него есть шансы? — обеспокоился приятель.

— Шанс есть у всех и всегда! — назидательно поднял вверх указательный палец Руся и зашагал к двери.

Вован, напряжённо морща лоб в мучительных раздумьях — на кого всё же сделать ставку? — поспешил за ним.

Когда закрылась дверь за незванными гостями, Рекс снова улёгся на своё место и прикрыл глаза. После нахлынувших воспоминаний ему не давала покоя мысль, кто же он сам? Кем стал после всего пережитого? В чём смысл его жизни: жрать, спать и драться за место под солнцем с такими же изгоями, как он сам? Дикий Пёс, живущий в нём, считал, что этого вполне достаточно. Домашняя Собака, давно забившаяся в самый дальний уголок его души, тоже имела собственное мнение на сей счёт. Но она молчала. Не мешала Рексу самому прийти к пониманию своей сущности.

Ему же опять вспомнился человек с грустными глазами, виденный им в прошлой жизни. Почему-то казалось, что он может дать ответы на все стоящие перед Рексом сложнейшие вопросы. Что рядом с ним... А где это — рядом? Может, нет и не было его никогда? И все воспоминания о нём — только сон? От такой мысли Рекс поднял голову и принял. Пахло другими собаками и двумя мордоротами, заходившими сюда недавно. Значит, прав Дикий Пёс, надеяться нужно на самого себя, а бой — это высшее проявление жизни, её смысл и наслаждение.

Из дневника Петровича:

«Собака не может быть не преданной кому-то или кем-то. Очень часто за словами «кому-то» и

«кем-то» стоит один и тот же человек. Дай бог мне никогда не стать «кем-то». Хотя... всё зависит только от меня самого».

Конечно, Рекс не мог унюхать Петровича, находившегося от него на другом конце города. Узнав у таксиста ниточку, ведущую к организаторам собачьих боёв, он уже два дня мотался по городским улицам, звонил по разным телефонам, вёл долгие и нудные переговоры с подозрительно косящимися на него личностями, кого-то уговаривал, кому-то угрожал, кому-то приплачивал. Организаторы собачьих боёв шифровались основательно, но, хоть и с большим трудом, клубок начал разматываться. К концу недели Петрович уже знал, что в городе в ближайшие дни будет большой бой между восточноевропейской овчаркой Конгом и немецкой овчаркой Викингом. Встреча товарищеская, без титулов чемпиона и вручений призов, но интерес к ней так подогрет, что ставки на тотализаторе зашкаливают. Большинство, конечно, ставят на Конга, уже создавшего себе славу непобедимого бойца. Но есть и любители поставить на тёмную лошадку — тьфу ты! — собачку. То ли возможность сорвать большой куш их манит, то ли вера в свою удачу, но они ставят на никому неизвестного Викинга.

— Так-таки и никому? — сощурил глаза Петрович.

— Ну, конечно, некоторые знают... — стушевался жирный пройдоха, заёрзав в своём чёрном кресле в букмекерской конторе «Гладиатор».

— Слушай... как тебя там...

— Владимир Владиславович, — быстро подсказал букмекер.

— Володя, — не стал обюрокрачивать отношения отчеством Петрович. — Ты пойми, ну не могу я ставить на кота в мешке. Дай мне кого-нибудь, кто про этого Викинга хоть что-то знает.

— Ну, кое-что и я знаю, — чванливо хохотнул толстяк.

— Так не тяни резину! — выложил на стол двадцатку долларов Петрович.

— Это немецкая овчарка, кобель, — ловко спрятав в потной пятерне зелёную бумажку с портретом седьмого американского президента Эндрю Джексона букмекер. — Молодой, в боях раньше не участвовал, но о-о-очень перспективный. Злой, как волчара.

— И всё?

— Всё...

— Не густо, — побарабанил пальцами по столешнице Петрович. — А взглянуть хоть на него можно?

— Конечно! — глянул на часы Владимир Владиславович. — Через час начнётся бой, адрес онлайн-трансляции и код доступа к ней вы получите после того, как сделаете свою ставку. Кстати, поторопитесь, скоро мы прекратим приём ставок.

— Как через час?! — взвился Петрович. — Что же ты молчал, сукин сын?!

— Что вы себе позволяете... — сделал жалкую попытку возмутиться толстяк и чуть привстал со своего места.

Петрович тоже привстал и с силой усадил того на место.

— Заткнись! И слушай сюда. Мне твои онлайн-трансляции нужны, как в бане — пассатижи. Я хочу попасть на сам бой, понял?!

Напуганный напором Петровича, букмекер жалко залопотал:

— Билеты на сам бой давно проданы. Количество мест ограничено, допускаются на бой только самые проверенные люди...

— У тебя самого есть билет?

— Да... нет... я такие зрелища не приемлю...

— Так да или нет? — Петрович обошёл стол и наклонился над вжавшимся в кресло Владимиром Владиславовичем.

— Да.

— Давай его сюда, — скомандовал Петрович. — И скажи, где бой проходить будет.

— Бывший пионерлагерь «Буревестник». Знаете, где находится? — лихорадочно зашарил по карманам букмекер. — Вот там в бывшем спортзале и будет бой. Вот, держите!

Петрович взял протянутую ему бумажку. Вгляделся. Только дата, время и круглая лиловая печать. Вгляделся в слабый оттиск и прочитал:

— Общество с ограниченной ответственностью «Собачий рай»... Твою мать! Значит, Самохвалова этим делом заправляет?

— Нет, что вы! — замахал руками букмекер. — У неё только десять процентов в этом деле. Основные — Владимир Васильевич и Руслан Тимофеевич.

— Кто такие?

— Бандиты, настоящие бандиты! — округлил глаза и даже перешёл на шёпот Владимир Владиславович. — Если они узнают, что я вам билет дал и место указал, мне не жить...

— Не дрейфь, Володя! — хлопнул его по плечу Петрович. — Если сам им ничего не скажешь, я тебя не сдам. Ты понял? Никому никаких звонков!

Букмекер затряс головой, выражая тем самым полную готовность хранить секрет. Но Петровичу уже было не до него. Времени оставалось в обрез, а у него не было даже примерного плана дальнейших действий.

Из дневника Петровича:

«Столько лет жил со мной Рекс, а я даже не подозревал, какая империя выстроена на взаимоотношениях людей и собак. Производство и продажа различных кормов, витаминов и лекарств, услуги, вплоть до косметических, приюты и лечебницы, сбор денег на лечение больных животных... Это официально. А неофициально — продажа собак за границу (говорят, на органы). Собачьи бои... Короче, деньги здесь крутятся такие, что, похоже, любовь к братьям нашим меньшим остаётся где-то далеко-далеко в стороне».

В тот день с утра до самого вечера Рекса не кормили, и одно уже это навевало на него тревожные раздумья. Что-то должно было произойти. Когда выдали ужин, он немного воспрял духом. Хорошая кормёжка и полноценный отдых привели Рекса в отличное состояние. Тело налилось энергией, он успокоился. Хладнокровный, спокойный, сильный Рекс лежал в своём узилище и, казалось, дремал, но на самом деле всё подмечал, анализировал, делал выводы.

Долетавшие из соседнего помещения звуки ясно давали понять, что там идут приготовления к чему-то. Стучали молотки, визжали электроинструменты, переругивались работники. Иногда в этот шум матерком врзался голос Вована, а где-то в середине дня он заглянул к Рексу. Постоял, посмотрел на него оценивающим взглядом и шмыгнул носом:

— Не, не выстоять тебе против Конга. Не прав Руся. Знаешь, Викинг, а мне тебя жаль немного. Хороший ты боец! Слушай, тут мне моя тёлка про самураев рассказывала, так у них

в кодексе чести так было записано: «Настоящая смелость заключается в том, чтобы жить, когда нужно жить, и умереть, когда нужно умереть». Во, понял? Я даже наизусть это выучил. Удачи тебе, Викинг! И не переживай, похороним мы тебя на свалке со всеми почестями. — Вован обидно заржал и ушёл.

Рекс ничего не понял из того монолога, да и не стремился к этому, но чувство тревоги после визита одного из его новых мучителей усилилось.

Ближе к вечеру из-за двери начали доноситься голоса многих людей. Сначала единичные, они с каждой минутой множились, и шум нарастал, как рокот прибора перед штормом. Рекс напряжён вслушивался в него, понимая, что скоро он узнает, зачем его приволокли в это место. Появившиеся двое парней окончательно убедили его в этом. Рекс встал и грозно зарычал, давая понять, что так просто им не дастся. Но парни и не думали входить к нему в клетку. Вместо этого они стали затаскивать решётки и сооружать из них коридорчик, ведущий от дверцы клетки Рекса к стене. Когда закончили, сдвинули с места одну из стеновых панелей и открыли тем самым проём на залитую ярким светом арену. Шум усилился. Один из парней откинул щеколду и махнул рукой Рексу:

— Давай, Викинг, иди! Там тебя ждут!

Рекс понял, что ему предлагают идти по коридорчику в сторону гвалта, криков и смеха множества людей. Но не спешил делать это. Стоял, внюхивался и вслушивался. Однако парни не намерены были долго ждать. Один из них, садистски усмехнувшись, достал из-за пояса пистолет ИЖ-79-9Т, более известный как «Макарыч», и сделал вид, что целится в пса. Рекс тут же ушёл с линии выстрела. Но чёрный глазок оружия следовал за ним неотступно. Поняв, что от него не отстанут, Рекс ринулся по коридорчику в пугающую неизвестность.

В первую секунду яркий свет ослепил его. Но глаза быстро перестроились, и Рекс увидел, что стоит на засыпанной толстым слоем опилок площадке шириной метра четыре, а длиной все десять. Посредине она была разделена раздвижной решёткой. С трёх сторон её окружали глухие стены, четвёртая представляла собой ограждение из металлических рамок, забранных сеткой рабица. Высота ограды была около двух метров.

А за ней... Световая завеса, созданная с помощью прожекторов и софитов, яркий свет которых заливал арену, не давал возможности разглядеть, что и кто есть за ней. Но острое зрение Рекса вкупе с исключительным нюхом всё же позволили ему понять, что за сеткой и светом собрались не менее сотни незнакомых людей, разогретых пивом и предвкушением кровавой схватки. Появление Рекса они встретили свистом и разочарованными криками:

— Фью-ю-ю! Разве это противник Конгу?

— Да Конг его в полминуты уделает!

— Кидалово, за что бабло платим?!

Но тут перед сеткой появился человек и поднял руку вверх. Шум постепенно затих. Когда установилась относительная тишина, Руся, а это был он, громко возвестил:

— Встречайте Викинга! Суперпёс, супербоец, не знавший поражений! Вас ждёт незабываемый бой — Викинг бросает вызов Конгу! Делайте ставки, господа, и встречайте Конга! Чемпион принимает вызов! Сила на силу, клык на клык, ярость на ярость! Кто победит в суперсхватке? Делайте ставки, господа!

С другой стороны площадки открылся точно такой же проход, как и тот, через который попал на неё Рекс. Из него неспешно вышел пёс. Он был крупнее Рекса и явно сильнее. Противник Рекса был прекрасным представителем восточноевропейских овчарок. Его украшенная шрамами морда ясно говорила, что он не новичок в собачьих боях.

Рекс пристально посмотрел на пса. Тот откликнулся надменным и презрительным взглядом, оскалив крупные клыки. Рекс не дрогнул, ответив ему тем же. Страха в нём не было, только безудержно поднялась из глубин души бешеная всепоглощающая ярость, которую лишь подогревали восторженные крики собравшихся:

— Конг, порви его!

— Вау, Конг! Не дай ему шансов!

— Убей его!

И снова:

— Конг, Конг, Конг!!!

Рекс понимал, что симпатии орущей толпы на стороне его противника. Он уже давно не считал людей жожаками. Для него люди стали просто стаей, чужой, ненавистной, коварной и сильной. Этой силе следовало подчиняться, чтобы

сохранить жизнь, но при случае можно и нужно было давать ей отпор. Сейчас предстояло выполнить прихоть ревущей от восторга толпы, жаждущей крови. Добраться до горла кобеля, смять его, разорвать, растерзать. Именно в этой точке сосредоточились сейчас вся ненависть Рекса, горечь утрат, разочарование и любовь! Да-да, любовь! Та любовь, что не выдержала жестоких ударов судьбы и умерла где-то внутри Рекса. И он хотел справить поминки по ней — боем, кровью, жестокостью, смертью. Может, тогда стихнет боль, терзающая его сердце беспощадными клыками?

И вдруг... среди запахов потных тел, пивного перегара и фастфудов чуткий нос Рекса уловил запах противника. Далёкий, но очень знакомый. Да это же тот самый Рекс, которому он, ещё будучи щенком, давал отпор в городском парке! Женский голос из зала, перекрывший шум толпы, окончательно убедил его в этом.

— Давай, Рексик, порви его! — визгливо кричала женщина. — Фас!

«Бам-м!» — гулкий звук гонга перекрыл улюлюканье и свист жаждущей кровавого зрелища толпы.

Раздвижная металлическая решётка дрогнула и стала разъезжаться в стороны. Конгу — если по правде, то тоже Рексу, — такое зрелище было не впервой, и он просто ждал, когда преграда полностью отворится, чтобы начать схватку.

Другой Рекс ждать не стал. Уличные стычки с бродячими псами давно открыли ему простую истину — если драки не избежать, надо её начинать первым. И едва только решётки чуть раздвинулись, он рванул в образовавшуюся узкую щель, проскочил её, в три длинных прыжка преодолел расстояние до Рекса-Конга и врезался в него пушечным ядром. Не ожидавший такой прыти от соперника, пёс не удержался на ногах и свалился на опилки. Не мешкая ни секунды, Рекс попытался вцепиться в глотку врага, но противник каким-то чудом увернулся, клыки только царапнули его морду.

Через секунду перед Рексом стоял уже не надменный носитель чемпионского титула, а разъярённый гладиатор, привыкший мерить свою жизнь боями, готовый и убивать, и принять смерть. Два прыжка навстречу друг другу! Псы грудью столкнулись, хриплое рычание и мелька-

ние острых зубов сплелись в невообразимом вихре. Поднявшись на задние лапы, каждый из бойцов давил на соперника, пытаясь свалить его с ног, одновременно пробуя дотянуться клыками до горла, чтобы впиться в него, разгрызть, разорвать артерию или трахею.

Толпа восторженно взывала. Собравшиеся ожидали избия млада, трёпку, которую задаст любимец Конг никому не ведомому чужаку Викингу. А этот немец оказался серьёзным врагом! Яростью, напором, стремительностью он ничем не уступал обладателю чемпионских титулов.

Для Рекса первые минуты боя растянулись до бесконечности. Казалось, это не кончится: грозное рычание Рекса-Конга, боль от его укусов, будоражащий и восхитительный вкус крови в пасти, близкая, очень близкая цель — горло врага! Дикий Пёс внутри Рекса выл от восторга, даже Домашняя Собака вторила ему.

В какой-то момент псы отскочили назад, застыли, прожигая друг друга свирепыми взглядами. И Рекс-Викинг вдруг уловил в глазах чемпиона лёгкую растерянность: Рекс-Конг тоже узнал в противнике того маленького щенка, не струсившего, а принявшего бой в парке. Растерянность мелькнула в его глазах и тут же исчезла, уступив место ярости. Но этой мимолётности хватило, чтобы Рекс понял — Конг не знает, что ему делать. Привыкший брать верх нахрапом, мощью, весом, он не знал, что противопоставить сопернику, который был готов умереть, но не попросить пощады.

Минутная передышка закончилась, и Конг, следуя привычной тактике, прыгнул на Рекса. Но вместо того чтобы встретить его грудью, Рекс в последнюю секунду припал животом к опилкам и, когда ничем не защищённое брюхо не успевшего остановить бросок пса нависло над ним, с быстротой молнии цапнул клыками его незащищённый пах, вспарывая и разрывая то, что делает пса кобелём. Полный боли, ярости и ужаса вой Конга перекрыл восторженный рёв толпы. Раненый, униженный, побеждённый чемпион заковылял, оставляя на опилках кровавый след, к сетке, ища защиты и помощи у людей, заплативших деньги, чтобы увидеть и насладиться его болью и смертью. Рекс налетел на него сбоку, ударил плечом, валя с ног, сомкнул челюсти на

горле. Сжал их так, что сразу лопнула шкура, хрустнули хрящи гортани. Солёная влага жизни хлынула в пасть Рекса. В последней безнадёжной попытке вырваться из смертельного капкана Конг колотил всеми четырьмя лапами воздух и окровавленные опилки ринга, изгибался дугой, хрипел в бессильной ярости от боли и жутки подступающей вплотную смерти. Не ведающий жалости и прощения Рекс не разжимал челюсти. Через минуту Конг конвульсивно дёрнулся последний раз, и глаза его заволокло мутной пеленой смерти. Рекс нехотя выпустил горло поверженного противника и поднял голову. Громкие крики — восторги и проклятия! — долетели до него из-за светового занавеса. Восторженно орали зрители, что поставили на Рекса, — их выигрыш превзошёл самые смелые ожидания. Проклинали победителя поставившие на Конга. Но и те, и другие воздали должное новичку.

— Викинг, Викинг, Викинг! — неслось со всех сторон.

Но Рексу не было дела до славословия и восторгов толпы. Победа, клокотавшая в его жилах, зажгла в нём огонь надежды вырваться из этого места, пропахшего ненавистью и смертью. Он повернул свою израненную кровоточащую морду в сторону криков, оскалил зубы и залаял громко, вызываяюще, враждебно...

С другой стороны сетки на него орала хозяйка Рекса-Конга, сама предложившая своего питомца Самохваловой для участия в собачьих боях:

— Я грохну тебя, Викинг! Ты труп, понял, ушлёпок?! Дайте мне ствол...

Из дневника Петровича:

«Чёрт! Я даже не подозревал о таком: «Собаки, участвующие в собачьих боях, часто умирают от потери крови, шока, обезвоживания, истощения или инфекции через несколько часов или даже дней после боя»; «В собачьих боях, проводимых криминальными группировками в США, проигравшую собаку (не убитую во время боя), как правило, убивает сам владелец — пристреливает, избивает или даже пытается до смерти»; «Собачьи бои (особенно те, которые проводятся преступными группировками) часто посещают дети. Просмотр жестоких сцен содействует развитию невосприимчивости к страданиям животных, склонности к насилию и неуважению к закону»...

И мы после этого считаем себя сотворёнными по образу и подобию Божьему? Что ж это за Бог у нас такой, если мы только его подобие?»

Петрович так и не решил, что ему делать дальше. Узнав место и время проведения очередного собачьего боя, он просто поехал туда, понадеявшись на извечное русское «авось». К тому же он не был убежден, что именно Рекс будет драться на ринге. Всё, конечно, говорило в пользу этой версии, но стопроцентной уверенности всё равно не было. Как там говорил букмекер Володя? «Молодой, в боях раньше не участвовал, но о-о-очень перспективный. Злой, как волчара». Хоть убей, но не представлял Петрович сына своего погибшего Рекса, того смешного любопытного и ласкового щенка, с которым неоднократно встречался на даче Виталия, в роли беспощадного волчищи. Не могла ведь жизнь так исковеркать его неокрепшую душу. Вывернуть наизнанку, встрясти из неё всё хорошее, смыть преданность и любовь, оставив только звериную сущность.

Держа руль левой рукой, Петрович правой шарил в кармане мобилу, вызвал номер Виталия.

— Алё, ты где? — отозвался взволнованный голос друга. — Мы с Любашей тут места не находим! Выяснил что?

— Да. Похоже, Рекса взяли на собачьи бои. Слыхал про такие? Так вот сегодня он дерётся с каким-то Конгом...

— Бли-и-ин?! — не закричал, а просто взревел Виталий. — С Конгом? Да это же монстр, гладиатор, киллер в собачьем обличье!

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросил Петрович. — Сам, что ли, в таких делах участвуешь?

— Типун тебе на язык! — вспылil приятель. — Когда ты видел во мне садистские наклонности? Молчишь? Ну и гад же ты, Димон! Ещё друг называется!

— Ладно, не бухти, — примирительно проговорил Петрович. — Глупость сморозил. Просто на нервах весь. Так откуда ты о Конге знаешь?

— Да брат с полгода назад видео прислал боя этого Конга с кавказской овчаркой. Он её просто в лохмотья порвал, изверг!

— Думаешь, если Рекс действительно с ним дерётся, то ему кранты?

— Однозначно! — уверенно заявил Виталий.
— Шансов выстоять против этого зверюги у него ноль целых и хрен десятых.

— Понял! Бывай, дружище!

— Эй, постой-постой! — всполошился приятель. — Ты куда едешь?

— Никуда.

— Не свисти, я же слышу, что мотор работает. Давай колись, куда направляешься.

— В «Буревестник», — не стал отпираться Петрович. — Это пионерлагерь такой бывший за городом.

— Знаю я, а что там?

— Похоже, именно там сейчас Рекс с Конгом...

— Я с тобой!

— Нет, я уже и так опаздываю, — Петрович нажал кнопку отбоя и прибавил газку.

Как ни торопился Петрович, как ни вдавливал педаль в пол, всё равно не успел. Слишком долго мурыжили его на посту гаишники, вымаршивая мзду, слишком долго стоял на железнодорожном переезде, пропуская длинный грузовой состав, слишком долго плёлся за тремя фурами дальнобойщиков, не имея никакой возможности их обогнать. Казалось, сама судьба делала всё, чтобы не дать ему возможности спасти Рекса.

Но Рекс не нуждался сейчас ни в чьей помощи. Победив злобного и сильного врага, напившись его крови, он, казалось, преисполнился такого могущества, что не было в мире врага, задачи, препятствия ему не по зубам. Загнанный в угол выстрелами из травматика, вздыбливающими фонтанчиками опилки у его лап, он напряжённо наблюдал за двумя ветеринарами в белых халатах, склонившимися над бездыханным Конгом. Они кололи его иглами, что-то вправляли, то ли надеясь вернуть в пса искру жизни, то ли просто отработывая гонорар. И в них Рекс разглядел свой единственный шанс на спасение от Руси с Вованом, от хозяйки Рекса-Конга, по-прежнему визжащей за сеткой, от кровавых «развлечений», подобных сегодняшнему.

Он дождался момента, когда Вован и ещё один парень, палившие в него из травматических пистолетов, чуточку отвлекутся, поверив, что Рекс уже не опасен для ветврачей, и воспользовался мигмом удачи.

Рекс рванул с места торпедой, выпущенной из

боевого корабля, только опилки взлохматились за ним мятежным буруном. Опомнившиеся стрелки запалили по нему из двух стволов. Пули свистнули далеко позади Рекса. Ветврач помоложе заметил опасность и шарахнулся в сторону. Пожилой, сидя на корточках перед Конгом, подставил Рексу незащищённую выгнутую дугой спину. Мгновение — и Рекс, используя её как трамплин, взмыл в воздух, направив напряжённое тело в сторону заградительной сетки. Уцепился передними лапами за её край, подтянулся и в длинном прыжке полетел за светового барьер прямо на обалдевшую от такого циркового номера толпу. В последний момент люди шарахнулись в разные стороны, и Рекс, влекомый силой энергии, кубарем покатился по дощатому полу бывшего спортзала...

На въезде в «Буревестник» дорогу Петровичу перегородил шлагбаум. Из будки, очень похожей на милицейский «стакан» позднего СССР, выбрался здоровенный бугай в камуфляже и с резиновой дубинкой в руке. Лениво подошёл и процедил презрительно:

— Частная территория! Въезд запрещён!

— А если так? — Петрович продемонстрировал качку реквизированный у букмекера «билет».

Охранник внимательно взгляделся в него и спросил мягче:

— Что-то припозднились вы, бой-то уж минут пятнадцать как начался.

— Гайцы-сволочи тормознули! — ругнулся Петрович. — На пять штук обули, заразы!

Верзила понимающе хмыкнул, вернулся в свою посудину, и шлагбаум медленно пополз вверх.

— Куда ехать, знаете? — крикнул охранник, приоткрыв дверь. — По дорожке прямо, метров через триста налево поверните — и там увидите.

Петрович благодарно кивнул ему и двинулся в указанном направлении. Бывшая детская здравница представляла собой жалкое зрелище. Выбитые и кое-как заколоченные досками и фанерой окна спальных корпусов, сломанные качели-карусели, выцветшие плакаты с трубящими в горн пионерами, безголовые скульптуры... Прямо «Пикник на обочине» Стругацких. Мёртвая зона. «А я, значит, сталкер! — ухмыльнулся про себя Петрович, вырываясь по разбитой вдребезг асфальтовой дорожке к бывшему

спортзалу. — А Рекс тогда кто? Порождение зоны — ходячий труп?»

У входа в здание топтался ещё один охранник, напряжённо вслушивающийся в крики, доносящиеся изнутри. Петрович подошёл к нему, спросил заинтересованно:

— Что там такое?

— А хрен его знает, — пожал плечами тот. — Никогда такого не было.

— Дверь открой!

— А вы кто? — наконец заинтересовался Петровичем парень.

Вместо ответа Петрович сунул ему под нос бумажку с печатью.

— А-а-а! — протянул охранник. — Только опоздали вы, похоже, всё уже закончилось.

— С чего ты взял?

— Стреляли! — невозмутимым голосом Саида из фильма «Белое солнце пустыни» пояснил парень.

Петрович прислушался. Никаких выстрелов не услышал, но в спортзале явно происходило что-то необычное. Визжали женщины, громко матерились мужики, злобно лаял какой-то пёс...

Это Рекс метался по помещению в поисках выхода, рычал и лаял на зрителей, которые ломились в узкую дверь, прижимались к стенам, чтобы не встать у него на пути. Благо, никто не стрелял в него, опасаясь попасть в кого-нибудь. Да и пистолеты были только у Вована с парнем, все остальные сдавали оружие при входе в зал. Такое правило было введено после того, как хозяин одного из бойцовских псов, увидев, как проигрывает его любимец, выхватил допотопный «вальтер» и разрядил всю обойму в победителя. Сейчас многие из публики сожалели, что не заныкали какую-нибудь «пушку» в борсетке или ещё где-нибудь.

Рекс не злился на присутствующих. Он презирал их. Напуганное стадо ещё раз дало ему понять, что вожаки в жизни — исключение. Основная масса тех, что встречались ему, — трусливые твари, не способные ни защитить себя, ни вступить в бой. Он позволил толкающейся и давящей друг друга публике просочиться в гардеробную. Сам встал в дверях, надеясь, что теперь он найдёт возможность вырваться на свободу. Но первое, что увидел Рекс, направленный на него ствол пистолета, за которым злобно щерилась

рожа Вована. Стоять на месте означало стать калёкой или вообще умереть. И Рекс стремительно бросился вперёд, сшиб с ног Вована, хоть и успевшего выстрелить, но промахнувшегося, и метался по гардеробной, распугивая любителей чужой крови, но не готовых пролить свою. Визг, истошные крики и топот перепуганных ног возобновились с утроенной силой. Но выхода опять не было. Входная дверь заперта, Рекс убедился в этом, с разбега толкнув её передними лапами. И только...

Деревянная рама небольшого оконца рядом с дверью в спортзал разлетелась вдребезги от мощного удара изнутри. Сверкающий стеклопад обрушился на присевшего от неожиданности охранника, прикрывшего руками голову. Петровичу повезло больше. Он стоял чуть в стороне, и осколки стекла не долетели до него. Потому и заметил, что вслед за рамой вылетел во двор жёлто-коричневый лохматый ком, упал, вскочил и, не разбирая дороги, понёсся в сторону забора, за которым величественно наблюдали за происходящим, укоризненно качая вершинами, высокие сосны.

— Ре-е-екс!!! — запоздало закричал вослед убегающему псу Петрович. — Рекс, стой!!!

И побежал следом по цепочке едва видимых в сумерках капелек крови. Но человеку догнать собаку возможно только в одном случае — если она сама желает этого.

Рекс слышал знакомый голос. Даже уловил мимолётный запах Петровича, но и не подумал остановиться. Только ещё больше разъярился. Выходило, что Петрович снова был неподалёку, когда в него стреляли, рвал зубами Конг, улюлюкала толпа?! И не вмешался, не помог, не вызволил... Рекс на бегу коротко взвыл от боли. Не от укусов, нет. От ещё одной раны, нанесённой ему прямо в истерзанное предательствами и разочарованиями сердце.

Петрович бежал за Рексом по цепочке следов до самой реки и увидел, как пёс скрылся в кустарнике на другом берегу. Схватив какую-то сухую жердину, Петрович ступил на ненадёжный весенний лёд. Под ногами его простудно чавкала талая вода вперемешку с потерявшим былую лёгкость и белизну снегом. Вместе с хлопаньем снизу доносилось тревожное потрескивание. Но ему было наплевать на вполне

реальную опасность оказаться в мёрзлых объятиях реки. Презрев риски, Петрович шагал и шагал, ни в малейшей степени не сомневаясь, что поступает единственно верно.

Внезапно Петрович нелепо взмахнул руками и в одно мгновение исчез. Сухая палка, которую он держал в руках, отлетела далеко в сторону. Рекс, наблюдавший за ним с дальнего берега, резко привстал на передние лапы. На месте, где только что стоял тот, от которого он хотел сбежать, чернела полынья. Рекс выпрямился во весь рост, вглядываясь в мелкую рябь открытой воды.

Петрович не утонул. Примерно через минуту, отплёвываясь и отфыркиваясь, он вынырнул в промоине и уцепился покрасневшими от холода пальцами за край льда. Резко подтянулся, пытаясь грудью лечь на спасительную поверхность, хрупкий лёд предательски хрустнул под тяжестью тела, и Петрович вновь окунулся с головой в студёную купель. Но не сдался. Раз за разом он пытался вскарабкаться на лёд, скрёб скрюченными пальцами по снежно-водяной каше и опять срывался в чёрную темень полыньи. Наконец каким-то немыслимым образом смог зацепиться руками за лёд и выбрался из воды. Обречённо посмотрел на берег, до которого, несмотря на всю его близость, так и не смог добраться. Петровичу показалось, что он разглядел в кустах силуэт собаки.

— Ре-е-екс!!! — закричал он хриплым голосом, но ответа так и не дождался.

Из дневника Петровича:

«Рекс узнал меня. Я точно знаю это. Но не откликнулся, не откликнулся на мой зов. Забыл? Да нет, узнал ведь! Точно узнал! Значит, не захотел, не посчитал нужным. Он что, вычеркнул меня из своей жизни? Мне нужно знать точный ответ на этот вопрос».

Среди сотни зрителей, наблюдавших за боем Конга и Викинга, был один человек, не потерявший присутствия духа, даже когда Рекс лохматой бестией понёсся на толпу. Вздурораженные, разгорячённые запахом крови люди в одно мгновение перешли из крайне восторженного состояния в паническое. Все пытались выбраться, выломиться из помещения, в котором, злобно рыча и оскалив зубы, метался

Рекс-Викинг, только что публично убивший непобедимого Конга. Переворачиваясь, трещали столы и стулья, разбивались со звоном бутылки и тарелки, визжали женщины, а этот человек лениво цедил пиво из высокого бокала и поигрывал блестящим столовым ножом в правой руке. По бокам его стояли двое крепких молодых парней в одинаковых серых костюмах, зорко следящих за паникой людей, они не вмешивались в происходящее.

Когда Рекс одним своим свирепым видом выдал большую часть расхристанной публики в гардероб, а затем вырвался на свободу, о чём возвестила гулко и звонко лопнувшая оконная рама, сидящий за столом человек поманил пальцем стоявшего справа бодигарда. Тот вежливо наклонился к нему.

— Мне нужен этот Викинг, — тихо проговорил человек, положивший нож, которым поигрывал, на стол.

Телохранитель растерялся:

— Но...

— Никаких «но»! — прервал его человек. — Принимаю все трудности, поэтому срок пока не устанавливаю. Обязательно выясните, чей он, откуда. Денег не жалейте. Если нужно, наймите спецов. Как их там?.. Кинологов, что ли?

— Так точно, кинологов!

— Выполнять!

Этот краткий, но весьма недвусмысленный разговор практически вынес приговор Рексу. Ивана Аркадьевича, который предпочитал, чтобы его звали Генерал, знала вся округа. В пятидесяти километрах от заброшенного «Буревестника», на земельном участке в пять гектаров располагался его шикарный трёхэтажный особняк, обнесённый высоким забором с колючей проволокой поверху. Он находился под наблюдением видеокамер, а у тяжёлых стальных ворот несли круглосуточную охрану вооружённые помповыми ружьями бойцы частного охранного предприятия «Дозор», принадлежащего самому Генералу. Жители окрестных сёл и деревень уже давно знали, что приближаться к «генеральскому особняку» не просто не рекомендуется, а крайне опасно. Однажды парочка мужиков пыталась под видом грибников подобраться поближе и чем-нибудь поживиться. Тех так попрессовали в подвале, что их рассказы долго ещё передавались

в застольных кругах, обрастая такими подробностями, что даже бывшие сидельцы, хоть и шурились недоверчиво, всё же сочли за лучшее сторониться наверняка хорошо упакованной хаты.

Не зря торопился Петрович пойти по следу сбежавшего от устроителей собачьих боёв Рекса. Чуйка сработала. Будто знал, что на него открывается большая охота. А она стартовала практически сразу после приказа, отданного Генералом. Паша — так звали старшего телохранителя, непосредственно получившего приказ, — оставив напарника у столика, где по-прежнему спокойно попивал пивко отставной высокий чин, выловил в гардеробной растерянного Руслана Тимофеевича, известного в этой среде как Руся, и, не объясняя ничего, доставил его к генеральскому столику.

— Говори! — кратко скомандовал Иван Аркадьевич в перерыве между двумя глотками пива.

— Что говорить? — спросил перетрусивший Руся, уже знакомый с крутым нравом бывшего вояки. — Если вы по поводу испорченного представления, то, разумеется, деньги за билеты и компенсация морального вреда вам, Иван Аркадьевич, будут выплачены немедленно.

Руся даже попытался полезть во внутренний карман пиджака, но крепкая рука Паши так сжала его кисть, что пухлый бумажник выпал на пол, а сам собачий администратор глухо застонал от боли. Паша нагнулся, поднял портмоне и положил его на стол перед Генералом. Иван Аркадьевич лениво отодвинул от себя пиво, вытащил из трофея толстую пачку рублей, долларов и евро, не считая сунул её в карман и со словами: «Забудь про моральный вред», — занялся изучением немногочисленных визиток, спрятанных Русей в отдельном кармашке. Просмотренные небрежно бросал под стол. Бумажные прямоугольники с вытесненными на них золотом звучными фамилиями и должностями падали в пивную лужицу. Знали бы губернатор, мэр, начальник полиции и ещё ряд чиновников, привыкших считать себя пупами земли, чего они стоили в глазах Ивана Аркадьевича!

Но одна визитка избежала общей участи.

— Ирина Аркадьевна Самохвалова, — вслух прочёл Генерал. — Директор ООО «Собачий рай», магистр зоологии. Кто она?

— Ирка-то? — переспросил Руся. — Так это... она бойцов нам иногда поставляет для боёв.

— Викинг от неё?

— Да.

— Тогда слушай сюда, Руслан Тимофеевич, — негромко, но весомо проговорил Генерал. — Сделай так, чтобы эта магистраторша согласилась поговорить со мной. Времени у тебя полчаса.

— Так она здесь была, — обрадовался Руся тому, что легко отделался. — Надо только найти её.

— Так ищи! — поднял кустистые брови Генерал. — Чего ждёшь?

Руся сорвался с места.

— Да, Руслан Тимофеевич!.. Вот что ещё... — крикнул ему вслед Генерал. — Пусть мне коньячку принесут! И не поила вашего, а настоящего, выдержанного.

Растерянная Самохвалова предстала перед Генералом через пять минут. Она уже садилась в свою «Вольво», когда налетевший вихрем Руся буквально выдернул её из салона машины.

— Ты что, сдурел?! — возмутилась Самохвалова. — Руки убери!

— Не кипиши! — взволнованно выдохнул пивным перегаром Руся. — Тебя Иван Аркадьевич к себе требует!

— Какой ещё Аркадьевич? — презрительно скривила губы Самохвалова, вырывая рукав шубы из хвата Руси. — Не знаю я никакого Аркадьевича!

— Тот самый! — зло прошипел Руся. — Который Генерал!

— Что-о-о-о! — изумлению Самохваловой не было предела. — А зачем я ему?

— Не знаю! Иди, а то я тебя силой к нему отволоку.

Самохвалова недовольно дёрнула плечом, но безропотно зашагала обратно. Знала она по слухам о Генерале, хорошо знала и не решилась перечить. Есть такие люди: если зовут, никак нельзя проигнорировать — себе дороже будет.

Иван Аркадьевич долгим взглядом оценил представшую перед ним директрису «Собачьего рая». Не спеша пригубил из пузатой рюмки принесённый Русей «Hennessy» и только затем спросил:

— Ты, что ли, Ирина Аркадьевна Самохвалова?

Та только кивнула в ответ.

— Присаживайся, в ногах правды нет. Коньяк будешь?

Самохвалова, утвердительно кивнув, присела на стул напротив Генерала. Глотнула пересошим ртом из предложенной рюмки. Французский коньяк огнём обжёг язык и нёбо, но зато немного успокоил её.

Иван Аркадьевич выдержал паузу, с интересом патологоанатома наблюдая за собеседницей, и спросил напрямик:

— Где такого бойца отыскала?

— Какого бойца? — с лёгкой хрипотцой вопросом на вопрос ответила Самохвалова.

— Ты душой-то не прикидывайся! — добавил металла в голос Генерал. — И запомни, что вопросы здесь задаю я! Отвечай: откуда у тебя Викинг взялся?

— Собаколовы привезли. Сейчас в городе отлов бродячих собак начался, вот его где-то на улице и усыпили, а потом привезли.

— Такого пса? На улице?! — не поверил Иван Аркадьевич.

— Ну да. У нас договор с мэрией, вот нам ловцы из ООО «Экологический санконтроль» его и доставили. Валера и... Сергей, кажется, их зовут.

— Как их найти?

— Понятия не имею. Но они завтра где-то после обеда опять нам собак привезти должны.

— Слышали? — посмотрел на своих бодигардов Генерал. — Завтра после обеда найдите этих двоих и допросите.

Глотнул ещё «Hennessy» и снова долгим взглядом уставился на Самохвалову. Спросил с усмешкой:

— Ничего больше сказать мне не хочешь?

Самохвалова собралась с духом и выпалила:

— Интересовались этим псом.

— Кто?

— Заместительница начальника департамента имущественных и земельных отношений городской мэрии Любовь Андреевна Матвеева.

Генерал удивлённо вскинул бровь:

— А что за интерес у неё?

— Не знаю, — честно призналась магистр зоологии. — Но она уже с полгода этого пса ищет.

— Откуда знаешь, что именно этого?

— Так она мне его фото по ватсапу скинула. Всё совпадает.

— Чего ж не отдала пса ей? С мэрией дру-

жить надо! — поддел Самохвалову Иван Аркадьевич.

— Да пошла она! — хищно осклабилась Самохвалова. — Кто ж за просто так породистого пса возвращать будет?

— Ладно! — подвёл черту разговору Иван Аркадьевич. — Если что утаила, пеняй на себя. А завтра, как только эти ловцы собак к тебе придут, позвонишь Паше. Паша, дай ей свою визитку. И о нашем разговоре никому ни слова. Поняла?

Самохвалова только мелко-мелко закивала в ответ, радуясь, что внушающая ей чуть ли не благоговейный трепет аудиенция подошла к концу.

Из дневника Петровича:

«Как я, замёрзший почти насмерть, дошёл до бывшего пионерлагеря, как меня там встретил подбегавший Виталья и привёз в больницу — почти не помню. Но я жив, ничего себе не отморозил, только двусторонняя пневмония свалила меня надолго. Нужно радоваться спасению, но душа бьётся в тоске. Рекс снова пропал. Виталья организовал большой поиск сразу, как только я пришёл в себя и рассказал ему обо всём, но всё напрасно. Даже следов Рекса найти не удалось».

Рекс не откликнулся на зов Петровича. Всё потому, что Дикий Пёс нашёптывал ему, что провалившемуся под лёд жожаку он не нужен. А когда вообще ему было дело до Рекса? Он всегда оставлял его и не брал с собой. Ходил в тех местах, где обитал Рекс в городе, но никогда не подходил к нему, не звал. Так что ничего необычного не произошло. Нужно было начинать новую жизнь. Без людей и их ненавистного города, надеясь только на собственные силы.

Пригородный лес своими новыми запахами будил в Рексе инстинкты и воодушевлял Дикого Пса, хотя первозданной нетронутой природы в округе почти не было. Лес был исчеркан лесными дорогами, тропами, квартальными просеками, противопожарными канавами и линиями электропередачи вдоль и поперёк. Следы кострищ, импровизированные свалки из лысых автомобильных шин, пустые пластиковые бутылки и прочие отходы, на которые горазд цивилизованный человек, встречались всюду.

Вопрос с укрытием для пса решился быстро: под огромными бетонными глыбами взорванного во время войны дота нашлось просторное и сухое пространство, имеющее два выхода на поверхность. Здесь и обосновался Рекс, чувствуя себя в безопасности и комфорте. Гораздо хуже обстояло дело с едой. Оголодавший и исхудавший Рекс рыскал по лесу в поисках хоть какой-нибудь еды. Но привычной пищи не находил. Не было мусорных баков с объедками, рынков, на которых всегда можно было что-то стянуть у зазевавшихся торговцев, забегаловок и кафешек, возле которых сердобольные вожак регулярно подкармливали бродячих собак остатками фастфудов. Рекс уже стал подумывать над тем, не вернуться ли ему на городские улицы, чтобы не сдохнуть с голоду, но случай, как это часто бывает, перевернул его планы.

На окраине посёлка, к которому подобрался Рекс, влекомый запахами человеческого жилища и еды, его учуял большой и кудлатый деревенский кобель. Не обладающий большим умом, но зато сильный и храбрый, пёс не нашёл ничего лучшего, как сразу наброситься на чужака, чтобы прогнать его с территории, которую считал своей. С грозным рычанием, способным обратить в бегство любого, он бросился к Рексу с намерением в драке установить своё главенство. Однако закалённый в драках с бродячими псами, выигравший бой с Конгом Рекс и не подумал драпать от деревенского пахана. Он просто дождался его броска, ловко отскочил в сторону в последний момент и толкнул промахнувшегося противника плечом. Черныш, так звали злобно-го кобеля, не устоял на ногах и кубарем покатился по земле. Встать на лапы Рекс ему не позволил. Навалился сверху и стиснул его горло мёртвой хваткой. Затрещали хрящи гортани, в пасть Рекса потекла горячая солёная кровь. Она огнём обожгла пустой желудок, взбудоражила и наполнила Рекса невиданной силой. Не разжимая зубов, он глотал её с наслаждением. А когда сильный и глупый пёс затих под ним, встал над ним и впервые в жизни пропел воинственную песню над поверженным врагом. Его вой не походил на волчий, но, долетев до деревенских собак, поверг их в трепет, заставив забиться в будки и жаться к людям в поисках защиты.

Одержав полную победу над кобелём, Рекс хо-

тел развернуться и уйти, но что-то сдержало его. Голод опять властно заявил о себе и, посмотрев на окровавленный снег, Рекс принялся жадно лизать и глотать его. А потом его зубы вонзились в ещё тёплую плоть... Так был найден источник пропитания. До этого случая Рекс никогда не смотрел на себе подобных как на пищу. Он, случалось, убивал их, отстаивая своё право на территорию и жизнь. Не считал он едой и других зверей за исключением кур, которых воровал на городских окраинах. Он не связывал воедино съеденное им мясо — окорочка, сардельки, кусочки свинины в чебуреках — и живых существ, окружающих его. Мясо в его понимании существовало само по себе, как булка, картошка, каша, а живность просто потребляла его, не являясь его источником. Но всё переменялось, стоило Рексу один раз утолить голод свежатиной...

После случившегося Рекс уже не голодал. На окраине то одного, то другого села жители то и дело стали находить обглоданные останки собак. Поначалу грешили на волков, но опытные охотники, изучив следы, пришли к выводу, что бесчинствует одичавший пёс. Хитрый, бесстрашный, сильный. Людям на глаза он не попадался, и никто не знал, как он выглядит. А потому, даже встретив его в лесу, они без страха проходили мимо.

Другое дело — собаки. Они перестали воспринимать Рекса как представителя своей породы. Учуяв его запах, они удирали что было сил, прячась от неминуемой смерти во дворах домов. Но Рекса это не останавливало. Юность, проведённая в городских джунглях, среди людей, приучила его не бояться человеческих жилищ и территорий. Он воспринимал их как естественную среду обитания, гораздо более близкую и понятную, нежели березняки и ельники, среди которых устроил своё теперешнее логово. Поэтому, перемахнув в прыжке штакетник, он легко находил среди сараев и курятников спрятавшуюся от него псину, вытаскивал из конуры или иного убежища и убивал без сожаления. Хозяева, как правило, не успевали отреагировать на заполошный лай своих четвероногих сторожей. Когда они выскакивали на крыльцо с ружьём или дубьём в руках, Рекс уже был далеко. Схватив зубами за шею добычу, он закидывал ее на спину и уносил в лес, чтобы в безопасности

растерзать. Такой волчий способ переноски подсказал Рексу Дикий Пёс, полновластно властвующий сейчас в его душе.

Справедливости ради надо сказать, что Рекс никогда не убивал собак просто так, ради мести за свою несложившуюся жизнь или просто из жажды убийства. Только две причины могли толкнуть его на убийство: голод и самозащита. Это отличало его от озверевших людей, маньяков и прочих убийц. Рекс не был безумцем и психопатом, он просто в очередной раз приспособился к жизненным обстоятельствам. Он просто жил в тех условиях, в которые его загнали жизнь и людская жестокость. При таких раскладах Домашняя Собака, ранее заполнявшая всё его существо, практически не давала о себе знать.

Из дневника Петровича:

«Куда исчез Рекс? Не мог же он раствориться без следа? Может, остался в лесу, прячась от людей? Вопросы, вопросы, а ответов не найти. Особенно здесь, в больнице. Зато прочёл «Белого клыка» Джека Лондона, до которого раньше как-то не доходили руки. Царапнула фраза: «Его преданность человеку была выше любви к свободе, к семье и породе». Относится ли это к Рексу? Сможет ли его преданность преодолеть всё, что выпало на его долю?»

— Докладывай! — буркнул Генерал Паше, усаживаясь в глубокое кресло.

— Этого Викинга на самом деле зовут Рекс, — раскрыв блокнот, начал доклад помощник-телохранитель. — Сбежал от Матвеевых ещё щенком. Они ищут его долго, но безуспешно. На самом деле вряд ли пёс помнит их.

— Откуда у них этот щенок взялся?

— Они заводчики, хотя и не профессиональные, разводят щенков на продажу. Имеют сучку Джуну, очень породистую. Рекс из помёта от кобеля с тем же именем. Хозяин — некто Самойлов, внештатный корреспондент городской газеты. Его пока не пробивали...

— И не нужно! — перебил Иван Аркадьевич. — Наверняка он не при делах, просто деньги за вязку взял и всё.

— Наше дело не рожать, сунул-вынул и бегать... — сдохмил Паша, но Генерал так глянул

на него, что тот сразу осёкся и продолжил: — Про Любовь Андреевну Матвееву вы знаете. Работает в мэрии замом начальника департамента имущественных и земельных отношений. Муж у неё отставной военный, прапорщик, служил в военкомате, в горячих точках не был. Награждён...

— Не надо! — отмахнулся Генерал. — Наверняка висюльки всякие за выслугу лет. Лучше скажи, есть шанс отловить этого Викинга-Рекса?

— Шанс всегда есть, — пожал плечами Паша. — Другое дело, где его искать теперь?

Генерал дотянулся до газеты, лежащей на журнальном столике, взял её и протянул собеседнику. — Глянь, там на четвёртой странице карандашом подчёркнуто.

Паша развернул районную «сплетницу» и начал читать про себя, шевеля губами.

— Вслух читай! — приказал Генерал.

Телохранитель откашлялся и прочёл:

— Уже больше трёх недель волки нападают на собак в окрестных сёлах и деревнях. По нашим данным, такие случаи зафиксированы в семи населённых пунктах. Местные жители, запуганные серыми разбойниками, с наступлением темноты боятся выпускать на улицу детей, а сами выходят вооружёнными ружьями или вилами. В местном отделении «Охотсоюза» считают, что нападают не волки, а одичавшие собаки, так как популяция волков в области крайне мала, а в тех местах, где совершаются нападения, лес очень, если можно так выразиться, «цивилизован» — имеется железная дорога, несколько карьеров и промышленных предприятий. Волки же предпочитают селиться в менее обжитых человеком местах.

Паша закончил читать и поднял глаза на Генерала:

— Всё.

— Что скажешь?

Помощник-телохранитель наморщил лоб в раздумье и через паузу ответил:

— Да не знаю, что и сказать, Иван Аркадьевич. Я ж не охотник. Но раз охотники считают, что это одичавшие псы, то, наверно, так оно и есть.

Генерал задумался. Кустистые брови сдвинулись, глубокая вертикальная морщина перерезала его лоб над переносицей. Верный признак того, что решение будет окончательным и обсуждению не подлежащим.

— Значит, так! — Иван Аркадьевич чуть прихлопнул ладонью по столу, словно печать к своим словам приложил. — Этого Рекса-Викинга найти в самые кратчайшие сроки и доставить сюда в целости и сохранности. Матвеевым заплатите штуку баксов. Всё равно они собак продают, наживаются на них, копеечные души! Видать, не от хорошей жизни он от них сбежал! Кстати, вы с этими... как их там... собаколовами, что Рекса поймали, поговорили?

Паша утвердительно кивнул:

— Да. Но ничего они про пса не знают. Просто поймали в одном из дворов — и всё. Но я туда парочку человек послал поспрашивать в округе, не знают ли чего, не слыхали ли... Отозвать?

— Нет, пусть пока поработают, глядишь, узнаем что-то ещё.

В кармане Паши тихо заверещал мобильник. Телохранитель вопросительно глянул на Генерала.

— Ответь! — разрешил Иван Аркадьевич.

Разговор был недолгим, Паша отвечал короткими репликами, больше слушал. Закончив беседу, доложил:

— Это как раз Лёха звонил, один из тех, что я во дворы отправил. Выяснили они кое-что про Рекса.

— И?

— Местные бомжи знают его под кличкой Немец. Жил с бродягой Стёпой, пока его свои же не замочили. Говорят, что не боялся ни бога, ни чёрта, а одного бомжа, того самого, что Стёпу мочканул, по слухам, нашли весной с перегрызленным горлом. И грешат на него, на Немца. Мол, это он так отомстил.

— О как! — Генерал даже встал и заходил по комнате. — Точно, именно этот Рекс мне нужен! И чем скорее, тем лучше.

— Ещё одно, — сказал Паша. — Бомжи сказали, что ещё какой-то чел разыскивал Немца. Он его Рексом называл. Но ему они ничего не сказали про Немца.

— Отчего же?

— Так спрашивать не умел, — ухмыльнулся Паша. — Моим они тоже ничего не хотели говорить, но всё рассказали.

— Они что, с пристрастием их допрашивали? — нахмурился Генерал. — Сколько раз повторять, что нам незачем привлекать к себе внимание!

— Не, вы не так поняли, — начал оправдываться Паша. — Они просто литр водки бомжам выкатили и закусон сообразили. Сплошная психология, никакого насилия.

— Психологи, мать вашу! — буркнул Иван Аркадьевич. — Ладно, отзывай бойцов, вряд ли они ещё что-то накопают, и начинай ловить этого Рекса-Викинга-Немца. Да, вот ещё: уточни у ментов, точно ли бомжа с разорванным горлом наводили и кто это сделал по их экспертизам.

— Сейчас! — пальцы Паши запрыгали по экрану мобильного. — Это я мигом.

Через пару минут Генерал уже знал, что труп бомжа действительно был, а по заключениям экспертов, сделали это собаки. Точнее, одна собака. И это только укрепило Ивана Аркадьевича в его желании найти Рекса. Зачем? Этого никто не знал, кроме самого Генерала, а спрашивать его о таких вещах остерегались.

Из дневника Петровича:

«Боже, как надоели эти больничные стены, уколы, таблетки! Только интернет и книги выручают. Да ещё Виталья позванивает, новости рассказывает. Сказал, что к его соседям по даче какой-то якобы зоозащитник заходил, про Рекса выспрашивал. Неужто его опять устроители собачьих боёв ищут? Хотя зачем им это? Что-то тут не то...»

Напрасно в «Охотсоюзе» считали, что волков в лесу, где обитал Рекс, нет. Однажды в рассветных сумерках, когда Рекс терзал в каком-то овраге только что утащенную из вольера лайку, он почувствовал чей-то взгляд — внимательный и опасный. Подняв глаза, рассмотрел метрах в тридцати от себя силуэт собаки. Но запах, уловленный широко раздутыми ноздрями, подсказал ему, что он ошибается. И одновременно напомнил ему что-то оставшееся в далёком прошлом. Где-то он уже встречался и с этим жёлтым, не ведающим страха взглядом, чуял тот запах. Звериная тюрьма! Передвижной зоопарк. Именно там за решёткой из толстых прутьев на него так же смотрел пленённый волк. Сейчас решётки не было, и ничто не мешало серому хищнику напасть. Загривок Рекса вздыбился, вздёрнулась верхняя губа, обнажая крепкие клыки, в горле заклокотало рычание. Он ясно

давал понять лесному собрату, что готов к схватке за свою добычу, что в ярости и храбрости он ему не уступит.

Однако волк почему-то медлил. Он просто смотрел, и Рекс начал успокаиваться. Что-то здесь было не так. Вглядевшись пристальнее, Рекс понял причину. Волк был ранен. Он поджимал правую переднюю лапу и явно страдал от боли. От голода тоже.

Рекс смотрел на такого же неприкаянного, как и он сам, скитальца и воскрешал в памяти события единственной встречи с таким же гордым лесным разбойником. Он вспомнил, как матёрый волк вытолкнул из клетки кусок мяса, поделившись с ним своим ужином. Как протянулась между ними тонкая ниточка взаимопонимания. Как подарил пленник ему частичку своей силы духа, любви к жизни и свободе в тот момент, когда он уже готов был сдаться. И Рекс решился. Никогда с той поры, когда вошёл в силу и понял цену свободе, он никому и никогда не уступал свою добычу. Но в этот раз Рекс понял, что должен поступить иначе. Какое-то новое чувство чуть-чуть колыхнулось в нём. И он, пересиливая свою натуру, сделал небольшой шаг назад. Затем ещё один.

Волк наблюдал за ним с интересом и без агрессии. Если бы он кинулся к оставляемой Рексом добыче, наверное, его ждал бы мощный отпор и неминуемость схватки. Но у серого хватило ума понять, что его противник просто делится с ним частичкой своей удачи. Это было не по правилам, выламывалось из всей системы его представлений о жизни и борьбе за выживание. Такого не могло быть! Но вот же перед ним медленно пятящийся назад пёс, одуряющее пахнущее свежей кровью мясо и полное отсутствие опасности, на которую чутьё волка срабатывало безошибочно. И подранок, не в силах противостоять мучавшему его уже несколько дней голоду, шагнул к пище. А Рекс, вместо того чтобы кинуться на защиту своей добычи, развернулся к ней хвостом и неторопливо двинулся прочь. Нападения со спины он уже не опасался, чуйка его не уступала волчьей. Дикий Пёс в нём мгновенно реагировал на любую угрозу, а сейчас он затих, даже не выразил недовольства тем, что Рекс добровольно расстался с частью своей пищи. Признал, что он поступил правильно, вер-

нув долг тому волку, который даже в неволе оставался свободным.

Лесная жизнь отличалась от прежней городской жизни Рекса. Он жил и охотился теперь по ночам, днём отсыпаясь в своём логове. Врагов у него не было. Встреча с волком была единственной и случайной. Вряд ли тот забрёл бы в густо заселённую людьми местность, если б не его рана, мешающая добывать пропитание. Мелкое зверьё вроде лисиц и зайцев само шарахалось от Рекса, как купцы от разбойника с кистнём на большой дороге. Да Рекс и стал разбойником. Безжалостным и расчётливым. Не учёл он только одного — человек нетерпим к тем, кто посягает на его собственность.

Если бы Рекс просто жил в лесу, не навеваясь в сёла, чтобы утащить очередную собаку, никому не было бы до него дела. Но его кровавые дела, творимые у самых человеческих жилищ, вызвали у местных жителей желание поквитаться с ночным бандитом и покончить с тем, что в их глазах выглядело беспределом. Судьба Рекса была решена женщинами, собравшимися в сельском магазинчике. Обсуждая в очереди у прилавка его очередную кровавую проделку, они набросились на мужиков, пришедших за водкой, благо, был субботний день, сам бог велел его отметить в хорошей компании.

— Вам бы только бухать! — начала Варвара, у которой месяц назад пропала со двора её любимица — низкорослая Шпуня. — Волки по деревне шляют, как у себя дома, а вам и дела нет. Тоже мне, мужики!

— Угомонись, Варька! — добродушно ответил ей Михась. — Какие волки, если их уже почитай два года в округе не встречали?

— Какие?! — тут же взъерепенилась Варвара. — А кто мою Шпуню со двора уволок? Может, черти адовы? Ведь какая собачка была ласковая, безобидная, мухи не обидит...

Мужики, хорошо помнящие визгливую и злобную собачонку, бросающуюся на всех и вся, заржали. Но Варьку хором поддержали односельчанки.

— Вам бы только хиханьки да хаханьки, а мы до ветру ночью боимся выйти!

— И детей страшно на улицу отпустить!

— Почитай, в каждом доме ружжо есть, а одного волка подстрелить некому!

— Дак это не мужики у нас, а алкаши, у которых одно на уме — напиться!

— Ага, только и хватает смелости на баб своих орать!

— И по канавам валяться...

Мужики нахмурились, давненько они не слышали в свой адрес подобного. Видать, и вправду допёк женщин своими выходками какой-то выродок, поселившийся в лесу.

— А ну цыть, бисово племя! — скомандовал пятидесятилетний Мыкола, потомок казаков, как он сам утверждал, некогда бежавших с хлебо-солёной Кубани от бесчинств гражданской войны. — Толком скажите, чего стряслось опять.

— А то ты не знаешь! — подбоченилась Варвара. — Сегодня ночью, пока вы дрыхли под тёплым боком жёнушек своих, волк в курятник к Тимофеевне залез и трёх кур с петухом уволок. А вы, вместо того чтобы ловить его, опять водку хлестать собрались!

Мужики переглянулись. В принципе, обвинения, брошенные в их адрес, были справедливыми.

— Ты это, Варька, не ори так! — набычился здоровяк Витёк, служивший срочную в десанте, а потому считающий себя непревзойдённым во всём, что касалось оружия и кулачного боя. — Ружья у нас у всех незарегистрированные. Пальнём в деревне — сами и сдадите нас в милицию... тьфу ты!.. в полицию.

Бабы заорали вразнобой:

— Где ты у нас полицию видел?!

— Участковый к нам последний раз полгода назад приезжал, когда Юрка в сарай к Петровне залез да варенье стырил...

— А на кой вам ружья, если вы их достать боитесь?

— По воронам по пьяни палить...

— Точно! И по банкам пивным!

— Думаете, не знаем, как вы в прошлом месяце соревнования по стрельбе устроили в овраге за околлицей и чуть своего же дружка Ваську не подстрелили?

Мужики молчали. Правы были бабы, во всём правы. На хрена ружья и обрезы по чердакам и подвалам прятать, если даже для того, чтобы волка завалить, их достать боятся?

— Ладно, бабы! Прекратите ор! — решаясь, скомандовал Мыкола. — Завтра прибьём вашего

волка, хоть и не волк он вовсе, а пёс дикий. — А сейчас дайте нам литру водки без очереди!

— Точно прибьёте? — недоверчиво спросила Варавара.

— Слово десантника! — ударил себя в тельняшку Витёк.

— Точно-точно! — закивал истосковавшийся по водочной добавке Михась.

Очередь расступилась, пропуская к прилавку завтрашних героев, бросивших вызов страшно-лесному злодею. Продавщица Зинка без лишних разговоров выставила перед ними четыре чекушки и банку кильки в томате. Вкусы односельчан ей были хорошо знакомы.

Из дневника Петровича:

«Прочитал сегодня, что ежегодно от нападения животных страдают около 380-450 тысяч человек. Это те, что попали в официальную статистику. А так их, видимо, больше полу-миллиона. Охренеть что получается! Собаки объявили нам войну? Или мы им объявили, а они просто контратакуют? Ведь по данным из интернета более двух миллионов собак и кошек убивают только из-за их шерсти, чтобы произвести поддельные шубы... А всего за пять месяцев 2020 года зоозащитники зафиксировали 663 случая жестокого обращения, 306 из них — убийства, 101 — массовое. Помимо этого, 171 животное получило увечья, в 29 случаях такие травмы привели к гибели».

Мужики сдержали слово. Несмотря на больные с похмелья головы, они вытащили из загашников ружья и, обувшись в резиновые сапоги, напялив брезентовые рыбацкие куртки и такие же штаны, ранним утром пошагали в лесок, исхоженный ими вдоль и поперёк. Михась взял с собой трёхлетнюю лайку Бусю, отличавшуюся умением брать след любого зверя и не терять его. Вёл собаку на поводке, хотя она так и рвалась побегать на воле.

— Цыть! — осаживал её хозяин. — Не на прогулку вышли, работать будешь.

Слово «работать» Буся знала хорошо. Но кого искать? Хозяин не давал разъяснений, споря о чём-то со своими товарищами. Все трое нещадно дымили сигаретами, от дыма которых Буся немилосердно чихала.

— На горки идти надо, наверняка он там где-то прячется, — говорил Михась. — Там в низинах полно потайных мест, где логово устроить можно.

— Далековато от села, — с сомнением качал головой Витёк, которому страсть как не хотелось после вчерашней попойки плестись по лесу пять километров, а потом ещё и по горушкам лазить. — Здесь недалеко он где-то прячется.

— Ты хоть и десантник, Витёк, а простых вещей не знаешь, — поучительно возражал Михась. — Волк никогда недалеко от своего логова скот не режет, уходит на охоту подальше. Понял?

— Так то волк! — резонно парировал Витёк. — А мы-то пса выслеживаем. А собаки всегда поближе к человеку жмутся. Друзья как-никак!

— Нашёл друга! — хохотнул Михась. — Посмотрел бы я на тебя, если б ты с ним ночью встретился, да без оружия. Таких друзей за... хвост и в музей!

— Прав Витёк, — вставил свои пять копеек в разговор Мыкола. — Недалеко пёс где-то. Он ведь недавно в наших краях поселился и уже взрослым. Людей не боится, в деревню запросто заходит. Значит, вырос среди них. По всему выходит, с города он к нам прибежал. Охотиться толком не умеет, собак таскает. Так что вряд ли волчья повадка у него есть.

Михась и Витёк переглянулись. Толково рассудил Мыкола. Действительно, собака она и есть собака, куда ей до волка с его осторожностью и хитростью. Вот только где можно спрятаться в лесочке, по которому постоянно бродят то рыбаки, то охотники, то грибники, то просто выехавшие на пикничок дачники?

— На траншеях он! — осенило Витька. — Там прятки хоть завались.

Траншеями местные называли остатки немецкой обороны, сооружённой во время войны. Укрепились тогда фашисты мощно. Изрыли окопами и траншеями чуть не полста километров. Долговременные огневые точки — доты — выстроили. Старики говорили, что атаковать эти неприступные позиции штрафников бросили. Полегло их немерено. Но взяли! С помощью божьей и ещё одной матери!

Сейчас от того рубежа осталось всего ничего — не более пяти километров. Но три взорванных

колпака дотов имелись. Ходы сообщения и окопы хорошо угадывались под слоем жёлтой сосновой хвои. И засыпанные землянки были, и воронки, и танковые капониры, и ржавая колючая проволока порой путалась под ногами. Местные жители сюда почти не ходили. Ни речушек, ни озёр поблизости не было, ягод и грибов — кот наплакал. А чёрные копатели — охотники до военных трофеев — пока не осквернили лопатами это скорбное место.

Охотники остановились на краю не то воронки от снаряда, не то окопчика — угадать, что это, было невозможно. Мыкола стянул с головы видавшую виды бейсболку и перекрестился.

— Ты чего? — спросил его удивлённый Витёк.

— У меня на той войне дед и трое его братьев полегли, — хмуро глянул на него потомок казаков. — Кто знает, может, кто-то из них здесь голову сложил.

— А-а-а! — понятиливо протянул Витёк. — Только давно это было. А нам надо свои дела решать.

— Так это, — вдруг оживился Михась. — Может, сначала помянем дедов твоих, Мыкола? А дела подождут, куда им деваться?

С этими словами Михась привязал Бусю к тонкой берёзке, скинул с плеч тощий старенький рюкзачишко и выпростал из него бутылку чуть мутноватого самогона. И бумажный свёрток с немудрящей закуской — нарезанной колбасой и хлебом.

— И то верно! — согласился Мыкола, сбрасывая с плеч куртку и усаживаясь на неё на краю воронки. — А то башка трещит — спасу нет!

— Ты самогонку-то где взял? — повторяя действия приятеля, спросил у Михасы Витёк. — Если б вчера была, мы бы её уже тогда приговорили.

— Не поверите! — заржал Михась, раскладывая на расстеленной газетке бутерброды. — Сунулся я в кладовку сапоги искать. Нашёл, а в сапоге записка. Когда я её туда засунул — убей, не помню!

— Да, повезло! — усмехнулся Мыкола и добавил к бутербродам кусок сала и луковицу. — А из чего пить-то будем? С горла, что ль? Боюсь, не пойдёт!

— Обижаешь, начальник! — осклабился Михась, доставая из рюкзачка набор металлических стопок в пластиковом футляре.

Рекс, подобравшись к охотникам с подветрен-

ной стороны, чтобы не учуяла лайка, с интересом наблюдал за манипуляциями вожаков. По повадкам и запахам они очень напоминали бомжей, которых он насмотрелся в городе досыта. Очень вкусно пахла колбаса, которой Рекс давненько не пробовал. Её запах будил воспоминания о Стёпе, Кутузке, вожаке с грустными глазами... Проснувшись Домашняя Собака внутри Рекса, заворочалась, запросилась туда, поближе к аппетитной вкуснятине и мерному рокоту человеческой речи. Утратив осторожность, Рекс приподнял голову и шумно втянул ноздрями воздух. Один из вожаков, встретившись с ним взглядом, вдруг повалился набок и, дотянувшись до лежащего на земле обрезка Михася, резко вскинул его на вытянутой руке. Рекса спасла его отменная реакция. Он мгновенно опять припал к земле, а по листьям, где доли секунды назад была его голова, хлестанула утиная дробь. По ушам ударил громкий звук выстрела.

Михась с Мыколой вскочили, тоже схватили ружья. Стрелявший Витёк обрезом указал им направление, крикнул:

— Вона там он!

Мужики с двух стволов пальнули по указанному кусту. Побежали к нему, на ходу перезаряжая оружие. За исхлёстанным дробью кустом никого не было. Крови тоже.

— Может, показалось? — неуверенно спросил подошедшего Витька Мыкола.

— Ага, показалось, как же! — передразнил тот. — Точно он был, я хорошо его голову ушастую видел.

— Чего ж не попал? — съехидничал Михась.

— А ты пробовал сам навскидку да ещё лёжа стрелять? — рассердился Витёк. — Попробуй, а потом подьелдыкивай!

Мыкола почесал натруженной пятернёй затылок, стимулируя извилины, перепутанные похмельем и только что выпитым самогоном.

— Здесь он, — уверенно заявил своим напарникам. — Только спрятался где-то. Слышите, как Буся заливается?

Лайка Михася действительно рвалась в бой, дугой склоняя к земле деревце, к которому её привязал хозяин. Она-то уже учуяла Рекса, который после первого же выстрела отполз за соседний куст, понимая, что если побежит, то станет хорошей мишенью для агрессивных вожа-

ков. Он впервые столкнулся с огнестрельным оружием, но сразу оценил его мощь и смертельную опасность. При этом хорошо понимал, сколь ненадёжно его укрытие. Стоило кому-нибудь из охотников пройти пару шагов вперёд, и они точно заметили бы его.

— Точно, здесь он! — согласился с Витьком Михась. — Если бы побежал, мы бы его обязательно увидели. Умён зараза! Ничего, щас Бусю спущу, она его быстро под выстрел выгонит.

— погоди! — остановил его Мыкола. — Давай ещё по сто граммов накатим для зоркости и меткости, а уж потом повеселимся.

Устоять перед таким предложением никто не смог. Михась разлил по стопкам пахнущую хлебом жидкость и даже тост произнёс:

— Ну, за то, чтобы не сбежал супостат от нас!

Выпили, поморщились, занюхали и зажевали бутербродами очередную порцию пойла.

— Ещё по одной? — тут же спросил Михась.

— Давай, — согласился Витёк. — Уж больно стопочки твои махонькие, из таких только воробьям пить.

Михась довольно хохотнул, разливая ещё по одной дозе похмельного лекарства:

— Зато бутылка не сразу заканчивается. Согласись, Витёк, всегда приятно сознавать, что ещё что-то осталось...

Рекс внимательно следил за выпивающими и балагуриющими охотниками. Понимая, что они теперь не оставят его в покое, лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Стоило вожакам спустить с поводка заплёбывающуюся лаем собаку — и ему придёт конец. Не от лайки, конечно, а от гулко бухающих огнём палок в руках преследователей. Судя по всему, выход был только один — бежать! Но куда, если лайка легко найдёт его по следу и сделает лёгкой добычей охотников? Да и в сосняке, что позади его, он будет виден как на ладони. Стреляй — не хочу! Можно было бы попробовать скрыться в густом осиннике, но как добраться до него, если путь к нему преграждён вожаками? Ярость вскипела в груди Рекса. Но он не дал ей замутить рассудок. Взвесив всё, пёс принял решение, настолько неожиданное и рискованное, что на долгие годы стал героем охотничьих и рыбацких баек, рассказываемых у костра.

Дождавшись, когда вожаки в очередной раз

выпили и закурили, с наслаждением затягиваясь вонючим дымом и опустив к земле дулом вниз ружья, Рекс молнией метнулся из своего укрытия в их сторону. Целью его стремительной атаки была Буся. Сразу свалив собаку с ног ударом плеча, Рекс, не мешкая ни секунды, рванул клыками её шею и тут же нырнул в спасительную тень осинника с другой стороны «охотников на привале». Гневные крики и треск выстрелов позади него прозвучали для Рекса музыкой свободы. Чёрта с два кто поймает его теперь!

Рекса никто не преследовал. Михась стоял на коленях перед Бусей, приподнимал её голову и чуть не плакал. Из разодранной артерии собаки толчками выплёскивалась на жёлтую хвою алая кровь. Витёк и Мыкола топтались рядом мрачнее тучи. Понимали, что Бусю уже не спасти. Дождавшись, когда её глаза заволокла мутная поволока, тронули за плечо приятеля, протянули ему до краёв наполненную стопку.

— Выпей, Михась! — не то сказал, не то приказал Мыкола.

Михась одним глотком опорожнил посудину и жалобно посмотрел на него:

— Как же так, Мыкола?! Она ж со мной три года уже...

— Ничего-ничего! — похлопал его по плечу Витёк. — Найдём мы эту гниду! Лично ему шкуру спущу и у себя на стене повешу!

Из дневника Петровича:

«У кого что болит, тот о том и говорит! И пишет. Вот и я никак не могу отделаться от мыслей о Рексе. Беда какая-то с ним. А тут ещё Виталья позвонил, сказал, что нашёл в почтовом ящике штуку баксов и записку: «Это за вашего сбежавшего пса от Генерала. Не ищите его больше». Вроде как купил кто-то Рекса. Чёрт! Кому и для чего он понадобился?»

Когда Михась с Мыколой и Витьком вернулись в село, сборище возле магазина после их рассказа загудело как встревоженный медведь улей. Наглость бродячего пса, разорвавшего горло Бусе на глазах трёх вооружённых ружьями мужиков, поражала. Такого нельзя было спускать ни при каких условиях. Плеснули керосину в костёр праведного мужицкого гнева и бабы.

— С одним каким-то паршивым псом не справились!

— Вам не на охоту ходить, а по пустым бутылкам палить!

— А гонору-то было, гонору!

— Уж мы-то, да сразу, да не сбежать ему от нас...

— Одно слово — пустобрёхи!

Горе-охотники мрачнели лицами и скрипели зубами. Но возразить было нечего. Действительно, выследили пса, видели его рядом, а он их сделал, как сопливых пацанов. И пёс знает, чем бы кончилась эта словесная экзекуция, но прервал её большой чёрный джип, непонятно как заруливший к сельскому магазинчику. Вышедший из него детина в модном сером костюме перенаправил на себя внимание рассерженных женщин.

— О чём галдим, бабоньки? — с улыбкой спросил он их. — Никак, провинились мужики в чём?

— А твоё какое дело? — зло ответил Мыкола.

— Ехал куда-то, вот и ехай! Не суйся, куда не просят.

— Уж больно ты грозен, батя! — усмехнулся незнакомец. — Может, у меня дело к вам есть.

— Ну, и говори по делу, а зубы скалить не хрен! — встрял в разговор Витёк, расправляя свои широкие плечи.

— Ой-ой-ой! Ты погляди, какие страшные наши мужички! — подначила оплошавших охотников стервозная Варвара. — Всемером одного не боятся! А сами одного кобеля не в состоянии подстрелить!

Детина с любопытством глянул на неё:

— Это ж какого кобеля? Не мужа твоего часом?

— А я и не замужем вовсе, — улыбнулась ему Варька. — Меня Варварой зовут, а тебя?

— А я Паша.

— Павел, значит! А по отчеству?

— Просто Паша. Без всяких отчеств. Так какого кобеля стрелять вы задумали?

— Да повадился тут один из деревни собак таскать, — потеряла к собеседнику интерес Варька, поняв, что не прельстился детинушка её прелестями. — Житья от него никакого нету. А эти, — кивок в сторону Витька с приятелями, — хвастались, что прибьют его, да только вернулись с полными штанами от страха.

— Но-но! — вскинулся Михась. — Ты, Варька, говори, да не заговаривайся! А не то...

— Что — не то? — двинулась на него Варвара. — С бабами воевать много ума не надо! А ты попробуй защити их от дворняг приبلудных!

И пошло-поехало по новому кругу. От крика и визга взбешённых сельчанок аж уши закладывало. В этом нестройном оре и скандале тонули жалкие попытки Витька оправдаться:

— Да не дворняга этот пёс! Умный и людей совсем не боится. Овчарка это, да не простая, а немецкая...

Подъехавший на джипе детина при этих словах Витька насторожился и попытался о чём-то спросить его. Но где ему было перекричать не на шутку разошедшихся дамочек. Тогда он, не мудрствуя лукаво, вытащил из подмышки чёрный пистолет и пальнул в воздух. Шум сразу прекратился, будто кто-то магнитофон вырубил.

— Всё, милые дамы! — крикнул Паша. — Концерт по заявкам радиослушателей закончился. Бегите по своим избам, пока я добрый! А вы останьтесь пока!

Последние слова относились к Витьку, Михасю и Мыколе, которые при звуке выстрела вздрогнули от неожиданности, но прикидывали сейчас, как бы дотянуться до своих стволов, прислонённых к крылечку.

— Даже не думайте! — улыбнулся Паша, заметивший их взгляды. — И не переживайте, я не по ваши души пришёл. Говорил же, дело у меня к вам!

С этими словами детинушка спрятал пистолет обратно в наплечную кобуру под пиджаком, шагнул к мужикам и протянул руку для знакомства:

— Павел Максимович!

— Мыкола Игнатьевич, — с достоинством ответил потомок казаков. — Запрудный!

Витёк и Михась тоже обменялись рукопожатием с городским приезжим, но обошлись без отчеств и фамилий. «Нечего тут церемонии разводить! — красноречиво говорил их взгляд. — Не мы к тебе на поклон пришли, а ты к нам. Так-то, Максимович!»

— Значит, так, мужики! — сразу взял быка за рога Паша, отведя троицу приятелей подальше от магазина. — Как я понял, вы дикого пса пытались подстрелить на охоте. Расскажите подробнее.

— А тебе зачем? — подозрительно уставился на него Михась.

Вместо ответа Паша вынул из кармана тысячную купюру и протянул ему:

— Это за рассказ аванс. Если интересным будет, получите в пять раз больше.

Михась схватил деньги и кивнул друзьям:

— Ну, вы давайте начинайте рассказывать, а я сейчас...

И потрусил к магазину. Когда вернулся с пакетом, полным баночек пива «Балтика», Мыкола как раз рассказывал о том, как вырвался на свободу практически загнанный в угол Рекс. С его слов выходило, что это был и не пёс даже, а бестия, вырвавшаяся по недоразумению из ада. И то, что он ограничился только Бусей и не загрыз охотников, просто удача, помноженная на решительность и смелость Мыколы и его приятелей.

Отхлебнув пивка, принесённого Михасем, Мыкола собрался было продолжить рассказ, но Паша остановил его выставленной вперёд ладонью:

— Хватит. Лучше скажите, какой породы был пёс?

— Волкопёс! — не задумываясь, ответил Михась. — Помесь волка и собаки. Точно вам говорю! В холке сантиметров восемьдесят и весит не меньше половины центнера.

— Не городи фигни! — махнул на него рукой Витёк. — Немецкая овчарка это. Кобель. Я таких в армии насмотрелся...

— А чего, собаки тоже в десанте служат? — ехидно спросил его Михась.

— Недалеко от нас база спецназа была, — неохотно пояснил Витёк. — Так у них с десяток немцев было, против террористов их натаскивали. Так они и с парашютом прыгали даже. Не хотел бы я с ними без оружия встретиться. Да и с оружием тоже...

Паша помолчал, переваривая услышанное. Потом спросил напрямик:

— Мужики, заработать хотите?

— Кто ж не хочет? — ухмыльнулся Михась. — А чего делать и за сколько?

— Нужно вашего лесного пса поймать. И доставить мне в целости и сохранности, не подраненного и не покалеченного.

— Фью-ю! — присвистнул Витёк. — Да как же

его поймать, если мы из ружья не смогли его достать? Капканы разве расставить... Но тогда ему лапы точно перебьёт!

— И люди по лесу ходят, — добавил Мыкола. — Не дай бог, какой-нибудь рыбак покалечится, всю жизнь на его лечение работать будем. А по-другому пёс в руки живьём не даётся, это точно!

Паша вынул из кармана перетянутую обычной аптечной резинкой пачку тысячных купюр и молча повертел в руках. Мужики, как заворожённые, следили за её верчением. Выждав паузу, Паша опять спрятал деньги и сказал:

— Эти деньги будут ваши, если выполните задание.

Мужики переглянулись. Деньги по сельским меркам немалые, но и задача непосильная. Как за неё взяться?

— Может, сетью? — неуверенно спросил Михась.

— Он тебе карась, что ли? — буркнул Мыкола. — Где ты сети поставишь?

— А если привадой попробовать его в ловушку заманить? — предложил Витёк.

— Не, не получится, — покачал головой Мыкола. — Умён он слишком.

— А чо ты всё нет да нет! — взъярился Михась. — Предложи сам что-нить!

Мыкола присосался к своей банке «Балтики», кинул пустую тару через плечо в траву и веско произнёс:

— Тут только один способ есть. Видали по телеку, как наш президент тигрицу усыпил в уссурийской тайге? Нам бы такие ружья. Сможешь их достать, Павел Максимович?

— К вечеру привезут вам инъекторы, — уверенно кивнул головой Паша. — С оптическим прицелом. Только помните: сроку у вас три дня.

— А не маловато будет? Пёс-то не простой... — усомнился Мыкола.

— Три дня! — весомо повторил Павел и добавил: — Если уложитесь в срок, гонорар увеличится на пятьдесят процентов.

— Аванс не помешал бы, — буркнул Витёк между глотками пива.

Павел усмехнулся и отсчитал мужикам пять тысячных бумажек:

— Только не нажритесь, а то какие из вас охотники завтра будут...

— Не бойсь, мы меру знаем! — заверил его Михась и снова побежал в магазин.

Из дневника Петровича:

«Завтра выписывают. До чего надоела больница, спасу нет! Даже читать уже не хочется. Еле-еле «Зов предков» дочитал. Не зря. Лучшие я стал понимать того же Рекса. Как там у Лондона?.. «Верность и преданность — черты, рождающиеся под сенью мирных очагов, были ему свойственны, но наряду с этим таились в нем жестокость и коварство дикаря». Как точно сказано! Этот дикарь разбужен в Рексе... Сможет ли он снова вернуться «под сень мирных очагов»? Не знаю. Но я всё же попробую помочь ему в этом».

Из больницы Петровича забрал Виталий. Не слушая возражений, повёз к себе на дачу.

— ...Ты пойми, чудак! — говорил он, лихо гоня по загородной трассе. — У меня и банька истоплена! И для шашлыка всё готово. А у тебя дома шаром покати! Так что выпаришь всю больничную вонь, покушаем, выпьем, а завтра я тебя домой отвезу.

Петрович молчал, хмурил брови, отвернувшись к боковому окну. Виталий почувствовал состояние приятеля и сменил весёлый тон на деловой:

— А ещё, Петрович, разговор у нас с Люба-ней к тебе серьёзный есть!

— И о чём говорить будем? — повернулся к нему Петрович.

— О Рексе, — коротко ответил Виталий.

И больше из него не удалось вытянуть ни слова.

— Потом, всё потом! — отвечал он на все вопросы. — Сначала банька, шашлык, а потом и разговорам черёд придёт.

А ведь прав оказался Виталя, на все сто прав! Русская банька с ядрёным парком и свежим берёзовым веником не только больничный дух и остатки хвори из организма выбила, но и настроение улучшила, хандру прогнала. Распаренный Петрович сидел за столом, накрытым во дворе по случаю хорошей погоды, и поминутно вытирал пот со лба полотенцем, наброшенным на шею:

— Ну, уважил, Виталя! Как будто заново родился.

— А я что говорил! — отвечал довольный приятель, раскладывая по тарелкам нарезанные помидорчики, огурчики, редиску, зелёный лучок — всё своё, не магазинное. — Сейчас ещё шашлык дойдёт — и ваше красота будет!

И вроде всё было как прежде. Умопомрачительный летний вечер, запах шашлыка, банька, стопка водочки под солёный огурчик «за пар» и для разгону. Но что-то мешало Петровичу в полной мере насладиться всем этим. И не только постоянные мысли о пропавшем Рексе. Потом дошло: Джуна с её щенятами, копошащимися возле будки. Сразу по приезде Петровича Джуна радостно кинулась к нему, ткнулась мокрым чёрным носом в его ладонь. Он ласково потрепал её за уши, похлопал по холке — и всё! К детёнышам даже не подошёл. Ревновал Петрович, сильно ревновал. Хотя всё правильно, жизнь продолжается. Чего он ждал? Плача Ярославны? Тоски овдовевшей княжны? Век собак короток, и ни к чему им расходовать годы на поминования усопших. Гораздо правильнее потратить их на то, что принесёт радость всем. Пять поскуливающих пушистых комочков — тому подтверждение. А потому ну её, грусть-тоску!

— Виталья, давай ещё по одной, пока шашлык дозревает!

— Давай! — охотно поддержал приятель. — Коньячку? Или ещё по водочке вдарим?

— И по пиву тоже, сын мой! — засмеявшись, напомнил старый анекдот Петрович.

Воздав должное ужину, к которому Люба, хлопотавшая в доме, добавила новинку — сёмгу, запеченную в духовке с картошкой и майонезно-сырным соусом, пришло время поговорить. Виталий, разливающий по рюмкам коньячок, в очередной раз наполнил их и самым серьёзным тоном произнёс:

— А теперь слово предоставляется заместителю начальника департамента имущественных и земельных отношений мэрии Любове Андреевне Матвеевой.

— Не ёрничай, Матвеев! — поморщилась Люба.

— Да я, блин...

— Помолчи! В общем, Дима, разговор есть серьёзный по поводу Рекса. Только ты не расстраивайся, ладно?

— А что с ним? — встрепенулся слегка разомлевший от хорошей еды и коньяка Петрович.

— Пока ничего, жив-здоров, — успокоила его Люба. — Только, Самойлов, пообещай мне, что не будешь на рожон лезть и в драку кидаться. А то знаю я тебя...

— Люба, говори толком, не ходи вокруг да около, — всерьёз обеспокоился Петрович. — Что с Рексом?

— Пообещай, что ничего не будешь предпринимать сам, не посоветовавшись с нами.

— Да ладно тебе! Ну, обещаю!

Люба побарабанила пальцами по столу, что сразу выдало её состояние — напряжённое, тревожное. Она внимательно посмотрела на Петровича, словно решала, стоит ли его посвящать в какую-то тайну. Виталий положил ей руку на плечо, сжал тихонько:

— Надо, Любаша! Димка должен знать...

Люба вздохнула и начала рассказ:

— В общем, дело такое...

— Би-бип! — резкий автомобильный сигнал у ворот прервал едва начавшуюся беседу.

— Кого это там чёрт принёс, блин! — хозяин выбрался из-за стола и поспешил к калитке.

Люба замолчала, и Петрович не торопил её. Что-то засвербело, заныло в его душе, предвещая русский фунт лиха, а может, и пуд, кто знает?

— О, я смотрю, тут у вас пир горой! — шедший от ворот Айболит в сопровождении Виталия радостно потирал свои пухлые руки. — То-то тянуло меня заскочить к вам, благо, мимо проезжал.

— Здорово, Михаил Львович! Давненько не видались, — Петрович встал из-за стола и крепко пожал протянутую руку собачьего доктора. — Какими судьбами?

— Да вот Джуну заглянул проведать и потомство её, — пояснил Айболит. — Им ведь скоро прививаться, так что лишний догляд не помешает.

— А может, по рюмочке? Для остроты зрения? — радостно вклинился в беседу Виталий, уже успевший добавить на стол и рюмку, и вилку с тарелкой.

— Почему нет? — пожал плечами ветеринар. — Как писали римляне на посуде и надгробиях, а они знали толк в жизни и смерти, edite, bibite, post mortem nulla voluptas! Ешьте, пейте, после смерти нет наслаждений!

— Во, блин! За это и выпьем!

— Точно! — согласился Петрович.

Осмотр потомства Джуны не занял у Айболита много времени. Уже через десяток минут он присоединился к компании. Незаметно для хозяев пожав руку Петровича под столом, шепнул ему на ухо:

— От твоего Рекса щенки получше были, более жизнелюбивые!

— Э-э! — вскинулся Виталий. — Где больше двух, там говорят вслух! Чего вы там секретничаете, блин!?

— У меня тут новый тост нарисовался, — ничуть не смутился доктор. — Разливай, душа просит!

— По-латыни, небось, опять? — улыбнулась Люба.

— А як же, красуня! — перешёл на украинский Айболит и по памяти процитировал великого Кобзаря: «Нічого кращого немає, як тая мати молодая з своїм дитятчком малим». За Джуноу с её дитятками малыми!

— Полиглот, блин! — восхитился Виталий. — Может, и по-еврейски скажешь чего?

— Нет проблем! — Айболит на пяток секунд задумался и выдал: — Найом кацар вэ-хамлаха мэруба!

— Это по-каковски? — спросил смеющийся Петрович.

— Иврит, други моя!

— А по-русски?

— А по-нашенски это можно перевести как «делу — время, а потехе — час»!

— Очень кстати! — заметила Люба. — Разговор у нас серьёзный есть...

— Мне уйти? — тут же забеспокоился Айболит, аппетитно хрустящий перьями зелёного лука, которыми заедал шашлык.

— Упаси боже! — замахал руками Виталий. — У нас от тебя секретов нет. Тем более что говорить будем о твоём крестнике.

— О Рексе? — отложил вилку в сторону и вытер салфеткой губы доктор.

— О нём, Михаил Львович! — кивнула Люба. — Дело в том...

Минут пятнадцать длился её рассказ. Мужчины слушали молча, забыв про еду и выпивку. Уже очень интересная картинка вырисовывалась.

Со слов Любы выходило, что Рекс действительно попал в беду. Им заинтересовался сам Генерал. Именно так, с большой буквы. Его хоро-

шо знали в области чиновники, депутаты и криминальные авторитеты. Он инвестировал огромные суммы в строительство, занимался благотворительностью и выборами, крышевал теневую экономику. Не всю, конечно, но значительную часть. Сфера его интересов была столь обширна, что масштабы её знал только он сам. А связи имел на столь высоком уровне, что у губернатора сваливалась с головы кепка-лужковка, когда он пытался рассмотреть их. А ещё была у Генерала страсть — бои без правил и собачьи бои. Устраивал их он у себя на даче для особо приближённых гостей, в том числе из Белокаменной. Не ради денег, для развлечения. Поговаривали даже, что пару раз бойцы калечили друг друга. А собаки всегда дрались до смерти одного из противников. Никаких последствий для Генерала это не повлекло. Его юристы знали толк в составлении договоров с выходящими на бой накачанными юнцами и спортсменами. Собаки же всегда принадлежали самому Генералу, и предъявить претензии за их смерть было некому. Зоозащитники попытались как-то поднять бучу против него, но она практически сразу улеглась, чему, как говорят, очень способствовали энные суммы, пожертвованные Генералом на собачьи приюты. Где доллары осели в конечном итоге — дело тёмное, но шум прекратился.

— А он что, в самом деле генерал? — с интересом прервал затянувшуюся паузу Михаил Львович.

— Нет, на самом деле подполковник запаса, — ответил вместо Любы Петрович. — Отправлен в отставку по-тихому после пожара на одном из армейских складов. Хотя поговаривали, что срок ему светил немалый... Видать, очень мохнатая лапа у него в Москве есть.

— А ты что, знаком с ним? — искренне удивилась Люба.

— Бог миловал, — усмехнулся Петрович. — Пару лет назад заинтересовался я им в связи с одним журналистским расследованием, накопал кой-чего. Но редактор мне сразу сказал, чтобы не совался... В общем, пришлось свернуться. Но сейчас не об этом, скажи, Люба, почему ты думаешь, что Генералу Рекс понадобился?

— Ты не забыл записку? — напомнила Люба. — Там же ясно было написано: «Это за вашего сбегавшего пса от Генерала. Не ищите его больше».

А позавчера ко мне на работу один молодой человек заглянул, он типа бухгалтер, и ему нужна расписка, что мы тысячу долларов получили и претензий не имеем.

— Ты мне ничего об этом не говорила, — встрепенулся Виталий. — Ты что, подписала её?

— А что мне делать оставалось? — огрызнулась Люба. — Если рядом с этим «бухгалтером» бугай стоял, по виду настоящий бандит. Испугалась я.

— Да ты... ты... понимаешь, что наделала, блин?!

— Остынь! — осадил возмущённого Виталия Петрович. — Что ты на неё взъелся? Дело сейчас не в бумажках, их бы Генерал по-любому получил, а в том, что делать теперь? Где Рекс сейчас может быть?

— Подумаешь, загадка! — скривил губы в презрительной усмешке Айболит. — Если он точно у Генерала, то может быть только в одном месте...

— Где? — чуть не одновременно спросили Виталия с Любой.

— На Ивановом мысе!

— Постой, это тот самый мыс, о котором я думаю? — спросил Петрович.

— Он самый!

— А ты откуда знаешь, что Рекс там?

— Эх, Дима! Ты не забыл, кем я работаю? — невесело хмыкнул Айболит. — Кто-то ведь должен собак после боёв лечить...

— И ты... ты... — чуть не задохнулся от возмущения Виталий.

— А что я? *Rescunia non olet*... Это ещё римский император Веспасиан сказал.

— Деньги не пахнут, — задумчиво перевёл Петрович. — А что, хозяйюшка, может, угостишь кофеёчком, а то уже извилины заплелись.

— Хорошо! — поднялась из-за стола Люба. — Михаил Львович, ты будешь кофе?

— На меня тоже свари, — виновато попросил Виталий, негодующий на себя за недавнюю вспышку раздражения.

— Конечно, Матвеев! — улыбнулась ему жена. — С молоком и сахаром. А то я твоих вкусов не знаю.

Когда Люба скрылась в доме, повеселевший Виталий тут же потянулся к бутылке с коньяком, а Петрович поманил всех рукой, чтобы наклонились к нему поближе:

— Есть у меня одна мысль, только Любе о

ней ни слова. Встречаемся завтра вечером у меня. Часов в шесть. Ты, Виталия, Любе чего-нибудь наплети, чтобы не догадалась. Михаил Львович, ты с нами?

— Куда ж я денусь?! — ответил собачий эскулап. — Это ведь я Рексу судьбу такую предсказал... Накаркал, короче...

— Смелым судьба помогает! — поднял свою рюмку Петрович.

— *Audaces fortuna juvat!* — поморщился Айболит. — Дима, если уж цитируешь Вергилия, будь ласка делать это на латыни! Хотя латынь — это наша сфера, докторская! Не пытайся меня с ней спихнуть! С иврита, кстати, тоже!

Смеясь, мужчины звонко чокнулись рюмками, скрепляя свою тайную договорённость.

Из дневника Петровича:

«Собаки всегда готовы броситься в бой за своего хозяина и друга. Это доказал мой Рекс тогда в сквере... А мы готовы к такому самопожертвованию? Нет, не мы, а я лично? Готов ли без сомнений и раздумий, без взвешивания всех «за» и «против» просто вступить за друга, даже в практически безнадёжной ситуации? Хочется верить, что да, смогу...»

Рекса подвела самонадеянность. Волк покинул бы своё «засвеченное» логово сразу же. Коварство и хитрость людей, их умение обкладывать флажками потерявшего осторожность зверя были ему хорошо известны. Но Рекс не был волком. Задрав собаку на глазах охотников, дав понять им, что готов сражаться за свою свободу и жизнь, он посчитал, что теперь ему ничто не угрожает. Он стал настоящим вожаком, а все остальные — его законная добыча, несмотря на то что умеют заставлять палки огненно грохотать и хлестать по веткам снопами дробы. О, если бы сойтись с кем-нибудь из раскоронованных вожаков в смертельной схватке один на один! Доказать бы ему, что он ничего не стоит без своих неживых предметов, которые умеет заставить двигаться и причинять боль. Рекс добьётся этого! Он вынудит их пойти на такую схватку. Когда и где это произойдёт, Рекс не знал. Но он уже научился ждать, знал, что не дрогнет и не отступит, когда пробьёт такой час.

И он пробил так скоро. Его разбудили утром

крики, стук палок по деревьям и злобный лай собак. С трёх сторон к его логову шли люди. Принять бой с такой оравой значило проиграть его. А вот перехитрить обнаглевших вожаков, подобраться к ним с тыла и напасть — это было вполне реально. Бесшумно выскользнув из обжитой норы в обломках взорванного в незапамятные времена дота, Рекс устремился в осинник, в ту сторону, с которой его пока никто не обложил... Откуда было ему знать, что тем самым он сам стал выполнять хитроумный план, разработанный Михасем, Витьком и Мыколой...

Предложенные Пашей деньги взбодрили троиху не хуже волшебного пендаля жены, без которого у нас мало какие дела делаются в деревне. Мужики даже напиваться не стали: немножко приняли на грудь — и шабаш. Зато продумали всё до мелочей. Правда, была одна неувязочка. Очень Михась сомневался, что пёс прячется в том же месте, где его нашли:

— Ушёл он, зуб даю, удрал! Чего ему там делать? Знает же, что здесь его в первую очередь искать будут.

Мыкола чесал пятернёй давно не стриженный затылок, вздыхал и вслух соглашался:

— Так, всё так! Но есть маленький шанс, что не ушёл он, прячется где-то неподалёку. У нас лес такой, что сразу новое логово не отыскать. Исхожен вдоль и поперёк. Поэтому начнём здесь, а там видно будет.

Витёк, внимательно изучающий винтовку Pneu Dart Model 389 Rifle, привезённую охотникам по поручению Павла в количестве трёх штук, согласно кивнул:

— Лады! Мужики, а сколько такой винторез стоять может?

Мыкола взял свой ствол в руки, побаюкал, как младенца, и веско выдал:

— Да уж поболее, чем нам за охоту пообещали.

— Слышь! — встрепнулся Михась. — А может, нам того... загнать стволы — и ну на фиг эту охоту? А Пашке этому скажем, что они в болоте утопли.

— Дурак ты! — хмыкнул Витёк. — С такими серьёзными людьми, как этот Паша, шутить не стоит. А то сам в болоте утопнешь, и концов никто не найдёт.

— Эт верно! — нехотя согласился Михась. — Но хоть одну-то мы сможем «потерять»?

— Я тебе потеряю! — поднёс к его носу внушительный кулак Витёк. — Не пытайся откусить от пирога больше, чем тебе положено, а то пасть порвётся!

— Да понял я, понял! — отодвинул ладонью от своего лица подальше десантную кувалду Михась. — А кого загонщиками возьмём?

— Пацанов, — коротко бросил Витёк. — Встречаемся на опушке в семь.

Эти-то пацаны, нанятые Витьком за обещание выдать каждому по две банки пива и пачке сигарет, и шумели сейчас, обложив Рекса с трёх сторон. Чтобы заглушить мандраж перед нагнавшим страху на округу псом, вели на поводках своих кабысдохов. Толку в серьёзной драке от них было мало, но в своре они чувствовали свою силу, хрипели, рычали и лаляли, как заправские сторожевые псы.

Бесшумно скользя в густом осиннике к ручью, Рекс глубоко втягивал носом воздух, чтобы не напороться на кого-то из охотников. И уловил-таки, учуял впереди засаду. Два вожака на расстоянии метров десяти друг от друга притаились в кустах. В том, что они ждут именно его, Рекса, сомнений не было. Он узнал запах. Это были те самые охотники, что пытались достать его вчера. Что ж, тем лучше! Обойти их и напасть сзади труда не составляло. Загонщики были ещё далеко, а лес возле своего логова Рекс изучил досконально. Беззвучно, не ворохнув ни одну веточку, Рекс скользнул в знакомый овражек и начал свою охоту. Через пять минут он был уже метрах в пяти позади от лежащего на земле Михася, целящегося винтовкой в ту сторону, откуда должен был появиться Рекс, и даже не подозревавшего о том, что сам стал дичью. Рекс припал к земле и пополз к ненавистному вожаку. Он сам не знал, отчего испытывал такую вражду к нему. Просто вся накопившаяся за время скитаний в городе и лесу обида на род людской вдруг сконцентрировалась на незащитной спине охотника. Вся боль утрат, предательства, отверженной любви и преданности трансформировалась в ярость, которая требовала выхода. Подобравшись на расстояние прыжка к Михасю, Рекс медленно приподнялся, напружинив лапы для смертельного броска. В этот момент Михась, словно почувствовав что-то, повернулся к нему. Рекс за-

метил ужас, заплескавшийся в его глазах, и ничем не защищённое горло. Ещё миг...

— Вжик!

Дротик с белым оперением пробил шкуру на спине Рекса. Он мгновенно развернулся в сторону новой опасности, но мутная волна накатилась на его сознание, лапы подкосились и только что готовое к схватке тело тяжело завалилось на ствол молоденькой берёзки, пригнув его до самой земли.

— Уф-ф! — тяжело выдохнул Михась, внезапно осознавший, что смерть прошла совсем рядом.

— Штаны не обмочил? — долетел до него весёлый голос Витька.

Михась оторвал взгляд от поверженного Рекса и перевёл его на приятеля, улыбающегося ему из лап густой ели на высоте трёх метров. И что-то понял!

— Ты! — вскочил он в приступе праведного гнева. — Ты! Гад! Меня как приманку выставил!

— Ну почему же только тебя? — удивился спустившийся на землю Витёк. — Вас обоих!

— Ты... ты... — чуть не задохнулся от злости Михась. — Да я тебя...

Михась попытался схватить лежащую на земле пневматику и замер, едва дотронувшись до неё. Краем глаза он заметил, что Витёк уже держит его на прицеле своего винтореза.

— Кончай истерику! — прозвучал тихий, но полный решимости голос. — И оружие не лапай, а то ляжешь рядом с этим. За мной не заржавеет, ты знаешь.

Михась выпрямился, оставив винтовку на земле. Он знал. И рисковать никак не хотел.

— Мыкола, ты где? — крикнул Витёк, опуская ствол. — Тоже перетрухал, что ли?

— Да здесь я, — откликнулся Мыкола, выбираясь из куста справа от Витька.

По тому, как он закинул на плечо ремень отнюдь не пневматического охотничьего ружья, по его напряжённому взгляду было ясно, что стычка Витька и Михасы прошла на его глазах. Что он просто ждал, чем всё кончится. При этом готов был поставить и своё дробное свинцовое многоточие в конце разборки.

Витёк всё понял и криво усмехнулся:

— Перетрухал, значит!

— Неа, — отрицательно мотнул головой Мыкола. — Перестраховался.

— Лады! — снова ухмыльнулся Витёк. — Давайте пеленать этого зверя и Паше звонить. А потом делить добычу будем.

— А может, того... по глоточку? — спросил чуточку отошедший от страха Михась, вытаскивая из-за пазухи початую бутылку водки.

— Так и знал! — возмущённо крикнул Витёк. — Ну кто ж в засаде водяру хлещет? Вот он и учуял тебя за версту!

— Ну, может, всё-таки... — виновато пробормотал Михась.

— Нет! — оборвал его Мыкола. — Витёк правильно сказал. Вяжем этого овчара, потом звоним, рассчитываемся с пацанами... Они, кстати, уже рядом, а пить будем вечером, когда закончится всё.

Михась вздохнул обречённо, хотел было спрятать бутылку обратно, но, покосившись на приятелей, которые уже стали вязать припасённой верёвкой пасть и лапы Рекса, быстро свинтил алюминиевую крышечку с посуды и внаглую высосал из неё граммов двести беленькой.

Из дневника Петровича:

«Говорят, что люди умнее собак. Нет, не умнее. Коварнее — да. Хитрее. Злее. Безжалостнее. Даже наглее. Но не умнее. Ведь ум — это не просто уметь решать формулы, философствовать, побеждать всех и вся и строить космические корабли. Это ещё и умение не разрушать всё вокруг себя — природу, дружбу, любовь и всё то, что сами с таким трудом создали. Если этого нет, значит, человек безумен. И никакое знание математики или философии не излечит его от сумасшествия».

Весь следующий день после разговора на даче Виталия Петрович провёл за компьютером. Колотил по клавишам с таким остервенением, словно пытался вбить их в клавиатуру. Прерывал своё занятие только для того, чтобы сварить крепкий кофе. Одновременно звонил по мобильнику, уточнял детали, просил, требовал дополнительную информацию. Статья была закончена за полчаса до прихода приятелей. Зажужжал принтер, распечатав её в трёх экземплярах.

Ровно в шесть вечера тренькнул дверной звонок.

— Любе-то чего наплёл? — спросил вошедшего Виталия хозяин, здороваясь с ним за руку.

— Да ничего, блин! — пожал плечами приятель.

— Сказал, что на собрание собачьего клуба «Дружок» поехал.

— Поверила?

— А то! — усмехнулся Виталий. — Да ей, если честно, и не до того сегодня. Какое-то важное начальство из области прибыло, совещаются, как нам жизнь улучшить!

— Ну, это легко! — встрял в разговор вошедший в квартиру вслед за Виталием Михаил Львович. — Чтобы нашу жизнь улучшить, достаточно знать: *virtus sola homines beatos reddit*. Только честность делает людей счастливыми.

— Чья честность? — поддел его Виталий.

— Чиновников.

— Вот чем мне всегда фантастика нравилась, — засмеялся Петрович. — Так это своей правдоподобностью. Разумом понимаешь, что такого быть не может, а всё равно веришь, что такое может быть.

— Ладно, блин... фантазёры, — хлопнул его по плечу Виталий. — Давайте ближе к делу, а то у меня времени не особо много.

— Это плохо! — вмиг посерьёзней Петрович. — Дело в том, мужики, что есть идея...

Виталий и Айболит, внимательно выслушав Петровича и прочитав его статью, нахмурились. План, изложенный Петровичем, больше походил на авантюру. Ему, конечно, удалось нарыть компромат на Генерала, но...

— А ты уверен, что всё это правда? — без обиняков спросил Марк Львович.

— Да, — утвердительно кивнул Петрович. — Знакомые — люди в погонах! — помогли. Ну, и у меня кое-что было.

— Но если это так, почему Генерал не на нарах? — возмутился Виталий.

— А то ты не знаешь? — усмехнулся Петрович. — Мало знать, надо ещё иметь доказательства, иначе любой суд пошлёт тебя куда подальше.

— То есть доказательств у тебя нет? — уточнил Айболит.

Молчание было ответом. Но вполне понятным.

— Только *contra factum non datur argumentum*, — продолжил ветврач и сам же перевёл: только против фактов нет аргументов. Сдаётся мне,

Дмитрий, Генерал тебе такие аргументы предоставит, что костей не соберёшь. Оно тебе надо?

Петрович вскочил и заходил по комнате. Посмотрел зачем-то в окно, затем резко повернулся к собеседникам:

— Ну, не могу я! Понимаете, не могу оставить Рекса в беде. Наверняка его на бой готовят.

— Ну и что? — спокойно возразил Айболит. — Это ведь совсем не тот Рекс, которого ты помнишь, Дмитрий! Он ведь убежал от тебя, разве нет? Значит, не нужен ты ему. Он бродяга и разбойник, понимаешь? Он одиночка и ни в ком не нуждается. В тебе тоже! Неужели это до тебя не доходит?

Виталий молчал, но по его лицу было видно, что он понимает и принимает аргументы Айболита. Петрович всё-таки уточнил у него:

— Ты тоже так думаешь?

Приятель вздохнул и утвердительно кивнул:

— Да, блин! Хочешь, я тебе из нового помёта Джуны самого лучшего щенка отдам? Просто так, в память о Рексе.

— Да пошёл ты! — зло ответил Петрович. — Что ты его раньше времени похоронил? Не хотите — проваливайте! Сам справлюсь.

Виталий и Айболит встретились взглядами. Понятно было, что Петрович закусил удила и теперь его ничто не остановит. Виталий хмыкнул и сказал:

— Дурак! Кто ж тебя одного отпустит. Лично я с тобой.

Айболит побарабанил пальцами по столу и пробормотал себе под нос:

— *Fais ce que dois, advienne, que pourra.*

— Чего? — не понял его Виталий

— Делай что должно, и будь что будет, — мрачно пояснил доктор. — Стыдно не знать эту фразу древнеримского императора Марка Аврелия.

Уже по одному тому, что всегда тактичный Михаил Львович позволил себе такой выпад, было понятно, что творится у него в душе. Но Виталию сейчас тоже было не до душевных терзаний собачьего доктора.

— А ты поучи меня! — рассвирепел он. — Латинист, блин! До тебя хоть доходит, во что мы вляпываемся? Причём без оружия... да и без шансов на успех, блин!

— До меня доходит, — спокойно ответил Айболит. — Извини, если обидел, нервы!

— Ладно, проехали, — пробурчал Виталий.
— Кстати, насчёт «без оружия» ты не прав, — возразил ему Петрович. — Кое-что имеется.

Покопавшись в шкафу, он выложил на стол газовый пистолет «ИЖ-79» в кобуре.

— Ну, ты, блин, даёшь, Петрович! — откровенно в голос заржал Виталий. — Это же вонючка! Ты бы ещё газовый баллончик предложил!

— Чем богаты! — хмыкнул Петрович. — И этот-то у меня завалился случайно. Можешь что-то лучше предложить?

Вместо ответа Виталий распахнул лёгкую куртку и продемонстрировал травматическую «Осу» в кобуре под мышкой.

— Не намного лучше, — оценил вооружённость приятеля Петрович. — Только кошек да собак гонять.

— Много ты понимаешь! — обиделся Виталий. — Вблизи так шарахнет, что мало не покажется!

— Ты сначала подойди вплотную к противнику, — возразил Петрович. — Кстати, если нам это удастся, то мне не понадобится оружие, — и без него вырублю. Да, а с чего это ты «Осу» взял с собой? Вроде как не замыслили никаких боёв...

— А то я тебя не знаю! — съязвил Виталий. — Ты как только сказал там, на даче, что у тебя одна мысль есть, так я сразу всё и понял.

— Понятливый ты наш! И воинственный! — поддел его Петрович. — Брал бы пример с Михаила Львовича. Мирный человек, ничего страшнее шприца в руках не держал. Понимает, что словом иногда решить проблему можно быстрее, чем оружием.

Айболит внимательно посмотрел на него и согласился:

— Да, слово очень часто эффективнее пистолета. Но, знаете, друзья мои, я с собой тоже кое-что захватил.

Виталий и Петрович заинтересованно переглянулись. Очень уж им стало любопытно, что такое мог захватить с собой ветврач. Может, клизму? Или скальпель? Петрович даже не удержался и напрямую спросил доктора об этом.

Айболит поморщился в ответ на глупую шутку и серьёзно сказал:

— У меня в машине лежит «Тигр».

Собеседники замерли, переваривая услышанное. Потом Виталий осторожно спросил:

— Ты серьёзно, Михаил Львович?

— Разумеется.

— А он хоть дрессированный? Нас не сожрёт часом?

Айболит внимательно глянул на него, понял, что тот не шутит, и поднял правую бровь:

— Вы меня не так поняли. Это не живой тигр, а охотничий карабин. Гражданская версия снайперской винтовки Драгунова. Калибр 7,62. Магазин на пять патронов. Может поражать цель на расстоянии до полутора километров. Имеется оптический прицел. Как-то так!

— Бли-ин! — с чувством протянул Виталий. — Да ты не Айболит, а злой и страшный Бармалей! Не ходите, дети, в Африку гулять...

— И на Иванов мыс тоже! — кивнул Петрович.

Михаил Львович почувствовал в кратких репликах приятелей и наступившем затем молчании какое-то непонятное напряжение. Но говорить ничего не стал, решил подождать, пока они сами дозреют до вопросов. Первым задал вопрос Виталий:

— А ответь, мой милый друг Михаил Львович, откуда у тебя, очень мирного человека с гуманитарным образованием, не браконьера и не киллера, столь серьёзное оружие?

Айболит пожал плечами и ответил просто:

— Подарили. Благодарные клиенты презентовали... вместе с охотничьим билетом, кстати.

— И ты теперь зверушек постреливаешь в перерывах между операциями и прочими уколами?

Айболит всерьёз обиделся:

— Что ты такое говоришь, Виталий!? Как у тебя такое в голове даже зародиться могло? Я стреляю в зверей?! Да я скорее себе руку отстрелю!

— Зачем же тебе карабин? — напрямик спросил Петрович.

— Тебе, Дима, отвечу, — ответил Михаил Львович, неприязненно глянув на Виталия. — А этому... инсинуатору ни за что не ответил бы. Во-первых, ружьё — это подарок, а отказываться от подарков — значит, обидеть дарящего. Во-вторых, в какое время мы живём? Правильно, в сложное. Так что для самообороны надо что-то иметь. В-третьих, *si vis pacem, para bellum!*

— Хочешь мира — готовься к войне, — принял ответ Петрович. — Но ты, Михаил Львович, хоть стрелять-то умеешь?

Вместо ответа собачий доктор вытащил из внутреннего кармана небольшую красную кни-

жечку, протянул собеседнику. Петрович раскрыл её и вслух прочитал:

— Министерство спорта Российской Федерации. Удостоверение номер такой-то... Зайцман Мойше Львович является мастером спорта России по пулевой стрельбе. Поздравляю, Михаил Львович!

— Погоди-погоди! — вмешался Виталий. — А при чём здесь какой-то Зайцман? А-а-а...

— Ага! — передразнил его Айболит. — Согласись, Зайцев для доктора зверушек — самая подходящая фамилия. Да и имя Миша тоже. Или вы таки имеете другое мнение на сей счёт?

Виталий с Петровичем переглянулись и весело засмеялись.

— Ну что ты, Михаил Львович!

— Как ты мог такое подумать!

Отсмеявшись, Петрович серьёзно спросил:

— Что ж, я так понимаю, что мой план принимается?

— Так другого-то нет, — пожал плечами Виталий.

— Тогда вперёд? Детали обсудим по дороге.

— Вперёд! — согласился Михаил Львович. — Хотя, если честно, я очень надеюсь на *cedant arma togae*...

— А что это значит? — спросил Виталий.

— Пусть оружие уступит тоге ... — грустно перевёл Айболит.

Из дневника Петровича:

«Жесток, но прав Айболит: Рекс — бандит и разбойник. И во мне не нуждается. А я готов принять его таким, какой он есть? Или это просто блажь, рефлексирующая интеллигентщина во мне, не имеющая ничего общего с тем, что есть на самом деле?»

Рекс тяжело переживал своё поражение в схватке с жожаками. Лежал он в просторной клетке, положив тяжёлую голову на передние лапы, и безучастно смотрел в одну точку. Как так вышло, что он, сильный, смелый, решительный, сумевший выбраться из множества передраг, снова пленён и лишён свободы? Ведь совсем рядом была незащищённая спина Михася, так близок был миг мести за все обиды и предательства, перенесённые страдания и боль. Но Рекс не сдался. Он уже знал, что

судьба всегда даёт шанс тем, кто полон решимости драться за свою свободу. Надо только не дрогнуть в тот момент, когда замаячит впереди надежда обрести желаемое.

Рекс не испытывал к людям, подходящим порой к его тюрьме, сколоченной из толстых досок и забранных с фасада крепкой решёткой, никаких добрых чувств. Домашняя Собака, живущая в Рексе, уже давно не давала о себе знать. Зато Дикий Пёс властвовал в нём безраздельно. Вот и сейчас, когда трое жожаков остановились возле клетки и с любопытством уставились на него, Рекс только глухо заворчал, давая понять им, что не позволит никакого насилия по отношению к себе.

— Хорош! Ох и хорош! — одобрительно сказал Генерал. — Как думаешь, Паша, сможет он одолеть Беркута?

— Трудно сказать, — неопределённо пожал плечами помощник. — Беркут — боец серьёзный.

— Ничего, завтра вечером увидим, кто чего стоит, — ухмыльнулся Генерал. — С утра не кормите его, чтобы злее был.

— Бой будет до победного или...

— Никаких «или»! С ринга уйдёт только один.

— А если...

— Паша, тебе всё разжёвывать надо? — вспылil Генерал. — Это гладиаторский бой, а не посылки с девочками в сауне! Будет так, как я сказал! Понятно?

Рекс не понимал ни слова из разговора жожаков, но уловил, что сейчас решается его судьба. Что же заготовили ему новые тюремщики? Он был готов ко всему, даже к смерти. А что ему терять? От того, что было ему когда-то дорого, остались только воспоминания. Ласковый язык Джуны, тёплые руки Виталия, грустный взгляд и добрый голос Петровича, разломленные по-братски пополам чебуреки Стёпы... Всё осталось в прошлом, и даже вспоминая их, Рекс уже давно не тосковал. Просто помнил — и всё. Воспоминания же разбивались о закаменевшее сердце, как волны о гранитный причал. Только брызги и пена разлетались, не оставляя и следа на камне.

На следующий день Рекс, не получивший с утра еды, ясно понял, что настал момент истины. Он ждал вечера, как ждут хозяина с работы его собраты. Но те выплёскивают на своего друга

потоки любви и преданности, кладут лапы на плечи и лижут шершавым языком лицо. Рекс жаждал иного — возможности рвануть клыками живую плоть и выплеснуть в мир съедавшую его изнутри ненависть. Дикий Пёс бесновался внутри него, радуясь предстоящей схватке.

Когда вплотную к дверям клетки был поставлен тесный ящик, Рекс даже не стал протестовать — безропотно забрался и позволил запереть себя в нём.

— Ишь ты! — удивился один из работников, готовых к тому, что злобного пса придётся водворять в ящик силой. — Всё понимает. Жалко, если его убьют.

— Тише ты, жалостливый! — осадил его шёпотом второй. — Твоё дело телячье — доставить собаку к рингу.

— И то верно, — согласился первый.

Вдвоём они погрузили ящик с Рексом на тележку и покатали её с задворок на просторный двор особняка Генерала. А там уже всё было готово к развлечению: по-купчески щедро накрытый стол с напитками и всякими изысками, среди которых даже чёрная икра казалась бедной родственницей; раскалённый мангал, на котором румянились шашлыки из свинины, баранины и оленины; музыкальный центр, радующий слух песнями незабвенных «битлов», а не современных «киркорофилцев» и, несмотря на то что до заката было ещё далеко, залитая светом прожекторов круглая арена диаметром десять метров. Окружена она была частоколом железных копий высотой не менее трёх метров. Перепрыгнуть или перелезть через него не представлялось возможным. Это сразу понял Рекс, едва его выпустили в ярко освещённый круг. Через аромат свежих опилок и речного песка он уловил чуть слышный запах крови и понял, что его догадка верна — ему снова предстоит схватка. По лапам пробежала нервная дрожь, а шерсть на загривке вздыбилась. Приподнялась верхняя губа, обнажая крепкие зубы, а из горла вырвалось утробное рычание.

— Ну, как тебе, Виктор Павлович, этот зверь? — донёсся до Рекса от стола весёлый голос.

— Да никак, — ответил Генералу густым басом обрюзгший и рано облысевший гость из Москвы. — Обычная псина, коих полно в любом собачьем питомнике.

— Не скажи! — со смехом откликнулся Генерал. — Это Викинг!

— Тот самый? — удивился москвич. — Который Конга без яиц оставил?

— Он собственной персоной!

— Но говорили, что он сбежал...

— От меня не сбежишь, — заносчиво хохотнул хозяин. — Так что тебе предстоит незабываемое зрелище.

— Да что я, собачьих боёв не видел? — махнул рукой столичный гость. — Насмотрелся вдосталь.

— Такого ты ещё не видел, — заверил его Генерал. — Давай ещё по рюмочке — и начнём.

— Давай, — легко согласился гость, поднимая бокал с коньяком. — Заинтриговал ты меня, может, действительно удивить сможешь.

Генерал лишь загадочно улыбнулся, выпил и поднял вверх правую руку. Тотчас динамики прервали «битлов» и зазвучал туш № 2 лауреата Сталинской премии Николая Иванова-Радкевича, знакомый всем, кто жил в Советском Союзе и звучавший практически на всех торжественных и официальных церемониях. Под него-то и вышел на арену, приоткрыв небольшую дверцу, противник Рекса. Это был высокий, широкоплечий молодой человек в толстой кожаной куртке и таких же брюках. Высокий стоячий воротник кожанки практически полностью закрывал его шею. На руках бойца были митенки — перчатки с обрезанными «пальцами», ноги обуты в армейские берцы. Вскинув к правому плечу сжатый кулак, верзила лёгким наклоном головы поприветствовал Генерала и его гостя.

— Это кто? — заинтересованно спросил москвич.

— Начальник моей охраны, — небрежно ответил Генерал. — Бывший боец спецназа МВД, позывной Беркут.

— Судья?

— Ну что ты, Виктор Павлович! Это противник Викинга. Хвастал, что любого пса голыми руками удавит, вот я и дал ему такую возможность.

— А если... Ты представляешь, чем это чревато?! — заволновался гость.

— Да ничем! — скривил губы Генерал. — Чего сейчас уйдёт в дом, и других свидетелей, кроме нас с тобой, не будет. А от несчастного

случая, если имеешь дело с собаками, никто не застрахован.

— А эти? — качнул головой в сторону двух охранников у ворот высокий гость.

— Эти будут молчать, — уверенно произнёс Генерал. — Я им столько плачу, что... Да и знают они, чем им открытый рот грозит. Ну что, начнём?

— Раз ты так уверен, давай! — согласно кивнул Виктор Павлович и залпом влил в себя большой фужер дорогущего «Hennessy».

— На кого ставишь?

Московский гость внимательно посмотрел на арену, потом пожал плечами и уверенно заявил:

— На Беркута, конечно.

— Тогда я — на Викинга, — усмехнулся Генерал, достал из наплечной кобуры самый обычный «Макаров» и пальнул вверх...

Из дневника Петровича:

«Я и поверить не мог, что Виталья и Михаил Львович согласятся ехать на выручку Рекса. Хотя, наверно, они не представляли себе достаточно ясно, на какое рискованное и сомнительное дело подписались. И хоть вооружились, толку от этого было ноль. Ни Виталий, ни тем более Айболит никогда бы не выстрелили в человека. Мне ли этого не знать».

Выстрел подействовал на Рекса, как удар хлыста. Ни секунды не мешкая, он метнулся к стоящему к нему боком бывшему спецназовцу, намереваясь грудью сбить его с ног. Но тот, боковым зрением уловив начало атаки, успел в развороте крепким кулаком попасть Рексу в голову. Удар был столь силен, что Рекса развернуло в воздухе и отбросило к прутьям решётки. Спасла Рекса только отменная реакция. Мгновенно вскочив на ноги, он тут же отпрыгнул в сторону, уходя от летящего в него крепкого армейского ботинка, которым Беркут хотел завершить удачно начавшийся для него бой. Он, конечно, был несколько удивлён тем, что пёс бросился на него без всякого предупреждения, без рыка, лая и прочих обязательных для собак ритуалов начала драки. Но это сейчас было не самым важным. Пришло понимание, что против него выставили не просто бойцового пса, а такого, который не

испытывает ни малейшего пиетета перед человеком и готов сразиться с ним не на жизнь, а на смерть.

Откуда было знать Беркуту, что за те мгновения, когда он приветствовал хозяина и его высокого гостя, Рекс успел прокачать ситуацию и понял, что стал смертником. Не для того на арене появился верзила в кожаной куртке, чтобы развлечь других вожakov избиением собаки. От него волнами расходился вокруг явственный могильный запах. Это был убийца, и Рексу, чтобы выжить, нужно было стать таким же.

Вопреки слухам о нём, Рекс ещё ни разу не убил и даже не укусил человека. Да, чтобы выжить, он научился убивать собак. Да, он хотел лишиться жизни Хмарю, разорвать ему горло из мести за Стёпу, но не смог пересилить сопротивления Домашней Собаки, в то время ещё жившей в нём. Однако, следя за бомжем в один из зимних выюжных вечеров, увидел, что собака вполне способна на убийство вожака.

Поддатый Хмаря брёл тогда по заснеженной улице с пакетом в руке и бурчал себе что-то под нос. И вдруг от забора какого-то частного дома ему под ноги выкатился звонко и радостно лающий мохнатый комок. Хмаря остановился, сфокусировал пьяный взгляд на щенке и с размаху ударил по нему своей разношенной кроссовкой. Кутёнок взвизгнул от боли и улетел через канаву обратно к забору.

— Чтoб ты сдох! — выхаркнул в сторону щенка Хмаря, и это были последние слова в его беспутной жизни.

От забора, звеня обрывком цепи на шее, к нему метнулась здоровенная кавказская овчарка, сшибла с ног и вцепилась в шарф, которым Хмаря укутал свою тощую шею. Бомж завизжал от ужаса и попытался откатиться от разъярённой матери обиженного щенка, но свалился в канаву. Овчарка навалилась на него сверху, одним рывком разодрала остатки ветхого шарфа и тут же вцепилась клыками в уже ничем не защищённое горло. Хлынула на снег горячая кровь — человеческая... Даже сейчас её запах будоражил Рекса, наливал силой мышцы, туманил мозг яростью! Он мог, точно мог повторить то, что сделала тогда в сумеречном городе кавказская овчарка. И никто не мог остановить его, ведь Домашняя Собака умерла в нём навсегда.

Прямая атака не удалась. И Рекс понял, что для победы ему нужно что-то, чего никак не ожидает противник. Если нет возможности взять его силой, значит, нужна хитрость, вроде той, что он применил в схватке с Конгом. Или коварство, применённое против него самого деревенскими охотниками, взявшими его в плен. Лучше — и то, и другое сразу. А верзила ждал нового броска, встав в боевую стойку. Согнутыми руками он защитил лицо и горло, левая полусогнутая нога была выставлена вперёд, а правая ждала момента, чтобы во время прыжка овчарки нанести ей точный и убийственный удар в голову. Рекс же и не думал нападать; глухо рыча, он выискивал слабое место в защите Беркута. Затем двинулся по кругу вдоль решётки, обходя стоящего в центре арены противника. Беркут тоже стал разворачиваться, чтобы всегда находиться лицом к псу. Делать это в боевой стойке было неудобно, и Рекс с удовлетворением заметил, что нога, отставленная назад для удара, изменила своё положение на менее удобное. Он ускорил бег, не теряя надежды, что противник всё же подставит ему для нападения незащищённую спину. Беркуту волей-неволей тоже пришлось быстрее крутиться вокруг собственной оси. Тактика Рекса ввергла его в недоумение. Уже не первый раз на потеху публике он калечил и убивал собак, но с таким бойцом встретился впервые. Прежние шавки, даже получив болезненный отпор, продолжали нападать на него, пытаясь вцепиться в горло. Рекс же с первого раза понял, что эти попытки обречены на неудачу. И теперь крутился вокруг него, сбивая с толку и вызывая глухое раздражение. А тут ещё и Генерал закричал из-за стола:

— Беркут, ты нам и дальше балет показывать будешь? Или всё же драться начнёшь?

Бывший спецназовец понял, что вызвал недовольство хозяина, и решил форсировать события. Выждав момент, он сам атаковал Рекса, длинным прыжком преодолев разделяющее их расстояние и нанеся удар по туловищу Рекса. Однако Рекс ждал этого и в последнее мгновение ушёл с линии удара. Беркут промахнулся, и это дорого ему стоило. Рекс, вместо того чтобы отбежать в сторону, контратаковал. Он прыгнул вперёд, цапнул зубами опор-

ную ногу противника и тут же проскочил дальше. Всё, что успел сделать бывший спецназовец, это ударить кулаком по его рёбрам.

Всё вернулось на круги своя. Рекс опять закрыл по краю арены, а Беркут крутился в центре, не выпуская его из поля зрения. Но кое-что всё-таки изменилось. По правой штанине спецназовца текла струйка крови. Рексу удалось прокусить толстую кожу, в которую упаковался его противник, и нанести ему неглубокую, но болезненную рану. Беркут стал заметно прихрамывать и уже не пытался сам атаковать Рекса. Выжидал.

Пёс, заметив хромоту противника и уловив пьянящий запах его крови, наоборот, ускорил темп. Теперь он уже не просто кружил вокруг спецназовца, а быстрыми длинными прыжками пытался заскочить ему за спину. Однако Беркут не давал ему такой возможности, всегда оказываясь лицом к противнику. И тогда Рекс решился на хитрость. Не сбавляя скорости, он неожиданно рванулся в сторону бывшего спецназовца, всем своим видом демонстрируя, что намерен вцепиться ему в глотку. Тот отреагировал мгновенно, нанеся опережающий удар ногой в бегущего к нему пса. Но Рекс, ожидая этого, ещё раз изменил направление атаки и сумел-таки заскочить за спину противника. Из очень неудобного положения он прыгнул на обтянутые кожей плечи противника и повалил его на песок арены. Подвела Беркута прокушенная Рексом нога, зря он её использовал в качестве опорной при нанесении удара. Падая ничком, боец смягчил приземление выставленными вперёд руками, но, оказавшись поверженным, тут же вскинул их на затылок, защищая ладонями шею. Предосторожность не оказалась излишней, поскольку Рекс хотел вцепиться зубами именно в загривок противника. Теперь же пришлось рвать клыками до половины обнажённые пальцы.

— А-а-а! — раздался полный боли крик спецназовца, у которого хрустнула перекушенная зубами кость указательного пальца левой руки.

Утробное рычание было ему ответом. Беркут услышал в нём свой смертный приговор и, превозмогая боль и страх, который вселил в него Рекс, попытался дать ему отпор. Он перека-

тился на спину и выставленными вперёд окровавленными руками сумел вцепиться в горло Рексу. Чтобы не быть задушенным, Рексу пришлось упереться лапами в грудь противника и чудовищным усилием вырваться из смертельной хватки. Беркут, воспользовавшись тем, что хрипящему Рексу пришлось отскочить на мгновение от него, сумел встать на колени и выхватил из узкого кармана на штанине небольшой, но остро наточенный нож. Это было против правил, ведь он обещал Генералу победить пса голыми руками, но, когда на кону стоит жизнь, все договорённости перестают иметь значение.

Рекс, увидев в правой руке противника блестящую в свете прожекторов сталь, поостерёлся атаковать сразу. Он хорошо знал, какую боль могут причинить предметы в руках вожаков. Правда, с ножом ему ещё не приходилось сталкиваться и всей его опасности он просто не знал. Беркут же, поняв, что Рекс, опасаясь ножа, не рискнёт прыгнуть на него, запаниковал. С каждой каплей крови, сочащейся из его искусанных рук и прокушенной ноги, силы таяли, а уж ослабевшего противника Рекс не пощадит. И тогда он решился на отчаянный шаг. Сделав вид, что силы окончательно покинули его, бывший спецназовец повалился боком на песок арены так, чтобы рука с ножом осталась свободной, а горло было защищено левой рукой.

Генерал и его московский гость, уже давно покинувшие стол и стоящие у самой решётки, чтобы не пропустить ни одного мгновения захватывающего зрелища, взвыли от восторга. Они поняли хитрость Беркута и ждали атаки Рекса, которая должна была закончиться для него смертью. Но Рекс медлил. Он понимал, что момент для нападения идеальный, но Дикий Пёс в нём глухо рычал, предупреждая о западне. И Рекс снова двинулся по кругу, заходя противнику за спину.

— Викинг, давай! — заорал в бешенстве Генерал, и сам в тот момент похожий на дикого зверя. — Рви его! Кончай!

— Ату его! — не удержался от крика и московский гость, из уголка рта которого текла тягучая струйка слюны, а он даже не замечал этого. — Фас!

Короткое, давно знакомое Рексу слово затуманило его мозг яростью. И он, отбросив все сомнения и опасения, прыгнул на Беркута. Не тратя времени на то, чтобы пробиться к его защищённому рукой горлу, Рекс вцепился зубами в ничем не прикрытое лицо противника, мгновенно разодрав до кости скулу и порвав ноздрю.

— О-о-у-у! — взвыл от дикой боли спецназовец и что есть сил махнул правой рукой с ножом, всаживая лезвие в бок Рекса.

— А-а-а! — восторженно завопил гость хозяина.

— Бей его-о-о! — вторил ему голос Генерала.

А Рекс, левый бок которого пронзила нестерпимая боль, посмотрел на них ничего не понимающим взглядом, чуть слышно рыкнул и рухнул на арену. Беркут с трудом встал на колени, протёр залитые кровью глаза, поднял нож и ещё раз всадил его в бок беспомощного противника. И сам, растратив остатки сил, рухнул рядом навзничь.

— Би-бип! — резкий сигнал автомобильного клаксона за воротами прозвучал финальным аккордом смертельной схватки.

Из дневника Петровича:

«Рекс... Рекс... Рекс... Я не понимаю, почему во всём мне слышится это имя. В биении сердца. В тиканье часов. В перестуке вагонных колёс. Везде и во всём. Может, это медленное схождение с ума? Нет, вряд ли. Это бьётся в отчаянии чувство вины перед Рексом-отцом, который, не раздумывая, отдал жизнь за меня. И перед Рексом-сыном, которого я не взял сразу к себе и тем обрёк на скитания и страдания. Очень хочется верить, что я смогу исправить то, что сотворил по своему скудоумию».

Генерал, услышав сигнал автомобиля, с трудом оторвал горящий взгляд от залитой кровью арены, повернул голову в сторону охранников и недовольно рывкнул:

— Ибуклин, вашу мать! Кто бы это ни был — гоните в шею!

Охранники, толкаясь и мешая друг другу, бросились открывать дверцу в массивных железных воротах. Они знали, чем грозит промедление, когда всегда сдержанный на язык Генерал начинает материться. Впрочем, «материться» — не точное слово. Пытаясь изба-

виться от армейской привычки разговаривать матом, Генерал заменял нецензурные слова названиями лекарств, благо фармацевты ему активно в этом помогали.

Услыхав лязг засова со стороны двора, Петрович и Виталий переглянулись.

— Будь готов! — шепнул Петрович приятелю.

— Усегда готов! — шутливо ответил голосом Папанова Виталий, но выступивший на его лбу пот ясно показывал, что он сильно нервничает.

Петрович, подбадривая, дружески похлопал его по плечу, но больше ничего не сказал, поскольку дверь распахнулась и навстречу визитёрам вышел плечистый малый в камуфляже и с помповым ружьём в руках. За ним в дверном проёме маячил ещё один такой же вооружённый громила.

— Чо надо? — спросил, как плюнул, охранник.

— Ничо! — заговорил на его языке Петрович, по опыту знающий, что с такими типами в интеллигентные разговоры вступать не стоит. — Хозяина позови.

— Генерал сказал, чтобы валили вы отсель по-быстрому, а то... — и верзила потряс в воздухе помповиком, казавшемся игрушечным в его ручище.

Глаза Петровича сузились и потемнели. Шагнул вперёд, он резким движением вырвал помповое ружьё у не ожидавшего нападения цербера и прикладом саданул ему в солнечное сплетение. Охранник согнулся пополам и судорожно стал хватать ртом неожиданно ставший вязким воздух. Его напарник, увидав нацеленный ему в лицо помповик, медленно поднял руки, уронив своё оружие на землю.

— Молодец! — похвалил Петрович и повторил свою просьбу, на этот раз подкрепив её движением ствола: — Хозяина позови!

— Ге-генерала? — задал идиотский вопрос не на шутку струхнувший боец.

— Его-его! — усмехнулся Петрович. — Да не трясись ты так, сделаешь всё как надо, ничего с тобой не случится.

Охранник кивнул и исчез во дворе. И тут стал приходить в себя первый секьюрити. С хрипом втянув в себя порцию воздуха, он приспел на выдохе:

— С-сука!

— Рад знакомству! — на полном серьёзе отве-

тил ему Петрович. — А меня Дмитрием Петровичем зовут.

Верзила распрямился и, видимо, ещё не оценив в полной мере ситуацию, замахнулся кулаком на стоящего перед ним человека. Но довести до конца задуманное не успел. Стоящий справа от него Виталий врезал ему рукояткой своей «Осы» прямо в висок. Охранник рухнул на дорогу как подстреленный бегемот.

— А чего? — пожал плечами в ответ на укоризненный взгляд Петровича приятель. — Не стрелять же в него в самом-то деле?!

— И кто тут у нас такой смелый? — раздался от ворот командный рывк Генерала, появившегося в дверном проёме.

Бывший подполковник не выглядел ни испуганным, ни злым — скорее, заинтересованным. Хотя свой пистолет «Макарова» держал в руке. Но не угрожал им, просто поигрывал, давая понять чужакам, что способен дать адекватный ответ на любые их действия. За его спиной, подняв с земли своё ружьё, бледнел лицом перетрусивший охранник.

— Добрый вечер, Иван Аркадьевич! — поприветствовал хозяина Петрович.

— И тебе не хворать! Зачем пожаловал?

— Чтобы забрать то, что принадлежит мне по праву, — ответил отставной капитан, давно уже не испытывавший трепета перед старшими по званию.

Генерал смерил его и Виталия презрительным взглядом и процедил сквозь зубы, едва сдерживая готовый вырваться наружу начальственный гнев:

— Здесь ничего твоего не было и нет. И не будет никогда! Поэтому не буди лихо, уезжай по-доброму-поздорову. Ещё раз появишься — пеняй на себя.

Генерал развернулся, чтобы уйти, но остановился, услышав не то приказ, не то грубую просьбу Петровича:

— Стой, Генерал! Недоговорили!

Виталий недоумённо и испуганно глянул на приятеля. Разговаривать таким тоном с Генералом, да ещё на его территории, — это было выше его понимания. А Петрович, встретившись взглядом с Генералом, ясно и чётко проговорил:

— Я знал, что делал, когда пришёл к тебе.

Знаю, кто ты и чем занимаешься. Но я пришёл с миром предложить тебе обмен. У меня есть то, что заинтересует тебя. У тебя есть то, что нужно мне. Готов говорить серьёзно?

Генерал бросил требовательно:

— Говори!

Петрович шумно выдохнул, сбрасывая напряжение последних минут, когда был готов к тому, что Генерал начнёт палить со своего «Макарыча», и вместо ответа протянул ему распечатанную на принтере статью. Ту самую, что читали у него дома Айболит с Виталием.

Генерал безо всякого интереса взял протянутые ему листки бумаги, но, прочитав первые строки, увлёкся и дочитал всё до конца. Потом медленно разорвал их на четыре части, бросил обрывки под ноги и спросил, глядя в сторону:

— Доказательства есть?

— Да! — уверенно кивнул головой Петрович.

— Сколько ты хочешь?

— Нисколько.

Генерал криво усмехнулся:

— Не верю. Когда человек говорит, что ему не нужны деньги, значит, он потребует что-то, что стоит дороже их. У меня нет ничего, что могло бы тебя заинтересовать, поэтому повторяю вопрос: сколько ты хочешь за эту писанину?

— Мне нужен Рекс.

— Что?! — удивлению Генерала не было предела. — Какой Рекс?

— Пёс, который победил Конга и которого ты, вероятно, готовишь к новым боям.

Генерал нахмурился. Паша заверил его, что все вопросы с хозяином пса решены, а тут вдруг такое. В этот момент к нему шагнул Виталий и протянул перетянутую аптечной резинкой пачку долларов. Видя недоумение Генерала, сказал:

— Забирайте свои деньги. Ни я, ни моя жена не могли продать вам Рекса, потому что он принадлежит Дмитрию Петровичу Самойлову. Вот ему. Как алиментный щенок.

— Доказать можешь?

Вместо ответа Виталий нашёл в телефоне снимок, на котором Рекс и Петрович в обнимку сидели на траве, и показал Генералу.

— Ну, это всего лишь фото, которое ничего не доказывает...

Виталий усмехнулся и протянул Генералу вынутую из кармана бумагу. Это был по всем

правилам составленный договор на алиментного щенка.

— Так ты... — Генерал, прочитав договор и взяв деньги, взгляделся пристально в глаза Петровича.

— Так ты это всё затеял из-за собаки?

Петрович кивнул. А Генерал захохотал — громко, издевательски, до слёз. Отсмеявшись, вытер тыльной стороной ладони глаза и уже спокойно, по-деловому сказал:

— Я тебя понял. Ты из тех идеалистов, готовых пойти на смерть ради того, что ни хрена не стоит. Что ж, ты станешь мучеником...

Генерал достал из кармана плоскую коробочку с кнопкой и показал Петровичу:

— Видишь? Стоит мне нажать на неё — и через пять минут здесь будет дюжина бойцов с автоматами. А ещё через пять минут ты расскажешь мне, где хранится собранный на меня компромат. Веришь?

— Верю! — серьёзно ответил Петрович и поднял вверх правую руку с раскрытой ладонью.

«Блямс-дзинь!» — разлетелась на мелкие кусочки видеокамера, укреплённая на воротах над головой Генерала. Ещё через секунду долетел звук выстрела. Петрович и не заметил, что это было дело рук Айболита.

— Следующий будет тебе в голову, — с невозмутимой мрачностью проговорил Петрович. — Веришь?

Генерал, который, в отличие от своих присевших от страха охранников, никак не отреагировал на выстрел, утвердительно кивнул. И опять спросил, убирая свой пистолет в наплечную кобуру:

— Сколько ты хочешь? И не втирай мне про пса, всё равно не поверю. Кстати, после сделки отдашь мне всё, что ты наковырял своим журналистским рылом.

— Мне нужен Рекс! — твёрдо ответил Петрович. — Если ты вернёшь его, я даю тебе слово офицера, что никто и никогда не познакомится с собранным мною компроматом на тебя. И статья не появится ни в газете, ни в интернете, вообще нигде. И твоему рылу, — последнее слово Петрович чётко выделил презрительной интонацией, — ничто не будет угрожать.

— Так ты офицер?! — искренне удивился Генерал. — Звание?

— Капитан запаса.

— Где служил?

Петрович потёр заросший щетиной подбородок и отрицательно качнул головой:

— Хочешь, сам выясняй. А я перед тобой, подполковник, отчитываться не обязан.

Генерал помолчал, задумчиво глядя на Петровича, потом, видимо решившись, сказал:

— Ладно, согласен. Для таких, как ты, — а их много посмотрелся, — слово офицера не простой звук. Иди забирай своего пса. Он там... в клетке... лежит...

— Что?! — Петрович, забыв обо всём, бросился на двор.

— Не забудь, ты слово дал! — крикнул ему вослед с усмешкой Генерал.

Но Петрович уже не слышал его. Он бежал к арене, по-прежнему залитой светом прожекторов.

Лежащий в луже крови Рекс чуть не помутил рассудок Петровича. Сразу вспомнился тот Рекс, который в весеннем сквере так же истекал кровью.

— Подонок, — прошептал Петрович. — Какой же ты подонок, Генерал!

Он вплотную подошёл к решётке, ограждающей самопальную гладиаторскую арену, и позвал:

— Рекс! Рекс, дурашка!

Звук собственного имени вывел Рекса из беспамятства. Пёс шевельнул хвостом и медленно, покачиваясь на ослабевших лапах, поднялся. Только тут Петрович заметил торчащий у него в боку нож и ужаснулся.

Опять позвал:

— Рекс! Держись, я сейчас...

Но Рекс будто не слышал его. Он шагнул к лежащему без сознания Беркуту, оскалил пасть и зарычал. Наклонился к шее спецназовца с явным намерением сомкнуть зубы на ней. Петрович похолодел. Ещё мгновение — и он станет свидетелем убийства. И убийцей будет Рекс, его Рекс. Это было неправильно, страшно и больно.

— Стой, Рекс! Остановись! — закричал Петрович. — Фу!

Словно красный уголёк ожёг лапу Рекса. Он вздрогнул и повернул голову. Узнал Петровича, и его злобный оскал исчез. Но не вспыхнул в глазах огонёк любви, как это бывало прежде. Правда, и ненависти не было. Только обида...

Долгую минуту человек и собака смотрели в глаза друг другу. Потом Рекс покачнулся, взгляд его потух, и он боком упал рядом с побеждённым врагом.

— Ну что, забираешь его? — раздался за спиной Петровича насмешливый голос Генерала.

— Где вход, ублюдок? — с нескрываемой ненавистью спросил его Петрович.

— Да ты совсем вольтанулся, капитан! — никак не отреагировав на оскорбление, отозвался Генерал. — В трёх метрах от тебя дверь.

Петрович бросился к не замеченной им раньше решётчатой двери на арену, загремел засовом. Подбежал к Рексу, поднял его на руки, как тогда, в сквере, и понёс к выходу. Капли крови стелились за ним красной дорожкой.

— Звони Айболиту, — крикнул Петрович Виталию, не решившемуся войти во двор. — Пусть срочно сюда бежит.

— Я уже здесь! — раздался в ответ голос Михаила Львовича.

Едва Петрович перешагнул порог ворот, Айболит, ни секунды не мешкая, приказал ему положить Рекса прямо на обочину и склонился над ним.

— Ну что? — нетерпеливо спросил его Петрович. — Жив?

— Жив, — кивнул головой собачий доктор, вкалывая Рексу шприцом какую-то желтоватую жидкость. — Хорошо, у тебя ума хватило нож не выдёргивать...

— Да знаю я, что этого делать нельзя, — поморщился как от зубной боли Петрович. — Ты скажи, спасти его можно?

— Ранения серьёзные, кровопотеря большая, — задумчиво пробормотал ветеринар. — Но маленький шанс остаётся... Это если его в областную платную ветклинику отвезти...

— Так чего мы стоим! — встрепенулся Петрович. — Поехали! Виталий, помоги Рекса в машину погрузить!

— Постой! — попытался остановить Петровича Айболит. — Ты хоть знаешь, сколько операция и лечение будут стоить?

— Разберёмся! — проворчал Петрович, укладывая с помощью Виталия Рекса на заднее сиденье автомобиля. — Садись рядом, Михаил Львович. И смотри, сделай всё, чтоб он доехал до операционной!

Айболит только головой покачал укоризненно. А то он сам не знает, что делать в такой ситуации. Сам же Петрович бросился к дверце водителя.

— Капитан! — окликнул его стоящий у ворот Генерал. — Ты слово офицера дал, помнишь?

— Помню! — кивнул ему Петрович. — Если бы не это, я бы тебя...

Недоговорив, Петрович сел за руль и завёл двигатель. Развернувшись, взвизгнув колёсами, и помчался по дороге.

— Ну ты и мундизал! — не то осуждающе, не то восхищённо пробормотал Генерал и крикнул охранникам: — Чего уставились? Беркута тащите в дом и врача нашего вызовите. А тебе чего?

Последние слова относились к московскому гостю, теребившему Генерала за рукав.

— Я это... спросить хотел, — постоянно прикладываясь к горлышку бутылки коньяка, промямлил Виктор Павлович. — Что теперь будет? Заложит ведь он нас, как пить дать заложит! Или ментам, или того хуже — фэбсам.

— Не заложит! — покровительственно хлопнул по плечу гостя Генерал. — Он слово офицера дал.

— Слово — вещь такая: захотел — дал, захотел — обратно взял.

— Дурак ты, Виктор Павлович! — беззлобно отозвался Генерал, вытаскивая из кармана мобильник и нажимая кнопку вызова: — Паша, сейчас от меня в сторону областного центра едет чёрный джип. Записывай номер...

Продиктовав госномер автомашины Петровича, Генерал продолжил:

— Проследите за ним. Нет, трогать пока не нужно. Выясните, где он хранит компромат на меня... Откуда я знаю как?! Если не получится это сделать, тогда и придёт время применить спецсредства. Да, всю информацию по Дмитрию Петровичу Самойлову, это он едет в машине, предоставить мне к завтрашнему утру. Выполнять!

Завершив разговор, Генерал похлопал по плечу струхнувшего московского гостя:

— У меня, как в армии, дисциплина железная. Хотя что ты поймёшь, шпак! В армии ведь не служил? Закосил ведь?

— У меня это... плоскостопие, — объяснил москвич.

— Во-во! — усмехнулся Генерал. — А ещё ко-соглазие и алопеция!

— Что? — не понял его гость.

— Облысение! — шлёпнул его по обширной лысине Генерал. — Шучу я. Пойдём лучше выпьем за здоровье Викин... тьфу ты!.. Рекса. Чует моё сердце, не последняя у нас с ним встреча!

Из дневника Петровича:

«Мы успели. Довезли Рекса живым до больницы. Его сразу же укатали в операционную. Знаю, что сейчас напишу банальность, но два с половиной часа возле неё показались мне вечностью. Зато сколько радости было от простых слов вышедшего к нам хирурга: «Будет жить. У него потрясающая способность цепляться за жизнь. Дважды сердце останавливалось во время операции, а он — выжил».

И ещё: я думал, что собачьи бои — это самое отвратительное, что может сотворить homo sapiens с собаками в XXI веке. Именно человек разумный, а не отморозки, мучающие котят в подвалах. Оказывается, ошибался. Разум и милосердие далеко не всегда соседствуют. Иногда они идут параллельными путями».

— ...Дмитрий Петрович, я всё прекрасно понимаю и сочувствую вам. Но и вы меня поймите, — назвавшийся главврачом ветклиники молодой парень в золотых очочках и с тщательно ухоженной бородкой говорил тихо и предельно вежливо. — Наша больница не благотворительная организация, а из бюджета мы не получаем ни копейки. Мы и так пошли вам навстречу, начав лечение вашей собаки без авансового платежа. Только потому, что за вас очень хлопотал доктор Зайцман, которого все мы безмерно уважаем. Однако если послезавтра счёт не будет оплачен, мы будем вынуждены прекратить лечение и направить исковое заявление в суд.

Очкарик замолчал, внимательно глядя на Петровича и поправляя лацканы белоснежного халата. «Понимает он! — неприязненно подумал Петрович. — Семьсот тысяч! Где ж их взять сразу, если у меня весь подкожный жирок в десять раз меньше этой суммы?»

— Я понимаю ваши затруднения, — продолжил главврач. — Но можно ведь взять

кредит даже здесь, не выходя из клиники. В течение часа ваш счёт будет оплачен. Наши партнёры из банка готовы всё сделать для наших пациентов.

«Угу! — про себя усмехнулся Петрович. — Всего-то за тридцать пять процентов годовых. Последние штаны снимут ваши банкиры». А вслух сказал:

— Я понял вас, Альберт Робертович. Я найду деньги. Послезавтра счёт будет оплачен.

— Не смею вас больше задерживать, — улыбнулся главврач, но в голосе его слышалось разочарование, из чего Петрович заключил, что тот имеет свою долю с кредитов, выдаваемых банком на лечение четвероногих пациентов.

Вернувшись в палату, где лежал опутанный проводами и какими-то трубками перебинтованный Рекс, Петрович глубоко задумался. Рекс уже третьи сутки не приходил в себя, хотя Айболит заверял, что все опасности позади и жизни его ничто не угрожает. Михаилу Львовичу Петрович верил гораздо больше, чем этому ухоженному бородатому пажону в золотых очках, который называл себя главным врачом, а по сути был просто рвачом от ветеринарии. Но всё, что смог сделать Айболит в этой ситуации, — это добиться отсрочки платежа. И это было очень много. Ведь, когда они привезли в больницу Рекса, счёт шёл на минуты. Сейчас, когда борьба за жизнь Рекса была уже позади, возникла финансовая проблема. Счёт в ней шёл на часы, а не минуты, но ставка была прежней — жизнь Рекса. Деньги нужно было найти во что бы то ни стало. И Петрович уже смирился с мыслью о том, что придётся продать машину, а недостающую сумму взять кредитом в банке. Но не в этом, который ему подсовывал главврач, а в другом.

Петрович тяжело вздохнул и осторожно погладил привязанного широкими ремнями к кушетке Рекса по голове. Пёс едва заметно вздрогнул и чуть слышно проскулил что-то. Петрович улыбнулся. Последние сутки каждый раз от его прикосновения Рекс подавал признаки жизни. И это было хорошим признаком, дарящим надежду на благополучный исход. А Рекс за время своего беспомощства ещё раз проживал жизненные испытания, выпавшие на его долю. Вместе со Стёпой он

опять шастал по дворам в поисках съестного, гнал по тёмной улице Хмарю, дрался со Страшилой, Конгом и своим тёзкой Рексом в парке. В своих видениях он был хитрым и умным, сильным и непобедимым, злым и безжалостным. В минуты триумфа Рекс едва слышно рычал и подёргивал лапами. И тогда на него нисходила благодать. Он снова становился маленьким щенком, и откуда-то сверху тёплое наваждение проливалось на его темя. И он качался, плыл на волнах блаженства, как в детстве...

Дверь приоткрылась, и в палату заглянул Виталий.

— Заходи, — шепнул ему Петрович, махнув рукой. — Какие новости?

— Да никаких, блин! — так же шёпотом ответил Виталий, пожимая руку приятеля. — Рекс не очнулся ещё?

— Пока нет, но признаки жизни подаёт.

— Что с оплатой лечения решил?

— А что тут решать? — пожал плечами Петрович. — Машину буду продавать и кредит, наверно, придётся оформить.

— Много там накапало?

— Да этот хмырь, главврач, говорит, что послезавтра надо заплатить семьсот тысяч. Но сумма не окончательная, поскольку лечение продолжается.

— Ничего себе! — поразился Виталий. — Откуда такие цены?

— Так Рексу две операции уже сделали и какие-то дорожные уколы колют. Плюс оплата койко-места, как здесь говорят, — пояснил Петрович.

Виталий задумчиво потёр ладонью лоб, затем, словно решившись идти в атаку, решительно сказал:

— Знаешь что, Дима! Есть у нас двести тысяч, на ремонт откладывали, можешь на них рассчитывать.

Петрович поглядел на него проницательно, спросил:

— А что Люба на это скажет?

— Ничего! Я что, блин, по любому поводу у неё разрешения должен спрашивать?

— Спасибо, Виталя! Правда, спасибо тебе огромное! В том числе и за то, что к Генералу со мной поехал. Но денег твоих я не возьму...

— Да ты что? — возмутился Виталий. — Я ж от чистого сердца...

— Сказал — нет, значит, нет! — отрубил Петрович. — Сам справлюсь.

— Да ты... да ты, блин... — Виталий даже слов не мог подобрать, чтобы выразить своё негодование.

— Чего шумим, террористы? — в дверном проёме стоял Айболит в белом халате и колпаке.

Виталий и Петрович шумно обрадовались его появлению. Во-первых, оборвался тягостный для них обоих разговор о деньгах. Во-вторых, Айболит тем выстрелом по видеокамере на воротах Генерала доказал, что на него можно положиться в любой ситуации. Не подведёт!

— Заходи, Михаил Львович!

— Рады тебя видеть!

Доктор не заставил себя упрашивать, пожал приятелям руки и с видом профессора подошёл к Рексу:

— Ну-с, как чувствует себя наш герой?

Приподняв веко, глянул на зрачок Рекса, пощупал пульс, прочитал надписи на использованных ампулах, лежащих на столе. Медсёстры оставляли их по просьбе Петровича, которому настоятельно рекомендовал это сделать сам Айболит.

— Ну что? — спросил его Петрович.

— На мой взгляд, всё идёт отлично. Prognosis bona! То есть хороший прогноз. Но, конечно, придётся пока поваляться здесь.

Петрович нахмурился. Заметив это, Михаил Львович спросил:

— Что-то не так?

— Да этот... главврач, Альберт Робертович... сказал, что, если послезавтра не заплачу, они лечение прекратят.

— Да какой он главврач?! — возмущённо всплеснул руками Айболит. — Там врачом и не пахнет. У него даже образования профильного нет. Он этот... как его?... мерчендайзер... тьфу ты!.. менеджер. А по сути — просто хапуга! Рексу другие специалисты жизнь спасали — вот те, да, хорошие ветеринары. Ладно, поговорю я с этим Альбертом Робертовичем...

— Не надо! — твёрдо заявил Петрович. — Я найду деньги!

— Слышал?! — обратился к Айболиту Виталий. — Он и со мной, блин, так же говорил.

— Виталя, прекрати! — попросил Петрович и с опозданием спросил, уводя разговор в сторону: — Михаил Львович, а с какой стати ты нас террористами обозвал?

— А кто мы? С оружием ворвались в частное владение, угрожая насилием и шантажируя хозяина публикацией порочащих его сведений, забрали собаку и увезли в неизвестном направлении. Что это, если не деяние с признаками терроризма? — с очень серьёзным видом разъяснил собачий эскулап и по привычке подкрепил свои пояснения латынью: «Amicus Plato, sed magis amica veritas. Платон мне друг, но истина дороже».

Все трое рассмеялись. Но Петрович быстро посерьёзнел и сказал:

— А ведь я ваш должник, ребята! Век не забуду и, если понадобится, всё для вас сделаю.

— Ремонт нам сделай в квартире, Самойлов! — раздался от дверей весёлый голос Любы. — А то моего благоверного не допросишься. Сделаешь?

Петрович улыбнулся и кивнул головой:

— Сделаю. Вот Рекс выздоровеет — и сделаю. Обещаю!

— Да ладно, шучу я, — начальственно отмахнулась заместительница начальника департамента имущественных и земельных отношений.

— Люба? Ты как здесь? — поразился Виталий. — Ты ведь на работе должна быть...

— Я-то на работе, меня в областную администрацию срочно вызвали, — ответила мужу супружница. — А вот ты, Матвеев, как здесь оказался? Деньги Диме предлагал на лечение Рекса?

— Да я, блин...

— Помолчи уж! Дима, почему до тебя никак не дозвониться?

Петрович пожал плечами:

— Выключил я мобильник. Достали звонками, а Рексу покой сейчас нужен.

— Включи!

— Зачем?

— Так надо! — веско произнесла Люба.

Петрович не стал спорить, достал телефон и включил его. Тут же запиликал сигнал поступающих сообщений — и так часто, одно за другим.

— Что за чёрт? — удивился Петрович. — Кто это меня так домогается?

— А ты погляди, — усмехнулась Люба.

Петрович уставился на экран, открыл папку

сообщений и потерял дар речи. Поднял изумлённые глаза на присутствующих, помолчал и вновь вернул взгляд к экрану.

— Что там? — заинтересованно спросил Виталий.

— Я не знаю, — почему-то шёпотом ответил Петрович. — Это Сбербанк шлёт сообщения о поступлении денег мне на карту.

— И много?

— Уже около восьмисот тысяч рублей.

Люба рассмеялась:

— Вот она, великая сила интернета!

— Так это ты? — осенила догадка Петровича.

— Я? — подняла удивлённо брови Люба. — Я только разместила пост о Рексе в интернете и обратилась к настоящим зоозащитникам за помощью. Извини, с тобой не посоветовалась, но ты ведь телефон отключил. Короче, они прониклись историей Рекса и попросили людей помочь в лечении. Результат ты видишь.

— Да уж, — поражённо откликнулся Петрович. — Чем больше узнаю людей...

— ...тем больше нравятся собаки, — продолжил Виталий.

— Нет! — отрицательно качнул головой Петрович. — Чем больше узнаю людей, тем больше им я удивляюсь. Они были готовы убить Рекса — и убивали! — а теперь спасают.

Из дневника Петровича:

«Я не знаю, кто мы на самом деле — ангелы или демоны? Наверно, и то, и другое сразу... А собаки?.. Они ведь очень близки нам. Думаю, в них тоже живут две сущности — домашняя и дикая. И чья сторона возьмёт верх, зависит только от нас. Я сегодня наклонился к Рексу, а он открыл глаза и зарычал на меня угрожающе. Потом замолчал и лизнул в нос горячим и шершавым языком. Как тогда, давно, на даче у Виталия...»

Анатолий Юрьевич ЕРОШКИН

родился в Карелии.

Работал в карельских СМИ.

Заслуженный журналист Республики Карелия,

член Союза журналистов России.

Пишет стихи, прозу для взрослых и детей.

Автор трех книг.

Победитель Открытого литературного фестиваля-конкурса

«Кубань литературная» в номинации «Большая проза»

(2022, за роман «Рекс»),

I международного конкурса литературной фантастики

«Кубок Брэдли-2018» в номинации «Выбор читателей»

и ряда других конкурсов.

